ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
В.Н. ТАТИЩЕВА»

На правах рукописи

Волков Алексей Леонидович

УЧАСТИЕ РОССИИ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ КОАЛИЦИОННОЙ ВОЙНЫ КОНЦА XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ГОЛЛАНДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1799 Г.)

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук Олейников А. В.

Астрахань, 2026

Оглавление

Введение 3
Глава 1. Россия в коалиционных войнах конца XVIII века 43
1.1. Русское военное искусство в конце XVIII века: тенденции развития и особенности. Совместные действия России и Австрии в войне с Турцией 1787-1791 гг. 43
1.2. Военно-политические особенности участия России в Первой и Второй антифранцузских коалициях 64
Глава 2. Голландская экспедиция в стратегии войны Второй антифранцузской коалиции 88
2.1. Англо-русское вторжение в Голландию: стратегические мотивы, военно-политические цели, подготовка, планирование 88
2.2. Русский экспедиционный корпус. Формирование, состав, статус 114
Глава 3. Русский корпус в Голландии в 1799 г. 138
3.1. Участие русских войск в боевых действиях на территории Голландии в сентябре – ноябре 1799 г. 138
3.2. Влияние межсоюзнических отношений на ход кампании в Голландии 161
3.3. Завершение экспедиции и её военно-политические последствия 184
Заключение 210
Список использованных источников и литературы 219
Приложения 245

Введение

Великая французская революция и последовавшие за ней войны радикально трансформировали европейскую систему международных отношений. Неспособность разрешить революционный кризис дипломатическим путем привела к формированию антифранцузских коалиций европейских монархических государств, преследовавших как идеологические цели (борьба с республиканизмом), так и геополитические интересы. По итогам войны Первой коалиции (1792–1797 гг.) Франция, создав пояс государств-сателлитов, перешла к активной экспансии, что сделало Кампо-Формийский мир лишь временной передышкой.

В 1798 г. была сформирована Вторая коалиция, в которой Российская империя заняла центральное место. В рамках реализации стратегии коалиционной войны русские войска сражались совместно с австрийскими союзниками в Северной Италии и Швейцарии, а в Голландии — с англичанами.

Среди этих операций Голландская экспедиция 1799 г. занимает особое место. Её успех позволил бы не только отторгнуть от Франции одного из наиболее важных сателлитов и, объединив под властью Оранской династии Голландию и Австрийские Нидерланды, создать плацдарм для наступления на Республику с северо-запада, но и иметь значительные политические выгоды, например подтолкнуть Пруссию к вступлению в антифранцузский союз.

Тем не менее, долгое время эта операция оставалась на периферии внимания отечественных историков. Причиной тому стало как поражение экспедиции, так и масштаб Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова, которые закономерно заслонили собой действия на других театрах военных действий. В дальнейшем грандиозная наполеоновская эпопея окончательно отодвинула события 1799 г. в Голландии на второй план. В связи с этим, переосмысление опыта Голландской экспедиции представляется необходимым для более глубокого понимания специфики коалиционной стратегии России, а также особенностей англо-русского военного сотрудничества на рубеже XVIII–XIX веков.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом факторов:

Во-первых, Голландская экспедиция 1799 г. остается малоизученным эпизодом в истории участия России во Второй антифранцузской коалиции. Комплексное исследование данной операции необходимо для формирования объективного представления о стратегии Российской империи в коалиционных войнах конца XVIII века и критического анализа механизмов взаимодействия союзных сил в ходе совместных военных кампаний.

Во-вторых, изучение накопленного Россией к концу XVIII столетия опыта ведения коалиционных войн, а также анализ предпосылок и условий вовлечения империи в Первую и Вторую антифранцузские коалиции, позволяют всесторонне оценить результативность российского участия в данных конфликтах, а также степень его влияния на трансформацию военно-политической ситуации в Европе.

В-третьих, систематизация и критический анализ широкого круга документальных источников и историографических материалов по данной операции позволяют с высокой степенью достоверности реконструировать процесс принятия внешнеполитических решений, а также особенности организации, комплектования и материально-технического обеспечения российского экспедиционного корпуса.

В-четвертых, введение в научный оборот ранее не изученных архивных материалов дает возможность уточнить характер участия российских войск в боевых действиях в Голландии в 1799 г., а также выявить специфику межсоюзнических отношений, оказавших непосредственное влияние на исход кампании и последующее развитие военно-политических отношений между участниками коалиции.

Степень изученности темы.

Для анализа историографии коалиционной стратегии Российской империи в конце XVIII века и участия в Голландской экспедиции (1799 г.) использовался синтез проблемно-хронологического и сравнительно-исторического методов. Это позволило проследить взгляды исследователей на

данную тему, сопоставить оценки российских и зарубежных историков, выявив контрасты в трактовке целей, событий и итогов экспедиции.

Вопрос участия Российской империи в реализации стратегии коалиционной войны конца XVIII века в целом и Голландской экспедиции в частности обладает обширной отечественной и зарубежной историографией, которую можно разделить на три основные группы.

Первая группа включает исследования, посвященные международной обстановке, процессу формирования Второй антифранцузской коалиции, причинам вступления в нее России, военному планированию и развитию российской коалиционной стратегии, а также особенностям создания военно-политических союзов и ведения войн в конце XVIII столетия.

Вторая группа объединяет труды, анализирующие состояние российских вооруженных сил и характерные черты отечественного военного искусства рассматриваемого периода.

Третья группа сфокусирована на аспектах стратегического планирования, подготовки, логистического обеспечения, хода и особенностей военной кампании и операций на территории Голландии.

Хронологически историографический процесс можно разделить на четыре этапа: 1.) 1800 – 1840-е гг.; 2.) 1850-е – 1910-е; 3.) 1920-е – 1980-е гг.; 4.) 1990-е гг. – настоящее время.

Для каждого из выделенных этапов характерны свои исследовательские акценты и круг затрагиваемых тем. При этом общим для всех периодов является то обстоятельство, что исследований, касающихся непосредственно экспедиции, как в отечественной, так и в зарубежной историографии критически мало. В основном операция в Голландии с разной степенью концептуальной проработки и источниковой обоснованности рассматривается в рамках общей хронологии военных и политических процессов войны Второй антифранцузской коалиции.

Первый этап историографии голландской кампании характеризуется появлением мемуарной литературы сразу после завершения боевых действий,

а также формированием двух исследовательских направлений: рассмотрения кампании в широком контексте борьбы Второй антифранцузской коалиции и специализированного анализа хода самой операции. Отметим, что в целом обе эти тенденции в историографии экспедиции сохранятся и до настоящего времени. При этом на данном этапе зарубежная историография развивалась гораздо активнее нежели российская.

Отличительной чертой исследований начального периода стало активное использование при их подготовке многочисленных архивных документов, что способствовало заложению на данном этапе первичной фактологической базы, позволившей в дальнейшем перейти от простого изложения хронологии операции к глубокому критическому осмыслению голландской кампании как важного эпизода европейских войн конца XVIII века.

К числу первых работ, в которых экспедиция рассматривалась как часть общеевропейского конфликта, стоит отнести труд барона Г. фон Танненберга, изданный во Франкфурте-на-Майне в 1804 г. [Tannenberg 1804], а также как часть событий, происходивших непосредственно на территории Голландии. Примером служит написанный с привлечением значительного объёма архивных документов многотомный труд К. ван дер Аа, посвященный событиям 1793–1802 гг. в Батавской республике, где материалы 8-го тома, изданного в 1806 г., детально освещают действия союзных войск [Van der Aa 1806].

По завершении наполеоновских войн интерес к событиям 1792–1800 гг. значительно возрос, что привело к появлению фундаментальных трудов М. Дюма [Dumas 1817] и многотомного издания «Общества военных литераторов» [Victoires, conquêtes, désastres 1818]. Значимое место в этом ряду занимает капитальный труд генерал-лейтенанта русской службы А. Г. Жомини «Критическая и военная история войн Революции» [Jomini 1822], где высадке в Голландии отведен отдельный раздел в 12 томе. Характеризуя позицию французских историков относительно Голландской экспедиции, отметим, что

они в целом достаточно справедливо обвиняют английское командование и лично герцога Йоркского как в военном, так и в политическом провале экспедиции.

Параллельно формировалось второе направление — создание специализированной истории вторжения. В 1818 г., в Париже выходит книга М. Мак-Картни «История кампании, проведенной в 1799 году в Голландии» [Mac-Carthy 1818]. Данный труд, написанный, по всей видимости, британским офицером под псевдонимом, стал важным, хотя и противоречивым источником. Несмотря на то, что его активно использовали в своих работах отечественные исследователи Д. А. Милютин и Н. С. Голицын, именно эта книга послужила источником многих небылиц и порой прямого искажения фактов в отношении русского корпуса.

Кроме того, в это же время появляются биографии участников кампании, базирующиеся на широком круге источников. В 1827 г. после смерти герцога Йоркского выходит книга Джона Уоткинса «Жизнеописание его высочества Фредерика, герцога Йоркского и Олбани, главнокомандующего вооруженными силами Великобритании» [Watkins 1827] в которой событиям экспедиции отведена 7 глава биографии. В исследовании представлено комплексное описание экспедиции и предпринята попытка смягчить категоричные суждения о роли герцога в её неудаче. В 1833 г. печатается двухтомная биография генерала Мура, написанная его братом на основе личных писем и семейного архива, в первом томе которой отдельный раздел посвящён экспедиции [Moore 1833]. В 1840 г. увидела свет биографическая работа Л. Бургуэна «Исторический очерк о маршале Брюне, опубликованный по его переписке и оригинальным рукописям, сохранённым в его семье» [Bourgoin 1840] в котором событиям в Голландии отведена пятая глава первого тома исследования.

В России началом изучения экспедиции можно считать выход в 30–50-х гг. XIX века «Военно-энциклопедического лексикона», издававшегося в 1837 и 1852–1858 гг. [Военный энциклопедический 1837; Военный

энциклопедический 1838; Военный энциклопедический 1843; Военный энциклопедический 1850]. Обратим внимание, что данные статьи, несмотря на то что это не отдельные исследования, содержат, как правило, весьма подробное описание как баталий, так и собственно самой экспедиции. В целом авторы материалов делают весьма обоснованный вывод, что ответственность за военные поражения на поле боя и итоговый провал экспедиции лежит на английских союзниках.

Одним из первых российских сочинений, затрагивающих политический контекст кампании 1799 г., стал труд Е.Б. Фукса «История российско-австрийской кампании 1799 года» (1825–1826)[1] [Фукс 1825], в котором автор представил панорамный очерк международной обстановки, предшествовавшей созданию Второй антифранцузской коалиции.

Однако анализ причин вступления России в войну не был для автора самостоятельной задачей: они служили лишь обрамлением для героического нарратива о Суворове. Фокус повествования был сосредоточен исключительно на Итальянском и Швейцарском походах, всё остальное осталось за рамками исследования. Подобная избирательность была предопределена стремлением Фукса создать апологетический портрет полководца.

Также в рассматриваемый период каких-то специальных исследований, посвященных состоянию российских вооружённых сил конца XVIII века, практически не появилось. Военные реформы Павла I не стали предметом исторического осмысления. Это было обусловлено как негативным отношением к павловскому наследию после переворота 1801 г., так и тем, что внимание современников и историков было почти полностью сосредоточено на фигуре Суворова и его победоносных походах, а также на событиях Наполеоновских войн.

[1] См. также работы Е. Б. Фукса, затрагивающие политический контекст кампании 1799 г.: «Суворов и Тугут» (Вестник Европы, 1810, ч. 51, № 10, с. 89–120), где подробно анализируется австрийская политика, и «История генералиссимуса, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского» (М., 1811), в которой военно-политическая обстановка рассматривается лишь в общих чертах.

Второй этап отмечен активной историографической дискуссией о причинах провала экспедиции. Ключевым её пунктом остаётся вопрос распределения ответственности между союзниками, в частности — об определении степени ответственности русского экспедиционного корпуса за исход кампании**.** Следствием этого стало формирование ключевых национальных версий — «английской», «русской» и «французской», — каждая из которых предложила свой взгляд на события Голландской экспедиции 1799 г. Указанные версии сложились в 50-х гг. XIX — начале XX вв., и их возникновение и оформление было вызвано накопленным объёмом мемуарной литературы, изданий как описательно-хронологического характера, так и специализированных исследований, биографических работ посвящённых участникам кампании, а также изучением новых массивов архивных документов.

В России до настоящего времени наиболее основательным исследованием эпопеи 1799 г. как в целом, так и Голландской экспедиции в частности, как по широте охвата проблем, так и по источниковой базе, является фундаментальный труд Д.А. Милютина «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году» [Милютин 1852; Милютин 1853]. Голландской экспедиции посвящены одна глава 3-го тома и четыре главы 5-го тома. Изначально первый том, изданный в 1852 г., писался совместно с А.И. Михайловским-Данилевским [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852].

В 1857 г. вышло второе издание, но в основном доработки касались второй и девятой глав, где автор более глубоко коснулся личностей А.В. Суворова и императора Павла I. В то же время следует обратить внимание на ряд моментов, которые автором не рассмотрены глубоко. Прежде всего, Милютин, по сути, считает данную операцию малозначимой в контексте всей стратегии войны. Также, к сожалению, автор при описании процесса подготовке экспедиции собственно военное планирование операции не рассматривает совершенно, равно как и процесс сбора и организации корпуса

генерала И.И. Германа фон Ферзена. В качестве главных целей операции автором обозначаются лишь возвращение на голландский престол штатгальтера Вильгельма V Оранского и захват остатков флота Батавской республики. Ход боевых действий в Голландии в целом изложен последовательно, однако, во многом описание участия русских войск основывалось на английских и иных зарубежных исторических работах и мемуарах[1]. Внятной оценки развития межсоюзнических отношений во время кампании автор не даёт. Наконец, Милютин делает вывод, что экспедиция оказалась бесплодной, а русские войска в ней «ничего не приобрели и для славы своей» [Милютин 1853: 92]. Собственно, такая оценка участия русских войск в экспедиции, к сожалению, в дальнейшем прочно установилась в отечественной историографии и фактически перечеркнула ранее данные оценки, став доминирующей, созвучной с соответствующими высказываниями западных, прежде всего английских, историков. При этом работа Милютина стала основой для всех остальных отечественных исследований по данной экспедиции.

Так, Н.С. Голицын в своём труде «Всеобщая военная история новейших времён» [Голицын 1875], описывая экспедицию, не столько проводил собственное исследование, хотя и использовал иностранные мемуары и исследования, сколько систематизировал уже принятую версию событий, автором которой был Милютин.

Также экспедиция находит своё отражение в военно-исторических трудах, посвящённых истории полков, которые принимали участие в кампании. Всего имеется десять «полковых историй» (по две работы посвящены истории Лейб-гвардии Павловского и Санкт-Петербургского гренадерского полков) в которых рассматривается экспедиция в Голландию [Гоувальт 1852; Орлов 1881; Воронов 1890; Орлов 1892б; Мартынов 1898; Мержейовский 1894; История 46-го 1893; Урбан 1890; Юшкевич 1909; Хрещатицкий 1913]. В большинстве из них за основу также взяты материалы

[1] Отечественная историография в данном труде представлена только мемуарами А.Я. Дубянского

Милютина. Вместе с тем работы П. Воронова и Н. Мартынова выделяются изучением объёма полковых архивных документов, частью в настоящее время утраченных, что позволило уточнить многие вопросы, касающиеся пребывания русских войск в Голландии и их участия в боевых действиях.

Указанный период характеризуется в России и повышенным интересом к отечественной военной истории конца XVIII — начала XIX вв. В центре внимания исследователей оказалась личность А.В. Суворова, а также вопросы боеготовности русской армии и анализ её действий в кампании 1799 г.

К 1798 г. русская армия прошла через 27 конфликтов, включая 6 коалиционных войн. В этот период военное искусство России совершило качественный скачок: оборонительная стратегия сменилась решительным наступлением. Этот успех неразрывно связан с именами П. А. Румянцева, А. В. Суворова и Г.А. Потёмкина. При этом конец столетия — период правления императора Павла I — зачастую характеризуется как регрессивное время введения «прусской муштры», отказа от национальных воинских традиций и конфликта двух военных школ: «гатчинской» и «суворовской». К числу наиболее известных работ, в которых освещается данный вопрос, следует отнести исследования П.С. Лебедева, А.Ф. Петрушевского, М.Н. Михневича, А.К. Баиова, А.И. Андагорского, К.Ф. Валишевского [Лебедев 1877; Петрушевский 1884а; Михневич 1898; Баиов 1910; Андагорский 1914; Валишевский 1914]. Именно в работах данных авторов было сформировано мнение, что военные реформы императора Павла I оказали отрицательное влияние на развитие русской армии. Рассмотрение же тактики и стратегии русской армии в полевых сражениях конца столетия также производилось в основном через призму военного искусства Суворова [Орлов 1892а; Драгомиров 1881].

В плане изучения военно-политических процессов участия России во Второй антифранцузской коалиции интересен материал С.Н. Татищева «Император Павел I и война 1799 г.» [Татищев 1912]. Отметим также, что в российской историографии с начала XX века и до настоящего времени

наиболее информативным исследованием вопроса военных усилий Британии в Революционные и Наполеоновские войны является монография Ф.Е. Огородникова «Военные средства Англии в революционные и наполеоновские войны» [Огородников 1902].

В то же время зарубежные исследователи уделяли Голландской экспедиции значительное внимание.

Непосредственно в Голландии публикуются статьи барона И.В. ван Сипестейна и Я.В. Йокера, в основном посвящённые общему описанию военных действий в Северной Голландии в 1799 г. и мерам, принимавшимся правительством Батавской республики для отражения агрессии [Van Sypesteijn 1855; Van Sypesteijn 1853; Van Sypesteijn 1854; Van Sypesteijn 1856].

Активно развивается британская историография. Продолжают издаваться биографические работы, посвящённые участникам экспедиции, написанные позднее их родственниками с привлечением семейных архивов и личной корреспонденции. В 1861 г. выходит книга «Генерал-лейтенант сэр Ральф Аберкромби, кавалер ордена Бани, 1793–1801: Мемуары его сына Джеймса лорда Данфермлина» [Dunfermline 1861], а в 1862 г. биография генерал-лейтенанта С. Грэма, написанная его сыном, полковником Д.Г. Грэмом [Graham 1862].

Продолжение темы изучения истории амфибийных операций стало исследование анонимного автора «Британские малые экспедиции 1746–1814 гг.» [Anonym 1884] кратко рассматривающее, в том числе, и экспедицию в Голландию.

В 1905 г. за авторством Дж. Фортескью вышел пятый том «Рукописей Д. Фортескью» [Fortescue 1905], в котором были размещены два документа, ставшие основой британской версии не только битвы при Бергене, но и всей оценки качества русских войск: «Отчёт о действиях правой колонны русских под командованием генерал-лейтенанта Германа в атаке 19 сентября 1799 года» [Fortescue 1905: 417–425] капитана Г. Тейлора — военного секретаря герцога Йоркского и офицера связи при штабе русского корпуса. Документ

являлся приложением к секретному и конфиденциальному письму самого герцога, адресатом которого был военный министр Великобритании Г. Дандас [Fortescue 1905: 416–417]. Оба документа, весьма тенденциозные по отношению к русским союзникам, были использованы Дж. Фортескью и при написании посвящённой Голландской экспедиции второй части четвёртого тома «Истории британской армии» изданной в 1906 г. [Fortescue 1906]. В этой работе, автор, определяет экспедицию как самое важное и значимое военное усилие Британии в 1799 г., практически не рассматривает задачи экспедиции, но уделяет значительное внимания ходу планирования операции. Фортескью, признавая общую неготовность английской армии к операции и критически отзываясь о военных способностях герцога Йоркского, характеризует русских солдат хоть и храбрыми, но в то же время малообученными, недисциплинированными и жестокими варварами. Офицеры корпуса у него выставлены сборищем некомпетентных лиц, не могущих держать своих солдат в подчинении, возглавляемых интриганом генералом Эссеном. При этом в качестве одной из основных причин провала кампании обозначается якобы низкое качество русских вспомогательных войск.

Собственно, можно констатировать, что «классическая британская версия» участия русских войск в Голландской экспедиции сложилась в 1906 г. и в дальнейшем была многократно повторена как в британских, так и в иных зарубежных исследованиях.

Одновременно с британской в начале XX века сформировалась и каноническая «французская» версия. В 1906 г. издаётся труд французского историка Э. Гашо «Кампании 1799 года, Журдан в Германии и Брюн в Голландии» [Gachot 1906], являющийся в настоящее время наиболее полным исследованием событий в Северной Голландии в 1799 г. на французском языке. Составленное с привлечением значительного объёма архивных материалов, оно не потеряло своей актуальности и по сей день. Французский историк в целом старается дать достаточно объективную картину происходивших событий.

Характеризуя «французскую» точку зрения, следует отметить ряд её особенностей. Во-первых указывается, что победа Брюна в Голландии, наряду с успехами А. Массена в Швейцарии позволило Французской республике устоять под натиском коалиции в 1799 г.

Во-вторых, ответственность за провал экспедиции автор, в русле устоявшихся традиций французской историографии, возлагает на англичан. Он фактически дезавуирует тезис о том, что низкое качество и слабые боевые возможности русского корпуса сыграли решающую роль, на чем настаивают английские историки. Гораздо больше внимания уделяется тем ошибкам, которое допустило английское командование при проведении операции. При этом, несмотря на сохранение в тексте пассажей о грабежах и насилии над местным населением, русские войска в целом характеризуются автором положительно: отмечаются их стойкость, храбрость в бою и готовность к самопожертвованию ради победы.

Вопрос о важности территории Голландии и Батавской республики для Франции полноценно рассмотрен в изданном на русском языке пятом томе многотомного исследования выдающегося французского историка А. Сореля «Европа и Французская революция. Бонапарт и Директория в 1795–1799» [Сорель 1906].

В свою очередь, немецкий историк Г. Хюффер посвящает экспедиции раздел во второй части своего весьма подробного исследования «Война 1799 года и Вторая коалиция» [Hüffer 1905], правда, изложенный материал в основном имеет хронологически-описательный характер. Ему же принадлежит работа «Поход англичан и русских в Голландии осенью 1799 года и положение Пруссии» [Hüffer 1902], в целом достаточно полно отражающая политическую ситуацию весны – лета 1799 г. с точки зрения Прусского королевства и его интересов.

В плане изучения развития стратегии Британии в отношении Голландии интересно изданное в 1906 г. исследование Г. Уилера «Наполеон и вторжение в Англию: история Великого Ужаса» [Wheeler 1907], в котором

рассматриваются планы по захвату Англии, начиная с их зарождения в 1793 г.

В то же время в числе исследований, описывающих внутреннее состояние Батавской республики в рассматриваемый период, стоит отметить «Батавскую республику» Г.Т. Коленбрандера [Colenbrander 1908].

Историография Голландской экспедиции на протяжении более чем столетия строится вокруг дискуссии о причинах её провала и распределении ответственности между союзниками. В центре полемики оказались три национальные версии, сформировавшиеся к началу XX века: британская (Дж. Фортескью) в качестве одной из главных причин провала указывала на низкое качество русских вспомогательных войск, критикуя их боеспособность, дисциплину и командование, тогда как французская (Э. Гашо), напротив, относилась к русским войскам более взвешенно, возлагая ответственность за провал экспедиции на английское командование. В отечественной же традиции, следуя оценке Д. А. Милютина, экспедиция долгое время воспринималась как малозначимый и бесплодный эпизод, не заслуживающий пристального внимания. Таким образом, вопрос о степени вины русского корпуса стал одним из центральных пунктов историографического спора, который не утратил своей остроты и сегодня. В конечном счете эта дискуссия превратилась в арену столкновения национальных интерпретаций, где каждая сторона стремится переосмыслить причины неудачи через призму собственных стратегических интересов, что делает проблему объективной оценки участия русских войск в Голландской экспедиции задачей, требующей обращения к первичным источникам и освобождения от сложившихся стереотипов.

Третий период в отечественной историографии характеризуется фактическим исключением Голландской экспедиции из научного дискурса. Подобное умалчивание обусловлено тремя факторами: устойчивой в советской историографии негативной оценкой личности Павла I, интерпретацией похода как стратегически незначимого и неудачного, а также доминированием в исследованиях Итальянского и Швейцарского походов

Суворова, которые нивелировали значимость прочих театров военных действий.

При этом заметную активацию получило изучение как русской политики второй половины — конца XVIII века в целом, так и причин участия Российской империи во Второй антифранцузской коалиции, в частности.

В этот период издаются фундаментальные труды К. фон Клаузевица: классический трактат «О войне» [Клаузевиц 1934], а также впервые публикуется работа «1799 год» [Клаузевиц 1938], первая часть которой посвящена Итальянскому походу А.В. Суворова и вопросам планирования и ведения войны Второй антифранцузской коалицией. Во второй части автор рассматривает в том числе и экспедицию в Голландию [Клаузевиц 1939] указывая, что ничтожный результат экспедиции кроется прежде всего в плохом руководстве [Клаузевиц 1939: 236].

Составители «Истории дипломатии» [История дипломатии 1941] объясняют вступление России во Вторую антифранцузскую коалицию комплексом причин, обусловленных как идеологической борьбой с революционной Францией, так и стремлением России к сохранению европейского равновесия и защите своих геополитических интересов, усиленных личными мотивами императора Павла I. Заслуживает внимания точка зрения советского историка С.Б. Окуня [Окунь 1947], который указывал на общность курса Павла I и Екатерины II: политика нового императора в целом отвечала традиционным принципам для русской внешней политики середины — конца XVIII в. Автор следовал идейным установкам советского периода, в целом признавая политику императора, несмотря на ряд побед, неудачной.

Много внимания причинам вступления России во Вторую коалицию уделено и в труде А.М. Станиславской «Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807)» [Станиславская 1962]. Таким образом, в советской историографии уже была обозначена проблема защиты геополитических интересов России как причина военного участия империи в

антифранцузской коалиции.

В области изучения коалиционной политики и стратегии как таковой обращает на себя внимание работа Г.Ф. Воронцова [Воронцов 1976] в которой автор анализирует специфику деятельности коалиционных союзов и даже предлагает теоретическую базу для их создания, реализации военно – политических задач и управления союзами.

В контексте рассмотрения истории русской армии и русского военного искусства конца XVIII века в рассматриваемый период наблюдается сохранение и укрепление многих дореволюционных нарративов. Так историк Л.Г. Бескровный [Бескровный 1951: 30–61; Бескровный 1958; Бескровный 1957], в частности, активно развивал тему конфликта «прогрессивных военных идей Суворова» с «феодально-крепостнической военной идеологией» Павла I [Бескровный 1962: 25]. В коллективном труде «Во славу Отечества Российского: развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII века», являющемся одним из наиболее полных исследований эволюции русской тактики и стратегии во второй половине XVIII века, период правления Павла I характеризуется как попытка прервать самостоятельный, самобытный российский путь развития военного дела [Золотарёв, Межевич, Скородумов 1984: 51]. При этом авторы, разделяя вышеприведённый тезис, в ряде моментов полемизируют с другими исследователями — прежде всего по вопросам суворовского военного искусства, что, впрочем, не меняет общей картины. Интересна и историко-теоретическая работа «Эволюция военного искусства: этапы, тенденции, принципы», хотя её составитель Ф.Ф. Гайворонский и рассматривает изменения военного искусства через идеологическую призму марксизма-ленинизма [Эволюция военного искусства 1987].

В то же время зарубежные историки активно обращаются к теме Второй антифранцузской коалиции и Голландской экспедиции.

Прежде всего, в данный период существенно расширяется историография, посвящённая политическим аспектам организации похода, его

военно-стратегическим целям и задачам.

Особое внимание в историографии уделяется соотношению общекоалиционных и национальных интересов стран-участниц. В частности, дипломатическая подготовка экспедиции Попхэма в Россию [Laws 1956] и миссии Гренвилля в Берлине [Elliot 1955] рассматриваются как ключевые эпизоды этого процесса. П.У. Шрёдер в статье "Распад второй коалиции" [Schroeder 1987] приводит провал Голландской экспедиции в качестве яркого примера того, как приоритет национальных интересов над общей стратегией подрывает единство коалиции и ведет к распаду военно-политических союзов

Не остаётся без внимания и тема присутствия русских войск в операции. Весьма тенденциозной оценкой боеспособности русских войск в 1799 г. отличается статья Д. Лукаша «Русские армии в Западной Европе: 1799, 1814, 1917» [Lukacs 1954]. В том же ключе выполнено и исследование Н.П. Доней «Экспедиция к Гальдеру в 1799 году» [Dawnay 1968].

Проявляется и интерес исследователей к военному планированию похода в Голландию.

В 1964 г. издаётся исследование А. Роджера «Война второй коалиции 1798–1801» [Rodger 1964], в котором отображаются как действия Англии и её союзников в целом, так и планирование, подготовка и ход Голландской экспедиции. Хотя автор не лишён влияния «канонических» работ, русской армии не даётся резко отрицательная оценка и проводится объективная критика подготовки операции с британской стороны.

Логистика амфибийных операций окончательно становится самостоятельным вектором исследований, в рамках которого экспедиция в Голландию подвергается детальному анализу.

В статье П. Макеси «Проблемы амфибийной державы: Британия против Франции, 1793–1815» [Mackesy 1978] подробно рассматриваются логистические особенности операции, сложности с доставкой припасов и координацией действий между армией и флотом, являвшихся одними из важнейших слагаемых успешной амфибийной операции. Труд М. Барлетта

«Нападение с моря: очерки по истории десантных операций» [Bartlett 1983], содержит раздел, посвящённый экспедиции, в котором подробно разбирается британская логистическая схема переброски и снабжения войск.

В то же время, несмотря на господство канонических версий относительно участия русских войск в Голландской экспедиции, А.Б. Пьеховяк в своей работе «Англо-русская экспедиция в Голландию в 1799 г.» [Piechowiak 1962] весьма убедительно развенчивает устоявшиеся нарративы относительно хода и планирования Голландской экспедиции в целом и битвы при Бергене в частности. Он убедительно доказывает, что именно русские войска вынесли основную тяжесть битвы при Бергене, развенчивает мифы о «грабежах» со стороны русских солдат.

Таким образом, в зарубежной историографии Голландская экспедиция по-прежнему оставалась в фокусе внимания исследователей, анализировавших её с разных сторон, тогда как в советской историографии этот сюжет остался практически неизученным.

Четвёртый этап характеризуется вновь появившимся у отечественных историков интересом к Голландской экспедиции. Интерес к экспедиции 1799 г. в начале XXI века связан с деидеологизацией истории и, прежде всего, началом переоценки периода правления императора Павла I, включающего в себя комплексный анализ военных, дипломатических и социально-политических особенностей его правления. Кроме того, в этот период в России произошел всплеск интереса к военной истории, особенно к периоду Революционных и Наполеоновских войн. Исследователи начали детально изучать не только крупные сражения, но и «забытые» или «неудачные» кампании.

Началом нового периода в изучении экспедиции можно считать выход в 1996 г. в журнале «Родина» статьи А.А. Егорова «Конфуз союзного войска: Секретная экспедиция русских к голландским берегам» [Егоров 1996: 37–42]. Привлекая ранее не публиковавшиеся материалы РГВИА, РГАДА, архива Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН, отдела рукописей РНБ, а также работы западных историков, автор нарисовал

мрачную картину «плохо сколоченной и скверно экипированной» экспедиции [Егоров 1996: 39]. При этом исследователь акцентирует внимание читателей как на отсутствии поддержки русских войск на поле боя со стороны английских союзников, так и рисует невзрачную картину «морального разложения» русского экспедиционного корпуса, полного упадка дисциплины и неспособности командования преодолеть это явление [Егоров 1996: 40–41]. Отметим, что эта работа, наряду с трудами Милютина, является одной из наиболее цитируемых в современной российской историографии, посвящённой Голландской экспедиции, поскольку материал компактно охватывает как процесс военно-политической подготовки к походу, так и саму кампанию.

Несколько ранее, в 1992 г., в России был опубликован труд русского историка-эмигранта А.А. Керсновского «История русской армии» (написан в 30-х гг. XX века) [Керсновский 2006], в первом томе которого экспедиции уделяется всего две страницы. Вместе с тем это исследование породило ряд утверждений, прочно вошедших в историческую науку. Так, состав корпуса был охарактеризован как «сборный», «случайный», «из отдельных батальонов», и вообще отмечалась «непродуманность организации русского отряда» [Керсновский 2006: 183].

Уже в XXI веке интерес к экспедиции со стороны российского научного сообщества был проявлен в рамках реализованного в 2012–2015 гг. на историческом факультете Санкт-Петербургского университета исследовательского проекта «Голландская экспедиция русской армии 1799 г. в контексте коалиционных войн конца XVIII — начала XIX в.: Источниковедческий аспект». Общее руководство проектом осуществлял К.Б. Назаренко. В рамках проекта, рассматривавшего процессы подготовки и проведения похода русской армией, организацию, снабжение и вооружение войск, а также влияние результатов кампании на изменение тактики и стратегии русской армии в последующих конфликтах, были опубликованы статьи и монографии, которые заложили основу для развития современного

взгляда на операцию [Рогулин 2012; Хабибуллина 2012; Смирнова 2012; Смирнова 2013; Назаренко 2013а; Назаренко 2013б; Рогулин 2013; Назаренко 2014а; Назаренко, Смирнова 2014; Смирнова 2014; Рогулин 2014а; Рогулин 2014б]. Стоит отметить, что Назаренко впервые в отечественной историографии произвёл детальный разбор английских амфибийных операций конца XVIII века. Это помогает выстроить логику планирования операции в Голландии британской стороной, определить её связь не только с политикой, но и с мировой экономикой. Произведена оценка восприятия результатов вторжения с точки зрения патриотизма и национальных особенностей, способов и стратегии ведения боевых действий, что во многом объясняет английскую и российскую точки зрения на результаты похода.

В своих исследованиях Рогулин указывает, что принцип комплектования русского экспедиционного корпуса был «территориальный», а не «случайный», как, например, утверждает Керсновский. Планированию и подготовке экспедиции, а также её проведению в контексте участия британской стороны, посвящены весьма интересные работы А.А. Куницына [Куницын 2017; Куницын 2019; Куницын 2024], в которых впервые в отечественной историографии освещается деятельность английского военного комиссара, капитана первого ранга Х.Р. Попхэма, и его влияние на подготовку русского корпуса к походу.

Изучению состояния и трансформации межсоюзнических отношений во время кампании посвящены уже помянутые работы М.А. Смирновой и А.А. Егорова [Егоров 2023] рассматривающие их этапы становления и развития во время кампании, особое внимание уделяется изменению восприятия русской армии её британскими союзниками.

Не менее интересна и статья Н.В. Шимоновой «К вопросу о подготовке голландской экспедиции 1799 г. союзных войск Великобритании и России» [Шимонова 2011], в которой отображены русские предложения по разработке планов проведения Голландской экспедиции, что весьма дополняет изучение процесса разработки планов военных операций против Голландии.

Уделяется внимание Голландской экспедиции и в контексте действий русского флота в работах А.В. Кибовского и О.Г. Леонова, А.А. Чернышева и Г.А. Гребенщиковой [Кибовский, Леонов 2008; Чернышев 2012; Гребенщикова 2015].

На фоне детального разбора самой экспедиции значительный интерес исследователей был обращён и к более широкому международному контексту.

В плане изучения развития международных отношений в рамках Второй антифранцузской коалиции интересны исследования уже упомянутых Г.А. Гребенщиковой [Гребенщикова 2020а; Гребенщикова 2020б], А.В. Федина [Федин 2003], а также монография А.А. Егорова посвящённая деятельности Уильяма Питта [Егоров 2017] и, конечно же, диссертация А.А. Куницына «Политическая и военная роль Англии в деятельности второй антифранцузской коалиции (1798–1802 гг.)» [Куницын 2020]. В работе исследователь весьма подробно изучает не только военно-политическую роль Британии в коалиционной войне против Франции, но и уделяет значительное внимание англо-русской операции против Голландии. Влияние военного результата Голландской кампании на внутриполитическую ситуацию в Британии, а также роль, которую в ходе операции играла русская армия, в оценке официальных органов власти королевства рассмотрены в диссертации А.В. Лапонова «Англо-русские отношения в связи с французской экспансией: 1798–1805 годы» [Лапонов 2001].

Беглый обзор событий экспедиции и последующее пребывание русских войск на островах Джерси и Гернси, в том числе взаимоотношения между русской и английской сторонами отражены в работе А.В. Зотова «Гатчинские гренадеры на Британских островах» [Зотов 2017].

Рассматриваемый этап характеризуется и продолжением интереса со стороны исследователей как к особенностям внешней политики России, так и иных стран, чему посвящены работы А.П. Бажовой, В.Н. Виноградова, В.В. Дегоева, А.А. Егорова, Н.В. Коршуновой, Д.С. Приходько, Г.А. Гребенщиковой, Б.С. Горощука и А.А. Саржана, О.А. Ковалёвой [История внешней политики

1998; Виноградов 2001; Дегоев 2001; История Балкан 2004; Егоров 2017; Коршунова 2018: 98–114; Приходько 2018; Гребенщикова 2020б; Горощук, Саржан 2022; Ковалёва 2023].

Отдельно следует отметить исследование В.А. Захарова [Захаров 2006] и монографию И.А. Настенко и Ю.В. Яшнева [Настенко, Яшнев 2005], рассматривающие в том числе и роль «мальтийского вопроса» во внешней политике эпохи Павла I; причём авторы делают весьма примечательные выводы, доказывая, что захват Наполеоном Мальты не был причиной участия России в коалиции, на чём настаивал Клаузевиц.

При этом практически все исследования, посвящённые коалиционным войнам Нового времени, упоминают события 1792–1801 гг., рассматривают их с разной степенью тщательности. К числу подобных работ стоит отнести труды В.О. Дайнеса, С.Н. Михалёва, О.В. Соколова, О.Н. Захарчука, [История военной стратегии 2000; Михалёв 2003; Соколов 2006; Захарчук 2008].

Стоит отметить и коллективную монографию «Россия в коалиционных войнах XVIII в.» [Россия в коалиционных войнах 2019], обобщающую и анализирующую место и роль России в различных коалициях. Войне Второй антифранцузской коалиции посвящена глава 7 издания, в которой имеется параграф, посвящённый Голландской экспедиции [Россия в коалиционных войнах 2019: 228–249].

Однако видится необходимым указать, что во всех этих работах собственно стратегии и военным аспектам выбора форм участия России в войнах антифранцузских коалиций конца XVIII столетия внимания практически не уделяется, равно как и стратегии коалиционных сил в целом. Исключением может служить работа Михалёва, отличающаяся от прочих попыткой раскрыть логику развития стратегии коалиционной войны в зависимости от многих факторов, в том числе количества войск, политических целей и задач. При этом остальные авторы, за исключением, в некоторой степени, Соколова, видимо, в силу сложившейся историографической традиции, рассматривают стратегию России в 1799 г. весьма фрагментарно,

акцентируя своё внимание на Итальянском и Швейцарском походах Суворова и Средиземноморской операции Ушакова.

В области исследования общих закономерностей коалиционных войн конца XVIII — начала XIX вв. интересна переведённая на русский язык книга британского историка Д. Чандлера «Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя» [Чандлер 1999].

Существенно продвинулось и изучение особенностей состояния и развития русской армии второй половины XVIII века.

Отметим ставший классикой для отечественной военно-исторической науки труд О.Г. Леонова и И.Э. Ульянова «Регулярная пехота 1698—1801 : Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение», в котором рассматриваются основные вехи военных реформ и изменения в униформе, вооружении и обучении войск, в том числе и в конце столетия [Леонов, Ульянов 1995].

Статья В.В. Пенского «Армия Российской империи в XVIII в.: выбор модели развития» весьма подробно рассматривает как общий вектор и особенности развития русских регулярных вооружённых сил в XVIII веке, так и влияние европейского военного опыта и науки на этот процесс [Пенской 2001].

В области изучения развития отечественной военно-педагогической мысли, связи отечественного и европейского военного искусства следует отметить труды Н.Г. Рогулина [Рогулин 2005а; Рогулин 2005б; Рогулин 2008]. Исследователь впервые рассматривает военно-педагогическое воспитание в екатерининской армии как систему взглядов передового русского офицерства и одно из важнейших слагаемых военного успеха армии в войнах второй половины XVIII века**.**

Новый взгляд на военные реформы Павла I и их влияние на русскую армию представлен и в статье Е.И. Юркевича «Военные реформы Павла I»

[Юркевич 2024][1], в то время как другие авторы продолжают придерживаться традиционных подходов, опираясь на устоявшиеся в историографии оценки [Мезенцев 2020].

Интересна и своим обзором военных идей второй половины XVIII столетия статья В.Т. Иминова [Иминов 2006: 3–9]. Много внимания развитию военного искусства в Европе и России в рассматриваемый период уделяется и в исследовании А.Л. Жмодикова «Наука побеждать. Тактика русской армии в эпоху наполеоновских войн» [Жмодиков 2016].

По истории вооружённых сил европейских государств рассматриваемого периода стоит отметить переведённую работу К. Макнаба «Наполеон и его эпоха. 1796–1815. Армии, униформа, вооружение, организация, тактика» [Макнаб 2011],

В последние десятилетия зарубежная историография Голландской экспедиции пополнилась рядом значимых исследований. Непосредственно военным аспектам англо-русской экспедиции в Голландию 1799 г. посвящен ряд заметных исследований. Значительный вклад в изучение образа русских войск в ходе боевых действий внес Ю.С.А.М. ван Конингсбрюгге в своей докторской диссертации «Границы образа. Голландский образ русских солдат во время англо-русской интервенции в Северной Голландии в 1799 году» [Koningsbrugge 1996]. Детальному анализу и описанию событий 1799 г. посвящены монография Ф. Болла [Ball 2017] и работы Г. ван Эйтховена [Van Uythoven 1999; Van Uythoven 2018], подробно реконструирующие ход операции. Важным дополнением к историографии стали труды К. Каллистера, рассматривающего как частные аспекты амфибийной операции против полуострова Тексель в 1796 г. [Callister 2021], так и более широкий контекст военного и политического восприятия британцами ситуации в Голландии накануне вторжения [Callister 2017].

Также представлены и новые исследования, в которых операция 1799 г.

[1] Е.И. Юркевич автор значительного числа работ посвящённых изучению военных реформ, а также состоянию и развитию русской армии в период правления императора Павла I.

рассматривается как часть глобального военно-политического конфликта. Так, в диссертации Э.Р. Лимма «Превосходящая по численности и позорно разбитая: британская армия в Нидерландах, 1793–1814» [Limm 2014] действия британских сил анализируются в широком контексте стратегии Лондона на континенте. Автор убедительно доказывает, что Голландская экспедиция стала отражением системных изъянов британского военного планирования и самой культуры ведения войны, характерных для всего периода 1793–1814 гг. Кроме того, исследователем весьма внимательно изучается и влияние кризиса межсоюзнических отношений на поражение вторжения, причём автор критикует действия герцога Йоркского в отношении своих русских союзников, указывая, что межсоюзнические разногласия стали одной из основных причин поражения экспедиции.

Вместе с этим, практически все авторы, за исключением ван Конингсбрюгге и в некоторой степени Лимма, в отношении действий русских войск общем следуют устоявшимся традициям британской и континентальной историографии, лишь в отдельных случаях пытаясь дать непредвзятую оценку отдельным аспектам экспедиции, в том числе связанных и с русскими союзниками.

В то же время, в целом, историография Голландской экспедиции характеризуется определенной инерционностью. Прежде всего это проявляется в отсутствии качественного обновления эмпирической базы: в работах, посвященных экспедиции, фактически воспроизводятся уже известные документы и мемуары, а авторы зачастую ограничиваются пересказом выводов предшественников. Подобная ситуация во многом обусловлена недостаточной степенью изученности архивного пласта, что препятствует переосмыслению событий экспедиции в контексте современных исследовательских подходов. В итоге западные историки, по сути, продолжают транслировать нарративы рубежа XIX–XX веков, сохраняя предвзятость в оценке действий как Российской империи в целом, так и её армии в частности. Несмотря на то, что ошибки английского военно-политического руководства

признаются, вклад русских войск в экспедицию по-прежнему оценивается негативно. Ситуация осложняется тем, что современная российская точка зрения ещё только начинает формироваться и новые работы остаются для западного исторического сообщества неизвестными. В зарубежных публикациях до сих пор доминирует ссылка на труды Милютина как на единственный авторитетный источник по действиям русской армии. В свою очередь, российская историография, при видимом интересе к теме экспедиции, в области изучения военно-политической составляющей похода опирается в основном на те же исследования Милютина, которые, несмотря на свою фундаментальность, давно стали «золотым стандартом» и превратились в своего рода интеллектуальную ловушку.

В результате возникает парадокс: современный российский взгляд на военно-политические события экспедиции практически не представлен в мировом научном поле, а сама тема в отечественной историографии всё ещё остаётся законсервированной. Наблюдается явный дефицит исследований, посвящённых военно-политической мотивации империи, формированию и боевым действиям русского корпуса, влиянию экспедиции на состояние межсоюзнических отношений и коалиционную политику. Преодоление этой инерции будет способствовать более глубокому осмыслению роли России в этом конфликте.

Объектом исследования является участие России в реализации стратегии коалиционных войн конца XVIII века.

Предметом исследования являются военно-политические механизмы и формы реализации российской военной составляющей в рамках коалиционной стратегии в ходе Голландской экспедиции 1799 г.

Целью работы является определение роли и эффективности участия России в коалиционной стратегии антифранцузских сил конца XVIII века на примере Голландской экспедиции 1799 г. в контексте реализации внешнеполитических и военных задач Российской империи.

Эта цель реализуется путём решения следующих **задач**:

1) Рассмотреть эволюцию тактики и стратегии русской армии к концу XVIII века, а также опыт русской армии в ведении коалиционной войны.

2) Проанализировать причины, стратегические цели и задачи участия Российской империи во Второй антифранцузской коалиции.

3) Проанализировать стратегические цели и задачи, поставленные перед англо-русской экспедицией в Голландию, как со стороны Великобритании, так и со стороны России.

4) Оценить степень готовности российских войск к участию в экспедиции, включая их численность, вооружение, снабжение и морально-психологическое состояние.

5) Проанализировать участие русских войск в Голландской экспедиции: тактические аспекты, роль и вклад российских войск в общую стратегию операции, их военные успехи и неудачи.

6) Оценить эффективность сотрудничества между российскими и британскими войсками, влияние этого фактора на боевые действия.

7) Проанализировать достижение поставленных целей экспедиции, причины её неудачи и факторы, повлиявшие на её исход.

8) Оценить влияние результатов экспедиции на дальнейшее развитие англо-русских отношений и реализацию стратегии коалиционной войны.

Хронологические рамки исследования: август 1796 — ноябрь 1799 гг. Нижняя рамка обусловлена началом пересмотра военно-политической стратегии и трансформацией военного планирования Российской империи в период формирования новых основ её будущей коалиционной политики. Данный этап охватывает последние месяцы правления Екатерины II и дальнейшее правление императора Павла I, что позволяет проследить преемственность, динамику и изменение данных процессов в новых геополитических реалиях. Верхняя рамка определяется окончанием англо-русской операции и выводом союзных войск из Голландии. В то же время анализ развития русского военного искусства и внешнеполитической стратегии Российской империи в 1750–1796 гг., выходящий за

хронологические рамки исследования, необходим для понимания генезиса и трансформации российской коалиционной политики и стратегии. В работе все даты даются по старому стилю.

Географические рамки исследования обусловлены необходимостью раскрыть участие России в реализации стратегии коалиционных войн конца XVIII века на конкретном примере — Голландской экспедиции 1799 г., что определяет двухуровневые географические рамки исследования. Оперативно-тактический уровень охватывает территорию Северной Голландии — провинции Нидерландов, расположенной в северо-западной части страны. Площадь территории — 4091,76 км^2, в том числе суша — 2671,03 км^2. Северная Голландия представляет собой полуостров, расположенный между Северным морем и озером Эйсселмер. Более половины провинции составляют рекультивированные осушенные земли (польдеры), находящиеся ниже уровня моря. Именно там разворачивалась основная кампания и действовал русский экспедиционный корпус.

Стратегический уровень включает в себя территорию Европы и Передней Азии и Северной Африки, центры формирования коалиционной политики (Санкт-Петербург, столицы союзных и нейтральных государств), а также ключевые театры военных действий Второй антифранцузской коалиции — прежде всего итальянский и швейцарский, — в той мере, в какой они влияли на выработку коалиционных планов. В этот же уровень включены транспортные коммуникации Северного, Балтийского, Чёрного и Средиземного морей, обеспечивавшие проецирование российской военной силы на удалённые операционные направления. Данный подход позволяет раскрыть механизмы встраивания российского участия в коалиционных замыслах, сопоставить их со стратегическими намерениями Франции и оценить значение действий России в контексте общеевропейского противостояния

Источниковая база.

Решение исследовательских задач потребовало обращения к

многообразному корпусу источников, охватывающему различные их типы и виды.

К основной группе источников следует отнести делопроизводственную, военно-оперативную и межсоюзническую документацию, касающуюся экспедиции, из фондов 42, 26, 29, 846 Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Для темы исследования большое значение имела *делопроизводственная документация и переписка*: переписка как между командующим корпусом и Военной коллегией, так и межведомственные контакты Военной и Морской коллегий, других ведомств империи относительно формирования, структуры, сосредоточения, денежного, вещевого, продовольственного снабжения и, наконец, переброски корпуса из России в Голландию, а также приказные журналы, журналы входящих и исходящих дел, справки и рапорты относительно вопросов снабжения войск всеми видами довольствия уже на территории Голландии и многочисленная финансовая отчётность.

Другим большим массивом явилась *документация военно-оперативного характера,* в том числе: оперативные планы действий войск, диспозиции перед сражениями, рапорты и различного рода сведения о боеготовности войск корпуса, донесения командиров полков и батальонов, списки представляемых к наградам офицеров с описанием заслуг и подвигов, карты-планы баталий и местности, журнал боевых действий.

Отдельное большим пластом источников являлась *межсоюзническая переписка* между русским и английским командующими, в том числе рапорты генерала Эссена герцогу Йоркскому как союзному командующему, приказы из ставки герцога, переписка между русским и английским генералитетом по различным вопросам военно-политического характера.

Особый интерес представляют *формулярные списки* офицеров и нижних чинов мушкетерских и гренадерских полков, участвовавших в походе (РГВИА, ф. 489). Их комплексный анализ позволяет уточнить боевой опыт командного состава подразделений корпуса, а также сведения о полученных

ранениях и наградах.

Отдельно следует выделить и походные журналы русских эскадр в Голландию [Шишков 1800] — важнейший источник по участию в операции не только русского флота, но и флотских батальонов Балтийского флота.

Также при работе над диссертацией были использованы *сборники опубликованных архивных документов*, «А.В. Суворов» [Суворов 1952], «М.И. Кутузов» [Кутузов 1950], «Адмирал Ушаков» [Адмирал Ушаков 1952], изданные сборником Всевысочайшие приказы, отданные при паролях [Всевысочайшие приказы 1799].

Не осталась без внимания и публикация документов по военной истории России конца XVIII века, прежде всего из фондов РГВИА, которые осуществляет К.В. Татарников в изданиях «Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801: сборник документов: в 2 т.» и «Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века: сборник документов: в 2 т.» [Материалы по истории 2009, Строевые уставы, инструкции и наставления 2010]. Кроме того, также автор обращался к сборникам документов посвящённых отдельным кампаниям, в частности русско-австрийской 1799 г. под командованием А.В. Суворова [Фукс 1826].

При рассмотрении особенностей военных реформ в русской армии в конце XVIII века, развития российского и европейского военного искусства использовались *военно-теоретические работы* выдающихся военных теоретиков: Жака-Антуана-Ипполита графа де Гибера [Guibert 1775] и А.В. Суворова [Суворов 2017]. Исследовались также Пехотный устав 1796 г. [Воинский устав 1797], а также «Сведения о Гатчинских войсках: Состав и устройство. Походы» [Сведения о Гатчинских 1835].

В ходе работы были использованы и *официальные дипломатические документы*, хранящиеся в фонде 30 Российского государственного архива древних актов (РГАДА): рескрипты императора Павла I графу Панину, русскому посланнику при прусском дворе, в том числе и касающиеся Голландии. Кроме того, в работе использован сборник договоров

международного характера — труд Ф.Ф. Мартенса «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Том IX (X). Трактаты с Англией» [Собрание трактатов 1892], ставший классическим трудом для анализа англо-русских и англо-голландских союзных соглашений конца XVIII века.

Отдельного внимания заслуживает *дипломатическая переписка, посвящённая планированию экспедиции*, в том числе внутренняя переписка английского посольства в России и письма британского военного представителя капитана первого ранга Попхэма, хранящиеся в фонде «Рукописи и документы» Государственного мемориального музея А.В. Суворова (ГММС).

При написании работы автор опирался на материалы, представленные в *сборниках документов дипломатического характера*, в том числе на переписку с русским послом в Лондоне С.В. Воронцовым [Архив князя 1880] и посланником в Берлине графом Н.П. Паниным [Вести из России 1876]. Изучалась и переписка британских дипломатов, отражённая прежде всего в «Рукописях Дж. Фортескью» [Fortescue 1905], переписка Дж. Спенсера, Первого лорда Адмиралтейства [Private Papers 1913], и генерал-майора Стэмфорда, вместе с капитаном первого ранга Попхэмом направленного в Петербург для переговоров по военной составляющей экспедиции [Weil 1923].

Анализ дипломатической корреспонденции российских и британских государственных деятелей и дипломатов по вопросу организации совместного похода в Голландию дает возможность проследить, как формировались и сталкивались внешнеполитические стратегии двух стран. Изучение этих документов позволяет не просто реконструировать хронику переговоров и планирования операции, но и увидеть, как в процессе сложного дипломатического взаимодействия менялись приоритеты и выстраивались отношения между союзниками в условиях меняющейся геополитической ситуации.

В ходе исследования была использована группа источников *личного*

происхождения, таких как воспоминания, письма и дневники, что, несмотря на их определённый субъективизм, позволяет увидеть события глазами их очевидцев.

Наибольшее число *воспоминаний* об экспедиции принадлежит британским военнослужащим — от рядового до генерал-майора включительно [Walsh 1800; Maule 1816; Surtees 1833; Tupper 1847; Bunbury 1854; Anonym 1861; Vivian 1897; Wace 1919; Journal Kept 2014]. Голландская и французская стороны представлены воспоминаниями генералов, в том числе командующего республиканской армией Г. Брюна, командного состава штаба армии, голландского генерала К.Р. Т. Крайенгофа [Anonym 1800; Krayenhoff 1832].

С российской стороны, стоит упомянуть хранящийся в фонде 36 «Воронцовы» Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПБИ РАН) «Журнал экспедиции Голландской» И. Фёдорова, а также воспоминания полковника А.Я. Дубянского [Дубянский 1824а; 1824б; 1824в; 1824г; 1824д; 1824е] и отдельную главу, посвящённая экспедиции в воспоминаниях адмирала русского флота П.В. Чичагова [Чичагов 2002].

Особое внимание в работе над диссертацией уделялось и документам синхронного характера — современным событиям *дневниковым записям и частной переписке*, к которым следует отнести ч. 1 дневника генерал-майора сэра Д. Мура [The Diary 1904] и опубликованные А. Уэйсом *письма* майора Джона Р.Е. Финли [Wace 1919] и *сборник писем и дневниковых записей* фельдмаршала М. Гомма [Letters and Journals 1881]. Указанные материалы ценны прежде всего тем, что отражают текущую на момент их написания ситуацию, особенно в контексте изучения развития военной ситуации и межсоюзнических отношений. Использовались при подготовке и сборники корреспонденции как личного, так и официального характера, как, например, т. 2 сборника «Генерал Вандам и его переписка», собранного историком бароном П.Э.А. дю Кассом [Casse 1870]. Изучались в работе и воспоминания военных, проходивших службу в русской армии в период павловских военных

реформ [Энгельгардт 1868].

В ходе исследования был использован такой вид источников, как *периодическая печать*, в том числе газета «Санкт-Петербургские ведомости» [Санкт-Петербургские 1799а; 1799б; 1799в]. Следует отметить, что в газетах того времени публиковали рапорты командующих о прошедших сражениях, а также краткие сообщения о происшедших событиях. Несмотря на то, что в газетных сообщениях изначально приличествует некий субъективизм — они выполняют прежде всего информационно-пропагандистскую задачу, — публикации по теме экспедиции отличались достаточной объективностью в освещении событий.

Объединённый корпус данных, полученных из всех упомянутых источников, формирует надёжную эмпирическую основу для заявленного исследования, что обеспечивает возможность всестороннего раскрытия проблематики диссертационной работы.

Методологическую основу диссертации составили принципы научности, объективности и историзма. Данный подход обеспечил комплексное изучение рассматриваемых проблем в их динамике и неразрывной связи с историческим контекстом. Исследование базируется на всестороннем анализе фактологического материала с учетом как позитивных, так и негативных аспектов изучаемых явлений. Принцип научности, используемый в данной работе, обеспечивает объективную оценку документальной базы. Данный подход направлен на систематизацию данных и определение основных тенденций, характеризующих действия русских войск в ходе Голландской экспедиции 1799 г. Принцип объективности в данном исследовании потребовал непредвзятого анализа причин участия Российской империи в Голландской экспедиции.

Реализация принципа историзма позволила рассмотреть этот военный поход в неразрывной связи с конкретными условиями эпохи, не как изолированный эпизод, а как закономерный результат сложной внутрикоалиционной ситуации, переплетения интересов союзных держав в

условиях острого кризиса Второй антифранцузской коалиции. При этом были детально проанализированы как идеологические, так и прагматические цели союзников, определившие их участие в операции. Сочетание этих принципов обеспечило глубокое понимание того, как противоречивые геополитические амбиции участников коалиции влияли на динамику межсоюзнических отношений в ходе кампании**.** Благодаря всестороннему анализу факторов, определявших ход событий, удалось выявить сложную динамику межсоюзнических отношений, обусловленную спецификой политических интересов участников похода. Таким образом, сочетание данных принципов позволило сформировать объективную картину событий, учитывающую всю совокупность факторов, определявших развитие кампании.

Применение историко-генетического метода позволяет изучить и показать весь процесс подготовки и участия русских войск в коалиционной военной операции. Сравнительно-исторический метод позволил рассмотреть и реконструировать изучаемые процессы в их взаимосвязи и противоречивости, а также изучить состояние русской армии в конце XVIII века. Использование хронологического метода дало возможность изучить в рамках поставленных задач, в хронологической последовательности, этапы подготовки, проведения и участия русской армии в Голландской экспедиции.

Историко-архивный метод позволил сопоставить российские отчеты о ходе кампании с британскими (не как объективную фиксацию факта, а как отражение позиции конкретного ведомства или военачальника), что стало критически важным для понимания как противоречия между штабами и неприязнь между командующими валяли на ход боевых действий. Кроме того, метод позволил провести ревизию устоявшихся в литературе оценок роли российского корпуса в Голландии. Опираясь на первичные источники, автор постарался отделить реальные оперативные просчеты от политизированных интерпретаций, сложившихся в историографии XIX–XX вв.

Научная новизна данного исследования заключается прежде всего в

представленном комплексном изучении вопроса стратегического планирования военного участия Российской империи в антифранцузских коалициях конца XVIII века. Отдельно рассмотрены военно-политические причины англо-русского вторжения в Голландию, в том числе в контексте участия России в реализации стратегии коалиционной войны. Проанализирован состав и процесс формирования русского экспедиционного корпуса. Предлагаемая оценка роли русского корпуса в кампании в Голландии основывается на детальном анализе его боевого опыта, сильных и слабых сторон в конкретных сражениях, а также влияния на тактику и стратегию союзников. Зачастую русский корпус воспринимается как второстепенная сила, и его самостоятельный вклад в операцию нередко недооценивается. Произведён подробный разбор внутренних противоречий, недоверия, расхождений в целях и тактике между русскими и британскими войсками, а также их влияния на принятие решений и ход боевых действий. К новизне исследования можно отнести использование как малоизвестных в российской исторической науке документов, так и введение в научный оборот ранее не исследованных и не публиковавшихся документов из фондов (23 дела) Российского государственного военно-исторического архива и фонда (1 дело) «Рукописи и документы» Государственного мемориального музея А.В. Суворова.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что автор на основе введения в научный оборот новых источников анализирует Голландскую экспедицию 1799 г. как комплексную систему военно-политических и геополитических взаимодействий в рамках реализации стратегии коалиционной войны. Особое внимание уделяется реконструкции боевых действий, а также оценке реальных боевых возможностей российской и английской армий, эволюции межсоюзнических отношений во время похода. Такой подход позволяет устранить пробелы в отечественной историографии, уточнить место Российской империи во Второй антифранцузской коалиции и по-новому взглянуть на ее внешнеполитическую

стратегию. Полученные выводы проливают свет на механизмы принятия внешнеполитических решений и специфику военного сотрудничества России в сложной обстановке конца XVIII века.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в научной деятельности, связанной с изучением истории развития русской армии в конце XVIII века, а также анализа военно-политической стратегии Российской империи в период революционных и последующих наполеоновских войн. Кроме того, изучение опыта Голландской экспедиции позволит расширить знания о военных кампаниях русской армии в XVIII веке, что может стать основной для переосмысления роли России в европейских конфликтах конца XVIII века. Материалы диссертации могут быть использованы для разработки и преподавания в высших учебных заведениях как общих, так и специализированных курсов по истории России и русской армии в XVIII веке, что имеет большое значение для патриотического воспитания и популяризации военной истории в молодёжной среде.

Положения, выносимые на защиту:

1. К концу XVIII века русская армия значительно повысила свою боевую эффективность и имела значительный опыт коалиционных войн. Произошёл переход от оборонительной к наступательной тактике и стратегии; при этом, с одной стороны, он стал дальнейшим развитием имевшегося военного опыта, а с другой — результатом осмысления и применения на практике ряда общеевропейских военных идей, что интегрировало русское военное искусство в европейский контекст как элемент зарождавшегося в Европе нового, агрессивно-наступательного подхода к стратегии ведения войны.

Однако к середине 90-х гг. XVIII века российская армия пребывала в состоянии системного кризиса, характеризующегося дезорганизацией боевой подготовки, кадровым дефицитом, повсеместной коррупцией и произволом командного состава. Реформы Павла I стали закономерным ответом на эти вызовы, направленным на модернизацию вооруженных сил по европейским

стандартам. Император, в том числе, внедрил в войсках жесткую регламентацию обучения. При этом в области строевой и боевой подготовки новые уставы имели значительное сходство с прежними регламентами. Кроме того, стратегия и тактика армии оставались неизменными. Несмотря на неоднозначность оценок, преобразования Павла I способствовали качественному оздоровлению армии, что имело важнейшее значение в преддверии масштабного противостояния с революционной Францией.

2. Военное участие Российской империи во Второй антифранцузской коалиции не было спонтанным актом, а стало закономерным продолжением внешнеполитического курса, заложенного в конце правления Екатерины II. Ещё в 1796 г. российским правительством разрабатывались планы по отправке войск в Европу для борьбы с революционной Францией, однако их реализация была прервана кончиной императрицы и военными поражениями Австрии. Павел I, демонстрировавший поначалу разрыв с екатерининской традицией, под давлением объективной военно-политической ситуации в 1797–1798 гг. — прежде всего, продвижения Франции в Средиземноморье и распространения её влияния на Балканах, создававших угрозу безопасности южных рубежей России, — возобновил реализацию планов военного участия России в сдерживании революционной Франции. Формирование союза с Австрией, Англией и Турцией, а также отправка российских контингентов в Европу стали ответом на этот вызов. При этом специфика участия России в кампании 1799 г. — использование отечественных войск в составе объединённых союзных группировок (в частности, подчинение российского корпуса английскому командованию в Голландии) — свидетельствует о приоритете коалиционной целесообразности над традиционной для русской армии автономностью действий. Данная модель, будучи непривычной для отечественной военной традиции, отвечала сложившейся военно-политической ситуации, требовавшей консолидации усилий вооружённых сил коалиции для разгрома противника.

3. Впервые в отечественной историографии указано на то, что участие

России в Голландской экспедиции следует рассматривать в рамках реализации коалиционной стратегии, направленной на создание англо-русского плацдарма в виде объединённых под властью Оранжистской династии Голландии и Австрийских Нидерландов. Это обеспечило бы русским войскам возможность наступления на Париж с северо-запада, через Франш-Конте. Реализация данного плана позволила бы России, на фоне растущих противоречий с Австрией, утвердиться в роли ведущей военно-политической силы коалиции, а перенос боевых действий на территорию Франции — склонить Пруссию к вступлению в союз.

4. Автор на основании анализа исторических документов опроверг утверждение о «случайном» характере формирования и низком боевом качестве войск, входивших в состав русского экспедиционного корпуса под командованием генерал-лейтенанта Германа фон Ферзена, а также о ненадлежащей подготовке экспедиции с русской стороны. В сложных условиях нехватки времени русской стороне удалось подготовить и отправить в поход более чем семнадцатитысячный, полностью боеспособный корпус. При этом из-за настойчивой позиции британских военных агентов и дипломатов войсками была оставлена значительная часть обоза и снаряжения, поскольку были получены заверения, что всё это будет предоставлено Англией, что в дальнейшем сказалось на судьбе русских войск самым пагубным образом.

5. Участие России в разработке военных планов экспедиции в Голландию имело сугубо номинальный характер**.** Британская сторона, стремясь заполучить русские войска для участия в кампании, фактически прибегла к прямому обману союзника**.** С Петербургом обсуждались стратегические планы, невозможность и опасность реализации которых признавали в то же время сами британские военные**.** В результате к моменту отплытия русские войска имели на руках планы операций, которые не имели ничего общего с реальным положением дел. Более того, стратегическое планирование экспедиции было полностью провалено британской стороной**,**

что ещё до начала похода поставило под угрозу успешность всей кампании.

6. На основе анализа обширного комплекса документальных материалов сделан вывод, что во время боевых действий на территории Голландии русские войска, действуя на сложной и непривычной местности, продемонстрировали способность вести активные и зачастую успешные наступательные действия, используя современную на тот момент тактику боя. Испытывая нехватку продовольствия и тяжёлые бытовые условия, русские солдаты и офицеры сражались храбро и самоотверженно. При этом отсутствие в бою поддержки со стороны их английских союзников прослеживается в течение всей кампании, что имело чрезвычайно негативные последствия как в военном плане, так и для развития межсоюзнических отношений. Обвинения британской стороны в адрес русских войск в недисциплинированности, массовых грабежах и насилии по отношению к местному населению, как правило, своего подтверждения не находят. К концу кампании русский корпус, несмотря на потери, не только не был разбит, но и полностью сохранил высокий боевой дух и боеспособность.

7. Успех коалиционных операций базируется на взаимном доверии, отсутствие которого стало одним из ключевых факторов неудачи в Голландии. Британское командование, возглавляемое герцогом Йоркским, не сумело обеспечить эффективное взаимодействие и снабжение союзных сил. Конфликт герцога с генерал-лейтенантом И.Н. Эссеном, стремившимся минимизировать потери вверенных ему частей, спровоцировал со стороны британцев информационную кампанию против русского корпуса. Несмотря на это, российские войска неукоснительно соблюдали союзнические обязательства. Таким образом, провал операции был обусловлен как деструктивными межсоюзническими противоречиями, так и системными просчетами британского правительства в планировании и организации кампании.

8. Голландская экспедиция и, прежде всего, её военный итог оказали значительное влияние на военно-политическую ситуацию в коалиции. Прежде всего, в России была пересмотрена дальнейшая стратегия участия в

продолжающейся коалиционной войне. Ключевым вектором стало принятие решения более не создавать объединённые армейские группировки, и все русские сухопутные и морские силы должны были действовать самостоятельно под началом русских командиров и в целях, которые будут ставиться из Петербурга. Вновь актуализировалась дискуссия о получении стратегической возможности ведения русскими войсками самостоятельных боевых действий на одном из стратегических направлений. Кроме того, поражение в Голландии, вскрывшиеся межсоюзнические проблемы и подтверждение истинности докладов Эссена привели к тому, что именно военные неудачи стали одной из причин разрыва между странами, а также выработки более взвешенной военной политики со стороны России по отношению к Англии. Со своей стороны, неверно определённые причины провала экспедиции оказали влияние и на британскую политику. И хотя политическое решение Лондона укрепить союз с Австрией было обусловлено комплексом факторов, свою роль сыграла и ошибочная убеждённость британского истеблишмента в военном превосходстве австрийцев над русскими. Данное заблуждение, продиктованное в том числе и неудачными, по мнению британцев, результатами действий русской армии в голландской кампании, предопределило стратегическую ставку Лондона на Австрию как на более эффективную военную силу коалиции.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Содержание диссертации соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. «Отечественная история» (группа научных специальностей: 5.6. «Исторические науки») по следующим направлениям исследований: п. 5. «История международного положения и внешней политики страны на различных этапах ее развития», п. 8. «Военная история России, развитие ее вооруженных сил на различных этапах развития», п. 17. «Личность в российской истории, ее персоналии. История российских элит», п. 23. «Россия в крупнейших международных конфликтах», п. 26 «Геополитические аспекты истории», п. 30 «Россия в мировой истории».

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы, сформулированные в процессе диссертационного исследования, получили апробацию в научных докладах, сделанных диссертантом на международных научных конференциях, в том числе, Астраханские Петровские чтения: «Военный дискурс в исторической науке современной России» (Астрахань, 2023), IX Международная научная конференция «Держава науки и образования: уроки петровской эпохи и современные вызовы. К 300-летию Российской академии наук» (Астрахань, 2024), «Военная история России XVII–XX вв.» (Москва, 2024, 2025), «Война и оружие». Двенадцатая международная научно-практическая конференция Санкт-Петербург (2025) а также на XIX Всероссийской научной конференции «Историческая память и уроки Великой Победы»: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг..», всего 6 докладов. Основные положения диссертационного исследования отражены в 5 публикациях, четыре из которых — в рецензируемых научных изданиях ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Глава 1. Россия в коалиционных войнах конца XVIII века

1.1. Русское военное искусство в конце XVIII века: тенденции развития и особенности. Совместные действия России и Австрии в войне с Турцией 1787-1791 гг.

Создание, развитие и боевые действия русской регулярной армии в начале XVIII века имели ряд особенностей, к числу которых следует отнести: обширные театры военных действий с различными климатическими условиями, на которых происходили кампании; противников, разных по уровню их военной подготовки и способу ведения боевых действий — от регулярных европейских войск (шведских), до полурегулярных (польских) и иррегулярных (турецких и крымских); а также экономическое состояние молодой империи, объективно менее богатое, нежели у европейских монархий [Пенской 2001:120].

Конечно же, в войсках уже имелся значительный опыт ведения боевых действий против означенных врагов, что привело Петра Великого к идее создания армии, сочетающей в себе синтез качеств европейской регулярной с опытом боевых действий против разноплановых угроз и, как следствие, с выработкой качеств, способствующих эффективной борьбе с различными противниками, что достигалось практикой в походах и на поле боя [Пенской 2001: 120–121].

Сама «система Петра Великого» в течение всего века оставалась для русских военачальников неким эталоном, которому необходимо было следовать. Во многом это справедливо, поскольку первый русский император действительно все свои заимствования с западной военной системы приспосабливал к российским реалиям, в том числе совмещая европейскую «регулярность» с её дисциплиной и муштрой с национальной системой комплектования, что позволило сформировать великолепную по своим природным и военным качествам пехоту – основу вооружённых сил государства. Вместе с тем Пётр Великий каких-либо специальных

теоретических трактатов по военному искусству не оставил. Устав 1716 г. — это документ практический, в связи с чем отечественная военно-теоретическая школа до 70-х гг. XVIII в. практически не развивалась, за немногими исключениями, опять же практического свойства: например, то же «Суздальское учение» Суворова рассматривало именно практику несения службы.

При этом, к плюсам русской военной системы XVIII в. следует отнести быструю обработку и внедрение приобретаемого военного опыта. И если в 1757 г. армия была не готова к современной европейской войне, то в ходе боевых действий произошли многочисленные изменения и реформы, направленные на улучшение выучки, организации и боевого применения войск. Изменения в армии проводились между кампаниями как по инициативе Конференции, так и командующих, в особенности графа В.В. Фермора, который в 1758 г. составил «Инструкцию дежурному при армии генерал-майору», суммирующую имевшийся боевой опыт в области боевого охранения и разведки [Масловский 1888: 195–196].

Боевой порядок войск оставался линейным, но между 1-й и 2-й линиями появились небольшие резервы; полковая артиллерия оставалась при полках, а полевая — в нескольких батареях, называемых «бригадами», впереди фронта и на флангах [Масловский 1888: 197]. Причём артиллерийскому огню придавалось большое значение, а пехоте предписывалось стрелять только на дистанции уверенного поражения по приказу генерала. Конкретизировалось и взаимодействие 1-й и 2-й линий на поле боя. Решительной прусской кавалерийской или пехотной атаке Фермор рекомендовал «храбрость» — то есть стойкость. При этом предписывалось сначала встречать врага артиллерийским огнём, затем ружейным, который сначала ведут взводами, потом дивизионами (т. е. плотность огня возрастает по мере приближения противника — А.В.), а заканчивать бой необходимо было штыковой контратакой «с барабанным боем и музыкой» [Масловский 1888: 198]. Уделялось внимание и обеспечению войск боеприпасами во время боя,

которые должны были подносить нестроевые чины, равно как и сохранению управления войсками со стороны офицеров [Масловский 1888: 199]. В то же время ружейный огонь сомкнутых рядов оставался основой боевой тактики в период Семилетней войны, и прусские войска владели этим приёмом в совершенстве.

В этой связи и в русской армии производству ружейного огня стали уделять особое внимание, что видно из «Генеральной диспозиции для сражения с неприятелем», в которой Фермор фактически повторяет свои наставления. Причём, в отличие от пруссаков, стрелявших в середину вражеского строя не целясь, русские требования — «целиться в половину роста неприятеля» — оказались более практичными, поскольку с усилением стрельбы в подходившего противника попадало гораздо больше пуль. Это, вкупе со скорострельностью, давало русским солдатам преимущество на ближней дистанции. Данная тактика применялась русскими войсками всю войну и окажется эффективным средством для отражения атак грозной прусской пехоты.

Кроме того, предлагалось реорганизовать армию, введя постоянные корпуса и бригады, ограничить откомандирование офицеров от полков, довести до комплекта в каждом полку два батальона и две гренадерские роты. Однако, далеко не все эти преобразования были осуществлены. В целом уже к 1759 г. несколько улучшилась выучка войск, в частности пехоты, в исполнении тактических эволюций, но в точности и скорости исполнения манёвров и перестроений русская пехота всё ещё уступала противнику. Удачное применение колонн на поле боя имело место только в 1761 г. при Кольберге. Тогда же появились и егерские отряды, но какого-либо распространения в армии во время войны эти нововведения, по всей видимости, не успели получить.

При этом в европейском военном искусстве во второй половине века происходили множественные изменения. Семилетняя война стала катализатором для глубокого переосмысления военного искусства, что

привело к появлению в 70-х гг. XVIII в. так называемой кордонной системы. Её изобретателем считается австрийский фельдмаршал Ф.М. фон Ласси [Голицын 1874: 323]. Эта стратегия предполагала разделение территории страны на тактически удобные и важные пункты, которые занимались войсками. Таким образом, армия, хоть и растягивала свои оперативные построения, теряя их глубину, могла контролировать большую территорию, прикрывать границы и пути сообщения, а также создавать угрозу флангам противника [Голицын 1874: 322–323]. Воздействие на фланги, в свою очередь, позволяло угрожать вражеским коммуникациям. Одновременно с этим обеспечивалась защита важнейших стратегических центров страны, а маневрирование на коммуникациях вынуждало противника покидать территорию без сражения [Голицын 1874: 235, 288].

Популярность кордонной системы и стратегии маневрирования, как способа достижения победы без решительных сражений, объяснялась несколькими факторами.

Во-первых, европейские армии в значительной степени состояли из вербованного (наёмного) личного состава, что размывало национальный состав и затрудняло восполнение потерь [Эволюция военного искусства 1987: 70].

Во-вторых, войны того времени часто воспринимались как «спорт королей», велись в интересах господствующего класса и не могли пробудить «национальный дух» в народе.

В-третьих, магазинная система снабжения, хоть и была новаторской, требовала отвлечения значительных сил на охрану коммуникаций и ограничивала дальность отрыва войск от магазинов дистанцией в 100–150 км [Эволюция военного искусства, 1987: 70].

Все эти обстоятельства способствовали укреплению кордонной системы и стратегии «измора» противника. Подобные взгляды были распространены не только в Австрии, но и по всей Европе. Английский историк и военный теоретик Г. Ллойд в своей работе «Военные и политические мемуары»

[Иминов 2006: 4] первым в XVIII веке выдвинул учение об операционной линии и важности искусного маневрирования против операционных линий противника, уделяя особое внимание изучению местности. Прусский барон А. Бюлов в труде «Дух новейшей военной системы» (1799) [Иминов 2006: 4] также высказывался за военную концепцию, отрицающую роль решающего сражения. Эти авторы стали родоначальниками так называемой геометрической стратегии [Иминов 2006: 5], которая отрицала военный гений, сводя военное дело к «научному прогнозу» [Иминов 2006: 5] и применению теоретически установленных математических знаков, как это делал И.Г. фон Гойер в «Истории военного искусства» (1797). Саксонский генерал-майор Г.Р. Фэш в исследовании «Правила и принципы военного искусства» (1771) указывал, что полководец не должен быть принуждён к сражению и уж тем более не должен давать его без особой необходимости, а в случае баталии — беречь своих солдат из чувства гуманизма [Дельбрюк 1997: 284].

На поле боя господствовала линейная тактика, являвшаяся единственной действенной формой управления наёмной армией, в тоже время обусловленная и основным вооружением пехоты — длинным гладкоствольным ружьём с кремнёвым замком, с дальностью относительно действенной стрельбы в 300 м [Соколов 2012: 148]. При этом основу боя составлял ружейный огонь пехоты, правила ведения которого были примерно одинаковы во всех армиях континента. Темп и, по возможности, прицельная стрельба являлись основой огневого боя, и выученный солдат мог стрелять до пяти выстрелов в минуту, но в боевых условиях, по различным объективным причинам, темп стрельбы снижался до 2–3 выстрелов в минуту [Соколов 2012: 147]. Поэтому батальон численностью в 600–700 человек в среднем выпускал в противника до 1000–1200 пуль в минуту [Соколов 2012: 191]. Это затрудняло наступление пехоты из-за медленного темпа движения (65–80 шагов/мин) и необходимости поддержания стройности построения, что требовало от войск тщательной подготовки и высокой выучки [Жмодиков 2016: 44].

В кавалерии спор тактиков происходил вокруг глубины кавалерийского строя — в три или в две шеренги. Постепенно военная мысль дрейфовала в сторону построения в две шеренги как более управляемого в бою строя [Жмодиков 2016: 73], а также важности сохранения скорости и строя во время атаки. Также в европейских армиях повышалось число линейной кавалерии — драгун.

В отношении же тактических эволюций на поле боя европейская военная мысль находилась под впечатлением от успехов прусской армии Фридриха II в Семилетней войне. Впрочем, европейские военные сделали неверный вывод относительно причин побед Фридриха II на поле боя, всецело отдавшись изучению «тактических форм» прусской армии, отодвинув анализ воинских талантов короля глубоко на второй план [Рюстов 1876: 218].

В результате иностранные военные увлеклись тем, что военный теоретик Ф.В. Рюстов метко назвал «эволюционными спекуляциями» [Рюстов 1876: 219]. Простые манёвры на поле боя, в том числе и знаменитая «косая атака», превращались у «мыслителей» в сложнейшие эволюции, которые действительно напоминали театр, чему способствовал и сам король, устраивая подобные «спектакли» на своих больших манёврах в Потсдаме.

Г. Ллойд, как и Ж.-Ш. де Фолар, считали, что ружейный огонь имеет малую точность. Если, например, Ж. Гибер указывал, что это можно нивелировать за счёт выучки солдата, т.е. увеличения темпа стрельбы, то Ллойд рассматривал огнестрельное оружие только как средство оборонительного боя, даже предлагая вновь вернуть для пехоты на поле боя пику, и защитное вооружение - кирасы и каски из кожи [Стратегия в трудах 2003: 35].

В свою очередь, полковник Ж. Гибер в 1772 г. предложил гибкую тактическую систему «колонна для маневрирования — линия для боя», уделяя внимание быстрым перестроениям из колонны в линию и обратно [Жмодиков 2016: 179]. Также он указывал, что определяющим для тактики пехоты является характер современного на то время вооружения пехотинца —

длинноствольного ружья со штыком, позволяющего пехоте вести как дальний огневой, так и ближний бой холодным оружием, и считал, что построение развёрнутой боевой линии должно быть глубиной не более чем в три шеренги, так как: «Три человека, стоящие друг за другом и хорошо обученные, могут легко вести огонь; штыки второго и третьего рядов, когда ряды сблизятся, могут образовать заслон и опору для первого» [Guibert 1775: 32].

Атаки колоннами допускались им против неприятеля как в укреплениях, так и вне их, а также занимавшего дефиле, при фронтальном ударе на позиции с естественной защитой флангов, или когда строй противника был поколеблен или расстроен. Колонны силой до двух батальонов должны были атаковать при поддержке стрелков, сближаясь с противником двойным шагом, затем тройным шагом, и в 30 шагах от неприятеля войска переходили на бег [Guibert 1775: 120]. Вместе с этим колонны должны были применяться только в тех случаях, когда атаковать линией не было возможности [Жмодиков 2016: 18].

В то же время, начиная с 60-х гг. XVIII века, Российская империя, вступив в пору державной зрелости, проявляла всё возрастающие имперские амбиции, и такое стремление не могло быть выполнено одними дипломатическими способами. Таким образом, способность армии реализовать внешнеполитические задачи представлялась одним из важнейших слагаемых успеха. По окончании Семилетней войны Особливой военной комиссией [1] была проведена значительная и в целом успешная работа по реформированию армии и приведению её в соответствие с тогдашними принципами и категориями профессиональной европейской армии.

Первая же кампания против турок в исполнении европейской стратегии «измора», проводившаяся вяло и нерешительно, хоть и закончилась успехом – взятием цели операции, крепости Хотин, – но не приблизила русскую сторону к победному финалу кампании. Это, при значительном военном потенциале

[1] Коллегиальный совещательный орган, созданный Екатериной II в 1762 г. который вошли наиболее видные участники Семилетней войны с целью пересмотра всех существовавших штатов войск и военных учреждений, усовершенствование организационных основ русской армии, выработки новых строевых уставов.

Турецкой империи, грозило обернуться затягиванием войны, в принципе выгодным для противника.

Потребовалась смена стратегии, которая и была предложена генерал- фельдмаршалом П.А. Румянцевым. Она заключалась в сочетании военных и политических целей посредством сосредоточения основных сил на важнейшем стратегическом направлении, стратегического манёвра и нанесения решительного поражения полевой армии противника [История военной стратегии 2000: 65]. Именно поражение полевых войск в трёх сражениях подряд в 1770 г. фактически обрушило турецкий фронт на Днестре.

Обращает внимание стратегическое взаимодействие с флотом и перенос направления главного удара с одного участка на другой: так , в 1772 г. с Дуная основные усилия русской армии были перенесены на Крым, что дало в высшей степени важные стратегические результаты [История военной стратегии 2000: 64], а в 1774 г. усилия вновь были сконцентрированы на Дунае. При этом кампания 1773 г., проведённая вяло и без стратегической цели в целом, не удалась.

В отечественной исторической литературе к числу заслуг Румянцева относят и расчленение боевого порядка в противоречие линейной тактике. Без сомнения, это справедливо. Вместе с этим, отметим, что разделение войск во время сражения, даже при численном меньшинстве, применялось Фридрихом II в битвах при Россбахе и Лейтене. Причём основная ставка делалась на решительную атаку хорошо вымуштрованных войск, что давало королю единственный шанс на победу. Вместе с этим корни решения Румянцева о разделении войск в сражении на самостоятельные в тактическом отношении единицы следует искать в знании особенностей вооружения, качества и тактики противника.

Турецкая армия, несмотря на численное превосходство и сильную кавалерию, страдала от слабой пехоты, артиллерии и неумения маневрировать в сомкнутом строю [Жмодиков 2016: 305]. Тактика боя сводилась к первой яростной кавалерийской атаке, после которой натиск ослабевал [Жмодиков

2016: 306], а понеся потери, турки начинали отступать. При этом турецкая пехота, не имевшая штыков и обладавшая к тому же слабыми навыками огневого боя, сражалась в полевых условиях в крупных плотных формациях [Жмодиков 2016: 306], но не могла устоять против европейской пехоты, атаковавшей штыками в плотных построениях. Османская артиллерия, в силу слабой подготовки личного состава и устаревших орудий крупного калибра, практически не оказывала влияния на ход сражения [Жмодиков 2016: 306].

Румянцев против турецкой кавалерии традиционно применял построение пехоты в каре — плотный четырёхугольник глубиной в три и более шеренги, углы которого прикрывались гренадерами и артиллерией. Вражеская кавалерия, наталкиваясь на плотный ружейный огонь и на два ряда штыков (при условии, что первая шеренга становилась на колено), что делало пехотинцев практически неуязвимыми для холодного оружия турецких кавалеристов, начинала обтекать каре, расстреливаемая при этом пехотой. Каре превращалось как бы в неприступную крепость. Отбив атаку, оно двигалось вперёд, вынуждая вражескую кавалерию вновь совершать самоубийственное нападение, которое отбивалось, и всё начиналось заново.

Однако существенным недостатком являлось то обстоятельство, что каре могло двигаться, сохраняя строй, только на относительно ровной местности. Крупные овраги, леса и прочие дефиле немедленно останавливали его. Впрочем, ровная местность была нужна и для кавалерии. Таким образом, залогом успешного сражения была выучка войск, психологическая устойчивость и сохранение строя, ибо, если строй разрушался, ближний бой приводил к тяжёлым потерям.

Дальнейшее развитие этой тактики, без сомнения, принадлежит великому русскому полководцу А.В. Суворову, который уже требовал от пехоты находиться в постоянном движении даже во время отражения кавалерийской атаки или следования по сложной местности, а при подходящих условиях — и идти на штурм полевых укреплений неприятеля. Под его командованием войска начинают активно применять сочетание взводных

сомкнутых колонн, прикрываемых с флангов и тыла стрелками [Золотарёв, Межевич, Скородумов 1984: 125].

Увеличилась и глубина боевого порядка войск, который стал иметь от двух до четырёх линий, причём третья и четвёртая состояли из кавалерии, а первые две — из полковых и батальонных каре, которые, располагаясь обычно в шахматном порядке на расстояния действенного огня полковых орудий (300—350 шагов), в результате чего атакующие, вклиниваясь между каре, попадал в своеобразные огневые мешки и расстреливались с трёх сторон [Золотарёв, Межевич, Скородумов 1984: 233]. Причём вторая пехотная линия служила резервом для первой или применялась для атак флангов неприятеля. При этом пехотные каре во время боя могли перегруппировываться в соответствии с ситуацией на поле боя, как это было, например, в сражении при Козлуджи [Золотарёв, Межевич, Скородумов 1984: 127]. Линейная кавалерия третьей линии атаковала расстроенного противника, в то время как лёгкая кавалерия из четвёртой преследовала его до полного разгрома.

В общем, можно с уверенностью констатировать, что Румянцевым был разработан, а Суворовым в дальнейшем усовершенствован боевой порядок, который оказался наиболее оптимальным для разгрома многочисленного, храброго и опасного, но иррегулярного противника. Важнейшими условиями его успеха являлись «европейская» выучка русских войск и принцип сохранения строя в соединении с активным наступательным порывом.

Вместе с этим в немногих столкновениях с регулярными или полурегулярными войсками русская армия продолжала использовать всё ту же линейную тактику, о чём хорошо сказал сам Суворов в своей «Науке побеждать»: «Баталия в поле: линиею против регулярных; кареями против басурманов… Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки. Они воюют на немцев и иных колоннами. Если бы нам случилось против них, то надобно нам их бить колоннами же» [Суворов 2017: 44]. В бою под Тынцем в 1771 г., Кинбурном (против турок) в 1787 г., в 1794 г. при Крупчицах и Бресте, суворовские войска сражались в линейном боевом порядке прежде всего для

сохранения возможности вести огонь и наносить удар [Золотарёв, Межевич, Скородумов 1984: 235]. Причём строй он предпочитает трёхшереножный, как более устойчивый для ударной тактики. В инструкциях Суворова Резервному корпусу в 1774 г. имеется указание на атаку укреплений не только в колоннах, но и в линиях [Золотарёв, Межевич, Скородумов 1984: 126], а колонны предполагалось применять в основном для движения по местности, в том числе для прохода через дефиле с последующим разворачиванием войск в линию [Золотарёв, Межевич, Скородумов 1984: 126], что совпадало со взглядами французского полковника Ж. Гибера, с работами которого Суворов был, без сомнения, знаком. Использование же колонн при штурме укреплений было общепринятой формой боевого построения войск и в Европе и в России.

Без сомнения, рассматриваемый период стал временем укрепления в русской армии тактики штыковой атаки, вскоре ставшей культовой для армии. Вместе с этим, следует различать понятия «штыковая атака» и «штыковой бой», и первое зачастую не заканчивалось вторым — собственно ближним боем холодным оружием больших пехотных масс [Леонов 2004: 59].

Как уже указывалось, в русской армии метод атаки противника штыками, был выработан ещё в Семилетнюю войну и получил широкое распространение в войсках. Но именно Суворову, апологету агрессивной манеры ведения боя, принадлежит заслуга разработки наиболее оптимального и передового способа применения в бою этого тактического приёма.

Собственно успех штыковой атаки виделся полководцу прежде всего в психологической готовности к ней со стороны солдат, что достигалось методом постоянного внушения им «неустрашимой храбрости» как важнейшего способа поведения солдата [Зверев 2022: 61, 64, 69]. Кроме того, с точки зрения психологии штык — образ практически неотвратимой скорой смерти, что травмировало и подавляло психику обороняющегося, ввергало его в панику [Зверев 2022: 93]. При этом в штыки должна была уметь ходить вся пехота, в том числе и лёгкая, и сама атака была не самоцелью, а элементом боя; она производилась на уже расстроенного огнём неприятеля, и удар совершался

всей массой войск [Золотарёв, Межевич, Скородумов 1984: 235–236]. Причём сближение с уже колеблющимся неприятелем производилось скорым шагом с броском или несколькими бросками вперёд с дистанции в 60–00 шагов [Золотарёв, Межевич, Скородумов 1984: 237]. Использовались штыки и при обороне, с той лишь разницей, что обороняющиеся начинали плотный огонь по противнику с дистанции в 60–80 шагов, а с 30 — сами шли в контратаку со штыками наперевес [Жмодиков 2016: 355]. Причём в штыки пехота ходила и в колоннах, и в каре, и в линиях, т.е. форма построения для Суворова была не так важна, как энергия движения [Орлов 1892а: 7]. Отметим и знаменитые сквозные атаки — манёвры, подчинённые выработке именно необходимых навыков энергичного движения на врага [Драгомиров 1881: 222–224].

Относительно употребления лёгкой пехоты отметим, что Суворов относился к егерям весьма прохладно, используя их как линейную пехоту, выделяя в качестве застрельщиков специальных метких стрелков из состава линейных войск. Таким образом, он фактически усреднял свою пехоту, что опять же не противоречило европейским военным идеям.

В целом же в 70-х гг. XVIII века Румянцевым закладываются основы той военной системы, которая в дальнейшем, преобразованная Суворовым и Потёмкиным, стала основой русского военного искусства. Суть данной системы заключалась в первостепенной важности дисциплины, а «фундамент воспитания» — строгое, непременно однообразное и точное исполнение службы и знание солдатами своих прав и обязанностей. При этом екатерининское время характеризовалось расцветом отечественной военно-педагогической мысли, которая охватывала практически все стороны армейской жизни: боевую подготовку, отношение к солдату, нравственное воспитание личного состава [Рогулин 2005: 97].

За это выступали и другие ведущие русские офицеры-практики, такие как Ф.И. Дмитриев-Мамонов, С.Р. Воронцов, С.М. Ржевский, Р.И. фон Мейердорф, М.И. Кутузов, А.И. Вяземский, которые в качестве основы своих наработок использовали Петровский Устав воинский 1716 г., Пехотный

строевой устав 1763 г. и «Инструкцию полковничью пехотного полку полковника» 1764 г. Разработанные ими инструкции и наставления не заменяли собой устав, но лишь дополняли и разъясняли его [Рогулин 2005: 127]. В них особо подчёркивалась ключевая роль офицерского состава в армии.

Отмечалась необходимость добросовестного отношения офицеров к своим служебным обязанностям, важность «учить его (солдата — А.В.) тому, что нужно на войне», а также терпеливого, человеколюбивого обращения с рекрутами и солдатами [Рогулин 2005: 127]. Суворов считал, что стойкость и победа зависят от храбрости солдат, а храбрость — от их уверенности в себе, основанной на «надёжности на себя» — знании обязанностей и совершенной выучке [Рогулин 2005: 71].

Вместе с этим формула Суворова «учить его тому, что нужно на войне», в тоже время является отражением серьёзной проблемы, которая не только укоренилась, но и быстро разрасталась в русских войсках, поскольку в екатерининское время несоответствие между уставными требованиями и реальной ситуацией в полках получило наиболее яркое и заметное выражение [Материалы по истории: 31].

В наследство от елизаветинских времён армии досталась увлечённость парадоманией, которая процветала, подменяя собой действительные воинские знания и навыки [Материалы по истории: 19], что, к тому же, отнимало много солдатского времени, в результате чего на собственно службу, боевую и строевую подготовку его становилось всё меньше и меньше [Леонов, Ульянов 1995: 151].

Другим наследием прошедшего царствования стала громадная самостоятельность начальников в войсках и почти полное отсутствие контроля за их деятельностью [Морозов 1909: 12]. Отсутствие единого порядка обучения приводило к тому, что командиры полков разрабатывали собственные инструкции и методы подготовки солдат, зачастую мало связанные с действующими уставами. Процветала данная практика и в действующей армии.

Именно в целях её искоренения Румянцевым был разработан и введён в воюющей армии «Обряд службы», так как полки, участвовавшие в кампаниях, имели отличную друг от друга подготовку и выучку. В 1779 г. генерал-поручик А.И. Апухтин, докладывая о результатах инспекции войск на Крымском полуострове, отмечал значительные различия в их обученности, охарактеризовав имевшуюся в частях боевую подготовку как бесполезную для военной службы [Татарников 2012].

И данная тенденция с течением времени только расширялась. Потёмкин в письме Суворову, назначенному в 1788 г. командовать войсками, собранными для обороны южных границ, указывает на негодность боевой подготовки солдат и даёт наставления относительно единой формы обучения и первоочередных эволюций, необходимых для боя. Без сомнения, суворовская система подготовки войск стоит особняком, поскольку объясняла и упрощала восприятие устава и предписывала всем военнослужащим исполнять и знать требования воинского устава [Рогулин 2005: 70].

При этом Суворов дополняет устав новым, более глубоким содержанием, причём никогда не выходя за его рамки. Созданная им система способствовала скорейшему изучению устава в войсках, что является ярким примером доработки, но не манкирования им. Вместе с этим передовые новинки распространялись, по всей видимости, только в войсках, которыми командовали внедрявшие военачальники, но они не включались в уставы, не требовалось их обязательное исполнение всеми остальными частями.

Проверкой новой стратегии и тактики русской армии стала Русско-турецкая война 1787–1791 гг., причинами которой стали, с одной стороны, политика России по защите юга страны и укреплению присутствия империи на Черноморском побережье, а с другой — желание Турции вернуть потерянный Крым и жажда реванша за поражения, понесённые в предыдущей войне.

Союзником России выступила Австрия, надеявшаяся получить часть турецких владений в Юго-Восточной Европе. В мае 1781 г. между

Австрийской и Российской империями был заключён союзный договор, обязывающий их к взаимопомощи в случае войны против любого противника [Россия в коалиционных войнах 2019: 200].

При этом ситуация для России была и в военном, и в политическом плане достаточно сложной. Во-первых, война стала неожиданностью для русского двора, и русская сторона даже не имела законченного плана боевых действий и развёрнутой армии, поскольку считалось, что в 1787 г. войны не будет [Бескровный 1958: 521]. Во-вторых, Османская империя, стремясь к реваншу, заручилась поддержкой ряда европейских держав: Англии, Пруссии, Швеции и Франции. Каждая из них преследовала собственные интересы в предстоящем русско-турецком конфликте. Англия стремилась ответить Екатерине II за Декларацию о вооружённом нейтралитете (1780 г.). Пруссия, как и её союзница Франция, была заинтересована в ослаблении российского влияния в Речи Посполитой. Швеция же рассчитывала вернуть земли, ранее утраченные в пользу России.

Реальным союзником Турции стала Швеция, которая в 1788 г. объявила войну России. Это привело к тому, что России пришлось вести боевые действия на два фронта, что, в частности, ограничило возможности использования эскадры Балтийского флота в Средиземном море. Другие европейские державы, сыгравшие роль в разжигании этого конфликта, не оказали поддержки ни Турции, ни её союзнице Швеции. Этому способствовала Великая французская революция, которая переориентировала внимание мировой дипломатии с Босфора на события во Франции.

Русско-турецкая война 1787–1791 гг. предоставила русской армии ценный, хотя и неоднозначный, опыт ведения коалиционной войны, выявив как потенциал, так и значительные сложности такого формата. Прежде всего, конфликт продемонстрировал критическую важность единого стратегического планирования и командования. Отсутствие такового между Россией и Австрией привело к рассогласованности действий, взаимным претензиям и упущенным возможностям, что затягивало войну. Русская армия столкнулась

с проблемой нежелания союзников подчиняться общему командованию и их стремлением к реализации собственных геополитических интересов. Примеры генералов Фабри и Сплени, уклонявшихся от выполнения приказов русских начальников, а также отзыв австрийских отрядов без согласования ярко иллюстрируют эти трудности. Это подчеркнуло необходимость чётких механизмов субординации и взаимодействия в рамках коалиции.

Опыт показал, что медлительность и пассивность австрийцев, как при осаде Хотина, могут сковывать наступательные операции и вызывать раздражение, подрывая боевой дух и эффективность коалиции. Русское командование, в частности Румянцев, неоднократно выражало недовольство недостаточной союзнической помощью и их неэффективной стратегией.

Однако война также продемонстрировала, что успешное коалиционное взаимодействие возможно при наличии сильного лидера и доверительных отношений между командующими. Суворов стал ярким примером такого лидера, чья репутация и способность к оперативному принятию командования обеспечили выдающиеся победы союзных войск у Фокшан и Рымника. Эти сражения продемонстрировали, что при правильной координации и взаимной поддержке союзные войска способны к стремительным маршам, решительным атакам и эффективному боевому взаимодействию, даже при численном превосходстве противника. Таким образом, русская армия получила опыт, лишь подтверждающий, что для успеха коалиционной войны необходимо единое стратегическое планирование и командование. Не менее важной оставалась и выработка чётких механизмов субординации и развития доверительных отношений между командующими.

Этот опыт стал важным уроком для будущих коалиционных войн России, подчеркнув, что успех в них зависит не только от военной мощи, но и от политической воли и способности к эффективному военно-политическому сотрудничеству. При этом, несмотря на разногласия на стратегическом уровне, взаимодействие войск непосредственно на поле боя отличалось чрезвычайной эффективностью, чему в русской армии придавалось большое значение.

Честно исполняя свой долг на поле боя, русские требовали такого же отношения со стороны союзников и, следует признать, австрийцы практически не давали поводов для нареканий, смело идя в огонь и выдерживая натиск противника. Обратное поведение англичан в Голландии, неоднократно оставлявших своих союзников без поддержки на поле боя, стало настоящим шоком для русского командования. И хотя Вторая турецкая война не дала русской армии опыта подчинения иностранным командующим, в войсках чётко утвердилась идеология, что даже в данном случае армия должна руководствоваться общесоюзническими интересами. Это убеждение всячески поддерживалось, в том числе и в кампании 1799 г. Вместе с этим, армия, справедливо считавшая себя сильнейшей и победоносной в Европе, в контексте коалиционных отношений позиционировала себя в качестве равноправного партнёра по отношению к своим союзникам, требуя подобного отношения и к себе.

Период правления Павла I не отмечен изданием для войск каких-либо наставлений или инструкций по изменению тактики или стратегии, уже апробированных армией в прежних войнах. Всё это, по всей видимости, может свидетельствовать только о том, что император считал военный опыт своих войск достаточным и не подвергал его сомнению. Вопрос преобразования армии заключался, по его мнению, в искоренении имевшихся армейских пороков.

В результате русская армия, несмотря на внешние изменения, продолжала опираться на боевой опыт, накопленный в предыдущие десятилетия, и на индивидуальное мастерство своих командиров, которым приходилось адаптироваться к новым реалиям. Таким образом, система боевой подготовки армии, видимо, в то время строилась на сочетании строевого обучения войск по единым новым уставам с сохранением и развитием накопленного практического опыта.

В тоже время в российской и даже в зарубежной историографии немало места уделяется критике новых армейских уставов, введённых императором

Павлом I, которые были признаны «списанными с устаревших прусских», насаждали в армии шагистику и «прусскую муштру», исповедовали опять же «устаревшую линейную тактику». Следствием этого стало то, что армия утратила ранее присущую ей самобытность, начав слепо подражать западноевропейским образцам, что вылилось в «опруссачивание» русской армии [Лебедев 1877: 231; Петрушевский 1884а: 326–328; Баиов 1910: 29]. Наконец, новые уставы не имели преемственности по отношению к тактике и стратегии екатерининского царствования и не учитывали опыта революционных войн. Вместе с этим пехотный устав 1796 г. значительно отличался от аналогичных документов предыдущих царствований тем, что, помимо описания экзерциций и эволюций, караульной службы и прочего, содержал в себе правовые и идеологические основы военной службы и являлся непревзойдённым военно-правовым документом [Леонов, Ульянов 1995: 197]. Обратим внимание, что воспоминания офицеров павловского периода полны рассказов о строгостях, но ни слова — про «устаревшую» военную науку.

Павловские уставы, как и бывшие до них ранее, уделяли значительное внимание строевой подготовке, порядку обучения и производству ружейной стрельбы. Эти элементы всегда были основой подготовки войск. И в данном случае мы можем говорить о наличии в уставе 1796 г. преемственности и дальнейшем развитии системы обучения и подготовки войск, до этого уже практиковавшейся в армии как минимум с 60-х гг. XVIII века. Об этом свидетельствует простое сравнение соответствующих пунктов уставов 1755, 1763 и 1796 гг. Так, предписания уставов 1763 г. и 1796 гг. где пп. 1, 5, 6, 2 Главы Восьмой «О нужном примечания во время обучении солдат приёмам» устава 1763 г. прямо идентичны или совпадают по смыслу с пп. I, X, V, VI, VII и VIII Части второй главы 1 устава 1796 г. [Волков 2023б: 16]. Аналогичную картину мы наблюдаем и при сравнении уставов 1755 и 1796 гг. в которых пп. 1, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14 и 15 главы 10 устава 1755 г. прямо идентичны или совпадают по смыслу пп. XI, I, III, V, VI, VII, VIII, X, XI Части второй главы 1 устава 1796 г. [Волков 2023б: 16]. Наконец, пп. 1, 4 и 5 главы V «Чему

новоприверстанного в полку рекрута, и всех солдат вообще научат надлежит» «Инструкции пехотного полку полковника» 1764 г. содержат те же наставления и требования в области обучения рекрутов, что и пп. 9, 10, 2 и 3 устава 1796 г. [Волков 2023б: 16]. Таким образом павловский устав фактически объединил в себе почти сорокалетний опыт строевой подготовки нижних чинов русской армии [Волков 2023а: 287].

Продолжая тему обучения войск, следует отметить, что устав 1796 г. много внимания уделяет шаржированию (заряжанию ружья. — А.В.), поскольку основным видом боя оставался ружейный огонь развёрнутых в линию батальонов, а значит, обученность войск быстро и правильно заряжать ружья являлась одним из самых значимых факторов успеха в бою. При этом многое, связанное с процессом шаржирования в новом уставе 1796 г., повторяет то, что уже было представлено в уставе прежнем, екатерининском. П.I, VI, IX, III Главы 2 устава 1796 г. практически полностью повторяют как по смыслу, так и по практическим наставлениям и предписаниям пп. 1, 2, 5, 4 пехотного устава 1763 г. [Волков 2023б: 16]. Причём совпадения следуют как в самом процессе заряжания оружия, так и в вопросах управления стрельбой и поведении солдат при производстве выстрела и различных видах стрельбы.

Вышеприведённый анализ совершенно точно определяет, что составители устава 1796 г. были хорошо знакомы не только с практикой, но и с современными на тот момент требованиями к строевой подготовке и обучению рекрутов, которые оставались практически неизменными, за исключением отдельных деталей, в течение почти 40 лет. С определёнными исключениями и дополнениями устав основывался на принципах и формах, которыми русская армия руководствовалась с 1756 г. Интересно восприятие нового устава армейским «фрунтовым» офицером с боевым опытом, полковником Л.Н. Энгельгардтом, который писал в своих воспоминаниях: «Эволюции были просты, требовались только одна точность и мелочи удобопонятные» (цит. по: [Энгельгардт 1868: 202]).

При этом за нарушения уставных требований в отношении обучения войск, имущества и униформы за всё правление Павла I было исключено всего 19 офицеров [Волков 2024: 24]. Именно в этот период в русской армии установилось единообразие в обучении войск согласно действовавшему уставу [Юркевич 2024: 43].

Обращает на себя внимание и широко развитая при Павле I практика проведения больших войсковых манёвров, которая практиковалась им ещё в Гатчинском отряде, когда ежегодно весной и осенью манёвры войск производились в Гатчине или Павловске.

При этом сохранившиеся описания этих учений свидетельствуют, что эволюции и тактические приёмы войск, отрабатывавшиеся во время проведения манёвров, в целом соответствовали тактике русской армии второй половины XVIII столетия [Сведения о Гатчинских 1835: 18–68]. Проводились и манёвры «на гатчинских водах» в ходе которых отрабатывалась высадка войск на берег с поддержкой данного действия «флотом» [Кабеко 1887: 400–401].

Полевые манёвры продолжались обычно 2–3 дня (с перерывами между ними в день) и в их программу входила проверка навыков строевой подготовки, а также боевые действия по сценариям, отличавшимся активной составляющей «боевой» задачи — как правило, вариации на тему атаки и обороны [Волков 2025г: 266]. При этом отрабатывались действия авангарда, сводных пехотных частей, а войска делились на «дивизии», кавалерия сводилась в «бригады» [Волков 2025г: 268]. Из построений на манёврах использовались пехотные линии, колонны; отрабатывалось перестроение пехоты из двух линий в одну — алиенимант с последующей ружейной стрельбой или атакой неприятеля [Волков 2025г: 268].

Своё место на манёврах находила и отработка атак на дефиле и мосты, в том числе «в штыки», захват лесов, построение войск в каре в «ан-эшикье» [Волков 2025г: 268].

Активно использовалась кавалерия, которая занималась рекогносцировкой, прикрытием движения пехоты; отрабатывались и массированные атаки, как, например, на Московских манёврах 1798 г., когда в атаку карьером пошло пять кирасирских и один драгунский полк, всего порядка 30 эскадронов. Вообще, кавалерийская тактика отличалась значительной агрессивностью и скоростью выполнения эволюций. Даже Баиов указывает, что новые кавалерийские уставы и наставления Павла I, помимо установления современного на тот момент двухшереножного строя, давали хорошую «узкостроевую подготовку» и являлись средством выработки «истинного кавалерийского духа» [Баиов 1910: 52].

Во время маневров артиллерия массировалась в батареи, которые должны были поддерживать войска, причём зачастую в них определялось до трети орудий «стороны», т. е. артиллерия концентрировалась на определённых участках, где должно было осуществляться наступление. Отдельно отрабатывались действия группами по 2–3 орудия, приданными различным подразделениям, например, авангарду.

Можно с уверенностью констатировать, что практиковавшиеся в ходе манёвров тактические приёмы соответствовали действовавшим на тот момент уставам и тактике. В сражении действия пехотного батальона представляли собой череду передвижений, перестроений и, конечно же, слаженного ведения огня как основного способа ведения боя в конце XVIII века. Без сомнения, введённая система обучения и манёвры способствовали тому, что войска, выученные по единой программе, были способны исполнять эволюции даже в составе сводных подразделений, поскольку постоянных дивизий в тот момент ещё не существовало.

Анализ кампании 1799 г. показывает, что основой подготовки армии служили уставы 1796 г. с дополнениями, а также опыт командиров. При этом выучка войск, особенно в кавалерии, существенно выросла, а артиллерия быстро вышла на передовые позиции в Европе. Система комплектования армии осталась неизменной, но более упорядоченной и контролируемой, что

обеспечило сохранение национального состава армии. Начавшееся оздоровление внутриармейской жизни способствовало укреплению дисциплины и субординации. Всё это может дополнительно свидетельствовать, в том числе, и о том, что павловские реформы не изменили суть тактики и характера ведения боя со стороны русских войск, лишь подтянув строевую и боевую подготовку полков и батальонов до необходимого уровня.

Таким образом, оценивая русское военное искусство в конце XVIII века можно вполне согласиться с В.А. Золотарёвым, утверждавшим, что связь войны и политики, столь ярко выраженная потом Клаузевицем, зародилась в России в стратегии Румянцева и Суворова и в её основе лежат активные боевые действия с учётом возможностей противника, характеров местности и самой войны, ставя перед собой главную задачу — разгром живой силы противника в полевых сражениях. К сожалению, в России военно-теоретического закрепления этих идей произведено не было. Можно полагать, что устойчивое деление русских государственных и военных деятелей на «западников» и сторонников «национальной военной школы» является весьма условным, так как при всех реформах армия сохраняла европейскую ориентацию в ключевых аспектах: подготовке войск, строевых рамках и основных формах ведения боя. Эти аспекты постоянно трансформировались, дополнялись и корректировались, но оставались неизменными.

Российская военная мысль, представленная новыми стратегиями и тактиками, внесла значительный вклад в континентальное военное искусство, особенно в тех областях, где европейские армии испытывали трудности как на уровне тактики, так и стратегии.

1.2. Военно-политические особенности участия России в Первой и Второй антифранцузских коалициях

Великая французская революция, символом и началом которой послужило взятие восставшими парижанами Бастилии 14 июля 1789 г.,

привела к значимым изменениям не только во Франции, но и во всей Европе, послужив главной причиной серии кровопролитных войн с 1792 по 1815 гг.

Именно исходя из опыта конфликтов конца XVIII — начала XIX вв., в труде немецкого военного теоретика К. Клаузевица «О войне» были рассмотрены фундаментальные правила и условия ведения коалиционных войн. Утверждается, что активность участия страны в коалиции определяется прежде всего её политическими интересами и изначальными целями вступления в альянс. От этого зависят и задачи выставляемой вспомогательной армии, командующий которой будет следовать указаниям собственного правительства, которое, в свою очередь, руководствуется государственными выгодами и интересами [Клаузевиц 1934: 557].

В том числе им указывалось, что важнейшими условиями успешного ведения коалиционной войны являются:

— взаимная военная и политическая поддержка стран-участниц коалиции [Клаузевиц 1934: 556–557];

— назначение единого главнокомандующего коалиционными силами с соответствующими полномочиями для ведения конфликта [Клаузевиц 1934: 591];

— распределение армий стран-участниц коалиции по самостоятельным театрам военных действий в случае невозможности их совместных действий, например из-за неразрешимости «вопроса честолюбия» командующих армиями [Клаузевиц 1934: 591].

При этом нахождение войск разных стран в составе единой коалиционной армии видится военному теоретику более предпочтительным, поскольку участникам союза в таком виде гораздо сложнее действовать в своих национальных или «эгоистических интересах» [Клаузевиц 1934: 591]. Согласимся и с С.Н. Михалёвым, который в своих исследованиях определял коалиционную войну как временный военно-политический союз двух или более государств, заключаемый с целью ведения войны [Михалёв 2003: 32]. Среди политических вопросов деятельности коалиции Михалёв выделяет

необходимость согласования национальных интересов стран-участниц с общими интересами коалиции, а также определение лидерства и характера внутрикоалиционных отношений (равноправных или подчинённых). Последние, по его мнению, определяются размером вклада государств в коалиционную борьбу [Михалёв 2003: 32].

Согласно исследователю, государства в коалиционных войнах руководствуются личными мотивами, такими как: привлечение союзных войск для достижения собственных задач, использование благоприятной военно-политической конъюнктуры и получение внешней помощи (политической, материальной, финансовой). Участие государств в коалициях может принимать различные формы: от полномасштабных военных действий и официального объявления войны противнику до более ограниченных мер, включая разрыв дипломатических связей или экономическую/военную блокаду. Также возможно оказание поддержки членам коалиции в виде экономической, финансовой или военной помощи, не вовлекаясь непосредственно в боевые операции [Михалёв 2003: 32]. Следовательно, основой для формирования и существования коалиций являются международные договоры, заключённые между двумя или более государствами.

Таким образом, под «стратегией коалиционной войны» в конце XVIII века следует понимать планирование и ведение совокупных военных действий нескольких государств, объединённых общими целями, для нанесения поражения противнику на одном или нескольких театрах военных действий с учётом политических интересов и ресурсов каждого союзника.

По сути, это было искусство согласования разнородных сил и средств, направленное на достижение единого стратегического результата.

При этом понятие «кампания» (кампания военная или военная кампания) в конце XVIII века определялось как совокупность последовательных военных действий, проводимых в течение одного сезона в период от весны до зимы

[Тучков 1818а: 178], направленных на достижение конкретных оперативных или стратегических целей.

Под термином «военная операция» понималось тактическое исполнение военных предприятий [Тучков 1818б: 9], что распространялось как на отдельное, но взаимосвязанное с замыслом кампании сражение, так и на серию сражений, проводимых в рамках кампании с целью достижения тактического или оперативного превосходства на определённом участке фронта. Зачастую термин «операция» имел то же значение, что и «кампания», что особенно широко применялось в трудах военных теоретиков начала XIX века.

В 1789 г. монархии Европы, будучи заняты разрешением как внутренних, так и межгосударственных противоречий, первоначально не уделяли особого внимания происходящему во Франции, полагая, что революционное брожение приведёт к ослаблению одного из самых могущественных государств Европы.

Однако, пересмотреть данное отношение заставили как кардинальные социальные изменения во Франции, так и распространение революционных идей на сопредельные страны, вызвавшие, например, революцию в Австрийских Нидерландах (Бельгии).

Кроме того, территориальные приобретения революционных властей (включение Авиньона и немецких княжеств в Эльзасе в состав Франции), побудили европейские монархии, при поддержке Англии, забыть о своих разногласиях и объединиться против общей угрозы [История дипломатии 1941: 326–327].

У находившихся практически на грани войны Австрии и Пруссии появился новый общий враг — революционная Франция. Отметим, что и Первая, и последующие коалиции будут иметь ряд отличительных особенностей, к числу которых, например, О.Н. Захарчук относит как число данных союзов (всего их будет семь), так и то, что в них будут вовлечены практически все европейские страны, а сами войны будут носить бескомпромиссный характер идеологического противостояния [Захарчук 2008].

Французская революция не только возродила экономическое соперничество с Англией, но и стала катализатором конфликта с Австрией и Пруссией. Французская буржуазия, стремясь компенсировать потерю колоний, претендовала на европейские территории. Однако именно революционные лозунги послужили идейным обоснованием для территориальной экспансии в рамках доктрины «естественных границ», и непримиримая конфронтация мировоззрений оказалась одним из наиболее сильных стимулов для формирования коалиций [Захарчук 2008].

Исход противостояния должен был решаться на поле боя. В период с 1792 по 1795 г. армии монархических государств, наряду с французской революционной армией, продолжали использовать кордонную стратегию [Голицын 1875: 311]. При этом, находясь в весьма сложном положении, окружённая врагами, Франция сумела использовать мощное нравственное превосходство – выплеснутую Революцией неукротимую энергию народа, взрыв национального самосознания и патриотизма [Соколов 2012: 13]. Республика, преодолев внутренние трудности, провела реформы, укрепившие армию и ставшие основой для побед. В 1793 г. были предприняты меры по улучшению войск: оптимизирован командный состав, введены военные комиссары, создана конная артиллерия [Голицын 1875: 311]. Знаменитая амальгама 1793 г. объединила регулярные и добровольческие части. Это позволило сформировать сначала 135, а затем 208 линейных и 35 лёгких полубригад, ставших основой новой республиканской армии [Шиканов 2012: 7]. Всеобщая воинская повинность дала возможность собрать до миллиона человек [Дельбрюк 1997: 290]. Развивалось и военное производство. Новый закон о чинопроизводстве открыл дорогу к повышению военным профессионалам — офицерам, солдатам и унтер-офицерам бывшей королевской армии. Постоянные войны способствовали накоплению боевого опыта, и уже к 1796 г. армия почти наполовину состояла из молодых закалённых ветеранов, обладавших многими навыками практической военной школы [Голицын 1875: 312].

Введение дивизионной и корпусной структуры изменило характер операций. Сокращение обозов и снабжение за счёт местных ресурсов повысило скорость маневра. Тактика революционной армии, включавшая рассыпной строй, боевые линии и колонны, а также сочетавшая огонь со штыковым ударом и последующим кавалерийским преследованием, оказалась весьма эффективной [Шиканов 2012: 62]. С 1796 г. складывался «смешанный боевой порядок» (ordre mixte), дававший французам тактическое превосходство.

К 1795 г. ситуация на фронтах улучшилась: Франция справилась с мятежами, заключила мир с Тосканой, Пруссией и Испанией, заняла Голландию, Австрийские Нидерланды и левый берег Рейна. Регенсбургский имперский сейм уполномочил императора начать переговоры с Французской республикой.

В то же время австрийская армия, главная сила коалиции, страдала от неэффективного управления со стороны Гофкригсрата (придворного военного совета), ограничивавшего самостоятельность командующих армиями, что зачастую приводило к поражениям от более агрессивных и свободных в стратегии французов. Внутренние противоречия и отсутствие единого видения целей войны ослабляли союзников. Назначение единого главнокомандующего могло бы решить эти проблемы, но вследствие политических противоречий между участниками коалиции это было затруднительно. Наконец, союзные армии, будучи более профессиональными, существенно уступали французским войскам в энергии и боевом духе.

В 1796 г. из всей коалиции войну с Францией продолжали только Англия и Австрия, которая всё настойчивее требовала вмешательства в конфликт России.

Характеризуя российское участие в Первой антифранцузской коалиции, нужно отметить, что императрица Екатерина II видела во Французской революции угрозу монархиям. В 1790 г. Россия вступила в антифранцузский союз с Австрией, Пруссией и Швецией [Горощук, Саржан 2022: 160].

Несмотря на поддержку коалиции, Россия уклонялась от участия в реальных боевых действиях, хотя предложения об отправке русских войск в Европу Россия получила из Англии уже осенью 1792 г. [Гребенщикова 2020а: 31], и обсуждение возможности участия русского контингента в войне на континенте [Куницын 2020: 72] продолжилось в 1793–1794 гг. Однако высокие финансовые требования Екатерины II (500–600 тыс. фунтов стерлингов) стали препятствием, так как Британия готова была субсидировать лишь иностранные войска, привлекаемые на защиту своих собственных, а не общеевропейских интересов.

14 (25) марта 1793 г. была подписана союзная англо-русская конвенция, представлявшая собой не что иное, как весьма туманную декларацию о намерениях, в которой о войне с Францией не говорится ни одного слова [Виноградов 2001: 130]. Следствием этого стала лишь отправка русской эскадры на помощь Великобритании в июне 1794 г. В феврале 1795 г. Россия заключила восьмилетний оборонительный союз с Великобританией, обязуясь предоставить флот. Секретная статья предусматривала помощь Англии в проходе российского флота в Средиземное море при агрессии Османской империи. Австрия присоединилась к договору, но Екатерина II отказала ей в запросе на 40 000 солдат из-за разногласий в вопросах верховного командования [Гребенщикова 2015: 131]. Несмотря на имеющиеся договоренности, Россия учитывала возможность войны с Турцией, опасаясь союза османов с Францией, Пруссией и Швецией. На западных границах были сосредоточены три армии — Суворова, Румянцева и Репнина [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852а: 16]. И хотя Суворов, активно выступавший за войну с французами, докладывал, что «турки не деятельны» [Петрушевский 1884а: 242], войска по-прежнему держались для прикрытия западных границ империи.

Тем временем, европейская коалиция терпела поражения. В 1796 г. Франция начала наступление на Вену с трёх сторон: в Германии (Журдан, Моро) и в Италии (Бонапарт). 11 августа 1796 г. Россия объявила войну

Франции. Екатерина II, предвидя поражение коалиции, писала послу в Вене о необходимости реорганизации коалиции с целью принудить французов к прекращению нашествий и возвращению к прежним границам [Михалёв 2003: 44]. Целью войны становилось ограничение экспансии Франции, а не восстановление монархии. При этом российское командование и, прежде всего, Суворов, опасались, что после победы над Австрией французы могут начать войну против России, возможно, в союзе с Турцией или Пруссией [Петрушевский 1884а: 243]. В таком случае России потребовалось бы выставить армию численностью 500 000 человек [Суворов 1952: 553], причем только для обороны Польши. Если бы Франция вступила в союз с Пруссией против России, противник мог бы сконцентрировать до 300 000 человек [Суворов 1952: 553]. Фельдмаршал также отмечал, что французы при поддержке Пруссии прошли бы маршем через Саксонию достигли бы Вислы и полководец выражал готовность к выступлению против французов [Суворов 1952: 550]. Важность этого момента заключалась в том, что предлагалась защита русских рубежей на дальних подступах, и мнение столь авторитетного военного деятеля заслуживало самого пристального внимания.

Австрия, нуждаясь в помощи, через своего представителя генерал-майора маркиза И.Г. фон Шателера предложила план совместного наступления на Францию [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 19–20]. Русские войска должны были сосредоточиться в Курпфальце (между Кобленцем и Майнцем), усиленные 20–30 тыс. немецких войск и корпусом Конде. Австрийцы концентрировались бы между Мангеймом и Базелем. Общая численность русско-имперской армии — около 100 тыс. человек. Опорой для россиян служили бы крепости Лотарингии (Саарлуис, Тьонвиль, Мец) [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 20], а для австрийцев — крепости Эльзаса. Суворов считал, что Россия должна играть ведущую роль в операции [Михалёв 2003: 46] и в этой связи Курпфальц открывал путь к Нидерландам, а Лотарингия была плацдармом для вторжения во Францию. Размышлял Суворов и об операциях в Италии [Суворов 1952: 556]. Однако

театр военных действий для русских войск, по всей видимости, так и не был согласован.

Екатерина II не спешила исполнять австрийские требования о назначении Суворова командующим, и он готовил войска к походу без официального указа [Петрушевский 1884а: 244]. В ноябре 1796 г. был готов проект рескрипта, определявший численность корпуса в 51 904 человека при 80 орудиях [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 362] и определявший задачи армии как помощь союзникам и обеспечение безопасности империи. Командующим с русской стороны должен был стать Суворов [Петрушевский 1884а: 241]. Готовность войск к выступлению определялась в четыре недели [Петрушевский 1884а: 245], т.е. не раньше декабря 1796 г. И даже если бы войска вышли без задержки, их прибытие на какой-либо театр военных действий могло произойти не ранее конца февраля – начала марта 1797 г. Но после победы Бонапарта при Риволи, падения Мантуи и начала наступления войск Итальянской армии Бонапарта на Вену в марте 1797 г. стало очевидно, что Австрия войну проигрывает.

По восшествии на престол Павел I получил от австрийского двора настоятельную просьбу в силу союзного договора 1792 г. срочно отправить в Богемию или Моравию до 12 000 русских войск и развернуть на западных границах армию, которая могла бы, с одной стороны, угрожать Пруссии, а с другой — служить источником для поддержки вышеназванного корпуса [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 33]. Одновременно с этим Вена просила Петербург стать посредником в её перемирии с Францией, что, по мнению австрийцев, благотворно сказалось бы на политике и Франции, и Пруссии [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 33].

14 апреля войска на западных границах — части Екатеринославской, Таврической и Смоленской дивизий, а также 18 казачьих полков — получили приказ быть готовыми к походу [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 33]. Одновременно с этим князь Н.В. Репнин должен был отправиться в Берлин для переговоров о достижении общеевропейского мира. Император, как и

Екатерина II, считал необходимым признать Французскую республику и окончательно решить вопрос о послевоенных границах [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 35–41].

Однако визит не состоялся из-за заключения предварительного мира между Францией и Австрией в Леобене [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 43] что, собственно, по всей видимости, и стало причиной отказа от отправки войск, поскольку военное и политическое поражение Австрии стало очевидным. Усилия России перенеслись на дипломатическую ниву. Отечественные историки уделяли внимание различным аспектам европейской политики императора Павла I: от посредничества в мирных переговорах до вступления России во Вторую антифранцузскую коалицию [Окунь 1947: 32–45; Дегоев 2001: 52–65, История внешней политики 2018: 139–150]. Представляется целесообразным ограничиться рассмотрением двух аспектов: политической мотивации вступления России в коалицию и военных особенностей отправки вооруженных сил империи за Рейн.

Заключённый 18 октября 1797 г. Кампо-Формийский мир позволил Франции решить свою главную дипломатическую задачу: используя плоды военных побед создать на восточных границах линию из зависимых от неё республик, которые обеспечивали бы ей господство в Центральной Европе и Италии [История дипломатии 1941: 355]. Д. Чандлер очень метко назвал это стремление Французской республики «приобретательным инстинктом» [Чандлер 1999: 168]. Конечно, военное значение этих событий было неоспоримым. Например, создание Гельветической республики в Швейцарии дало Франции контроль над важнейшими альпийскими перевалами, соединявшими Германию и Северную Италию. Одновременно территориальные приобретения в Италии, равно как и положение немецких князей на Рейне, особенно в Баварии, спровоцировали ожесточенное сопротивление в Вене. Споры, связанные с Баварией, в конечном итоге привели к значительному напряжению между Пруссией, Австрией и Францией [Чандлер 1999: 168].

При этом французская дипломатия дважды, в 1796 и 1797–1798 гг., настойчиво искала союза или, по крайней мере, нормализации отношений с Российской империей. Целью этих усилий было предотвратить участие России в новом антифранцузском союзе [История внешней политики 2018: 142]. Эти попытки, в силу совокупности различных факторов, не удались.

В рамках продолжавшегося противостояния с Великобританией Французская республика, демонстрируя активное продвижение на Восток, осуществила в мае 1797 г. после падения Венецианской республики, захват Ионических островов. Данное событие было воспринято в Санкт-Петербурге с настороженностью. При этом обладание Ионическими островами рассматривалось Директорией как инструмент давления на Османскую империю, которая, по оценкам французских военных и дипломатов, находилась в состоянии глубокого кризиса. Наполеон Бонапарт прямо указывал на стратегическую важность данного приобретения, отмечая: «Обладание Ионическими островами даёт Французской республике возможность либо сохранить Османскую империю, либо разрушить её» (цит. по: [История Балкан 2004: 167]). В глубокой тайне началась подготовка к вторжению французских войск в Египет, формально входящий в состав Турции, но на деле осуществляющий самостоятельную политику [Соколов 2006: 27].

В случае успеха операции против Египта и нанесения поражения Турции, которая, отметим, в данный момент была дружественно настроена по отношению к Франции, предполагался раздел Турецкой империи с захватом Египта и установлением контроля над Пелопоннесом [Соколов 2006: 27], а в дальнейшем — и с проникновением Франции в регион Западных Балкан с присоединением Албании и Македонии.

В Петербурге флот, собиравшийся в Тулоне, вызывал законное беспокойство. Руководство империи учитывало, что, согласно разным докладам, французы могли отправить войска в помощь, например, мятежному Кара-Махмуд-паше в Албании, что грозило переносом возмущения на западные провинции России либо высадкой в Архипелаге, что в любом случае

угрожало русскому Югу [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 82]. Насколько всё это серьёзно воспринималось в Петербурге, свидетельствует тот факт, что незамедлительно стали осуществляться широкие мероприятия по укреплению черноморского побережья и концентрации войск на случай высадки десанта противника [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 82–83]. При этом подразумевалось, что десант может быть осуществлён союзными турецко-французскими силами, тем более что Петербург имел данные о готовности Турции оказать содействие в пропуске французского военного флота для операций против Крыма [Гребенщикова 2020б: 9].

4 февраля 1798 г. Павел I приказал адмиралу Мордвинову привести Черноморский флот в боевую готовность [Адмирал Ушаков 1952: 3], а 9 апреля 1798 г. флоту предписывалось выйти в море, крейсировать у побережья [Адмирал Ушаков 1952: 21], что и было выполнено 26 апреля. Причём император предписывал адмиралу Ф.Ф. Ушакову в рескрипте от 13 мая решительно атаковать французскую эскадру, если она войдёт в Чёрное море [Адмирал Ушаков 1952: 42]. Наконец, в мае 1798 г. началась знаменитая Египетская экспедиция Наполеона. О выходе французских судов из Тулона 19 мая в России узнали в начале июля, но о том, что первой жертвой Наполеона стала Мальта, в России ещё не знали.

Всю весну и большую часть лета в Константинополе шли переговоры между русским посланником В.С. Томарой и рейс-эфенди Атиф Ахметом о военной помощи против французов, но турецкая сторона действовала уклончиво [Гребенщикова 2020б: 12], несмотря на то, что Россия предлагала помощь не только флотом, но и армией — до 75 000 человек. 25 июля Павел I предписал флоту идти к Босфору [Адмирал Ушаков 1952: 53], а 5 августа фельдмаршал Гудович был назначен командующим войсками, выделенными в помощь Турции. 25 августа русская эскадра Ушакова вошла в Босфор, но Турция на предложенную военную помощь ещё не соглашалась, лишь подписав декларацию относительно действий русского флота в районе

Архипелага и содействия ему со стороны турецких властей [Гребенщикова 2020б: 12].

В ночь с 19 на 20 июня (30 июня - 1 июля) Наполеон высадился в Египте, и таким образом Франция совершила в отношении Турции, которую одновременно с этим с 1795 г. склоняла к конфликту с Австрией и Россией, акт форменного предательства, но Селим III объявил войну Франции и заключил союз с Россией только 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.). Интересно, что министр иностранных дел Директории Ш.М. Талейран, один из вдохновителей Египетской экспедиции, совершенно не считал, что начавшаяся война с Турцией может быть существенным препятствием для дальнейшей франко-турецкой агрессии против Российской империи. В частности, предполагалось, что, укрепившись в Египте и устранив британский флот из Средиземноморья, Франция, оставив себе Египет в качестве компенсации, поможет Турции отвоевать русский Крым. В том числе он писал: «Разрушение Херсона и Севастополя стало бы одновременно справедливой местью за безумное неистовство русских и лучшим средством для успеха на переговорах с турками, дабы получить от них всё, что могло бы укрепить наше положение в Африке» (цит. по: [Приходько 2018: 75]). Таким образом, подписание русско-турецкого союзного договора явилось прямым следствием агрессивной политики французского правительства в Средиземноморье, угрозой поражения Турции, продвижения Франции на Балканах и, как следствие, возрастания угрозы русскому Югу.

В данном случае российское правительство предпочло вести войну на «дальних подступах» к своей территории, что было стратегически совершенно оправдано. Обратим внимание, что и Суворов, несмотря на опалу, следивший за событиями, отмечал необходимость отправки русских войск в Европу. Отдельно следует рассмотреть хотя бы в общих чертах и «Мальтийский вопрос» как наиболее часто указываемую причину участия России во Второй антифранцузской коалиции. Действительно, Мальта рассматривалась императором Павлом I как важный русский форпост в Средиземноморье

[История дипломатии 1941: 359]. Хотя ранее остров в подобном ключе не фигурировал в российской политике, а более обсуждался о. Парос на Архипелаге, добиться закрепления там не удалось [Настенко, Яшнев 2005: 38–39]. Таким образом, желание русского самодержца обрести позиции в Средиземноморье, в том числе посредством создания на Мальте русской военно-морской базы, свидетельствует о преемственности данной политики по отношению к прежнему царствованию [Агуреев, Скотников 2024: 93].

В отечественной историографии утвердилось мнение, восходящее к работам Клаузевица, о том, что захват Мальты Бонапартом послужил основной причиной вступления России во Вторую антифранцузскую коалицию, и уничтожение Мальтийского ордена было «единственным основанием» для этого решения [Агуреев, Скотников 2024: 111].

Однако подобная точка зрения представляется чрезмерно редукционистской, не учитывающей многообразие факторов, определявших внешнюю политику России в тот период [Михалёв 2003: 45]. Так, известие о захвате Наполеоном Мальты пришло в Петербург 7, а официальная реакция (протест Великого приорства Российского против сдачи Мальты) последовала только 26 августа [Захаров 2006: 162]. При этом усиленная подготовка к отражению возможной французской или французско-турецкой агрессии с юга шла на военном и дипломатическом уровне задолго до захвата Мальты французами. Ещё раньше, 5 марта 1798 г., Россия обратилась к Пруссии, Австрии и Англии с предложением создать коалицию против Франции [Настенко, Яшнев 2005: 115].

В Британии прекрасно понимали стратегическую важность Мальты для России. Посол королевства в Петербурге информировал, что утрата острова была болезненна для императора, но главным образом из-за получения Францией сильного порта в Восточном Средиземноморье, а не из-за Ордена Св. Иоанна [Лапонов 2001: 31] и каких-то личных выгод самодержца [Лапонов 2001: 31]. При этом все территориальные захваты Франции в континентальной Европе напрямую России не угрожали [Дегоев 2001: 55]. В то же время

Российская империя, как одна из наиболее могучих европейских держав, не могла оставаться в стороне от противодействия растущему распространению «революционной заразы». Без сомнения, такому образу действий способствовали рыцарская натура и неприятие революционных идей самим государем, его стремление вести активную внешнюю политику, а также давление на русский двор, которое оказывалось могущественными силами, начиная от английского правительства и заканчивая французскими эмигрантами, во множестве оказавшимися в России. В то же время руководство империи, которое всячески подчёркивало бескорыстность участия в коалиции, отчётливо сознавало, что все участники антифранцузского союза имеют свои собственные «выгоды и требования» при заключении мира [Ковалева 2023: 17].

Кроме того, Россией проводилась активная политика в 1798–1799 гг. с целью склонения к участию в антифранцузской коалиции и Прусского королевства. Пыталась в этом преуспеть и британская дипломатия, но Берлин сумел остаться в стороне от войны. Указываемые рядом историков опасения по поводу восстановления Польши [Соколов 2006: 34; Баиов 1910: 57] как одна из причин вступления России в войну против Франции видятся преувеличенными. Польский контингент в итальянской армии не представлял серьёзной военной угрозы, а восстановление Польши было бы возможно лишь при полном поражении России и Австрии. Любые «происки Наполеона» в Польше не могли создать действительно неблагоприятную обстановку из-за отсутствия необходимых военных и политических условий, и любой мятеж в этой ситуации был бы обречён, хотя, без сомнения, для этого и пришлось бы задействовать достаточно крупный вооружённый контингент.

Без сомнения, Российская империя вошла в войну в соответствии с волевым решением императора Павла I, причём данный шаг был продиктован назревшей необходимостью обеспечения безопасности Юга страны, о которой очень ярко и прямо написано в письме А.Б. Куракина вице-канцлеру Н.П. Панину: «Легко судить можете, сколь вообще сие событие всякое ожидание

наше превосходит и нам неприятно быть должно, а особливо по приобретении французами на Средиземном море Венецианских островов, где, без сомнения, постараются они возмутить греков и албанцев и рассадить зверские свои правила и в Турции, и если, к несчастью, в том преуспеют, и Порта, не усмотрев угрожаемую ей гибель, им в том не воспрепятствует, то можно легко заключить о пагубных следствиях по вреду и нашему делу из того произойти могущих» (цит. по: [Настенко, Яшнев 2005: 114–115]). Таким образом, император предпринимал весьма рациональные действия и выбор союзников, в том числе Турции, недавнего противника, отнюдь не был чем-то новым и непонятным в практике российской дипломатии и данный политический манёвр применялся российским политическим руководством и ранее.

Поддержка Австрии в вопросе войны с Францией также укладывается в традиционную схему внешней политики России. Присоединение же к союзу Турции и России Англии и Австрии выглядит вполне логичным действием. Российская империя, заявляя о своей бескорыстности, реально выступала в качестве арбитра и связующего звена всей коалиции, которая погрязла во взаимных упрёках, подозрениях и попытках решить свои частные интересы в ущерб общекоалиционным задачам. Неумолимая логика военно-политического развития ситуации подразумевала необходимость военного участия России, что, собственно, сознавалось ранее и императрицей Екатериной II. По сути, данное утверждение было очень хорошо выражено в союзном договоре с Англией: «наиболее действительным образом содействовать к остановке дальнейших успехов французского оружия, распространения правил безначалия и к заключению прочного мира, равно и восстановлению европейскаго равновесия» (цит. по: [Россия в коалиционных войнах 2019: 229]).

Обратимся теперь к военным аспектам участия России в новой европейской войне. Вторая антифранцузская коалиция в составе России, Англии, Австрии, Оттоманской империи и Неаполитанского королевства была грозной военной силой. Военно-морские силы коалиции превосходили флот

Франции, однако революционный флот, в союзе с флотами Батавской республики и Испании, создавал напряжение для британского флота. Потеря западных средиземноморских баз стала стратегическим поражением для Британии [Rodger 1964: 6]. Тем не менее помощь России и Турции позволила союзникам блокировать французский флот и нанести ему поражение, захватив гарнизоны Ионических островов и заблокировав армию Наполеона в Египте. С сухопутными силами ситуация была хуже. Неаполитанское королевство, обещавшее 60 тыс. человек, смогло собрать лишь 30–40 тыс. под командованием австрийского генерала Макка. Несмотря на первоначальные успехи, они были разбиты 15 000 солдат генерала Шампионнэ в декабре 1798 г., и к 23 декабря неаполитанская армия развалилась, а королевская чета бежала на Сицилию.

Основными ударными силами коалиции на сухопутном фронте вновь становилась австрийская армия, имевшая к началу боевых действий около 255 000 человек и 50 000 лошадей, из которых против Франции могло быть задействовано до 214 000 человек [Россия в коалиционных войнах 2019: 230]. Войска были полностью укомплектованы и отличались высокой дисциплиной и боевым духом. Даже Суворов, следя за кампаниями Перовой антифранцузской коалиции и критикуя австрийскую тактику и стратегию, по всей видимости, в боевых качествах императорских-королевских войск не сомневался [Россия в коалиционных войнах 2019 2019: 136]. В помощь союзникам Россия в общей сложности выставила 65 000 человек [Баиов 1910: 59]. Причём 34 000 человек должны были двинуться в Швейцарию и 31 000 в Северную Италию [Баиов 1910: 59]. Позже, в августе 1799 г. в России будет сформирован ещё и вспомогательный корпус для участия в англо-русском вторжении в Голландию численностью порядка 15 541 человек [Милютин 1853: 339].

Таким образом, общее число войск, отправленных Россией на войну в Европу, составило 82 000 человек. Кроме того, непосредственно на территории империи в готовности стояли части Ласси, Гудовича, Шюца — ещё 88 500

человек [Россия в коалиционных войнах 2019: 231]. Причём корпуса Шюца и Михельсона должны были оберегать российские пределы со стороны Бессарабии и Молдавии и в случае необходимости «идти на помощь Порте» [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 130].

Относительно британской армии следует отметить, что проигранные кампании 1793–1794 гг. и операции по захвату французских и испанских островов в Вест-Индии к концу 1795 г. практически уничтожили кадровые части армии, а большинство из 135 пехотных полков имели личный состав лишь на бумаге [Anonym 1861: 4]. К августу 1799 г., то есть к началу англо-русского вторжения в Голландию, английскому правительству с большим трудом удалось набрать, укомплектовать, кое как обучить и направить на континент 35 пехотных батальонов и 14 эскадронов численностью до 25 000 человек [Волков 2021б: 71]. В январе-феврале 1799 г. общая численность союзных войск, которые должны были участвовать в операциях на главных театрах военных действий, составила 320 000 человек в абсолютных числах, а в реальности, учитывая, что корпуса генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена, генерала от кавалерии Ф.М. Нумсена (оба корпуса были на стадии формирования) и принца Л.Ж. де Конде ещё находились в России, союзники могли рассчитывать на 275 000 человек [Шевяков 2002: 5].

Рассмотрим стратегическое развёртывание сил союзников. Оговоримся сразу: Голландии как обособленного театра военных действий на тот момент не существовало. Переговоры об открытии кампании между Англией и Россией начнутся только в мае, подготовка — в июне-августе, а сама операция — только в конце августа, поэтому на начало кампании 1799 г. данное направление учитывать не стоит. Из числа в 225 000 человек австрийское командование предназначило 86 000 человек для Северной Италии, 74 000 — для операций в Альпах и 95 000 — для действий в Германии [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 147].

Австрийцы концентрировали войска, исходя из предположения, что центральная позиция — Швейцария — не является подходящим театром

военных действий для крупных армий. Их стратегия заключалась в удержании линии обороны вдоль Дуная и в Швабии. Таким образом, австрийские войска должны были предотвратить прямой прорыв французских сил по кратчайшему пути к Вене, а в случае успеха перед ними открывалась возможность для удобного вторжения на территорию Франции [Голицын 1875: 203].

Именно поэтому эрцгерцог Карл считал Италию второстепенным участком фронта, в то время как Швабия виделась ему ключом всего европейского театра военных действий [Голицын 1875: 203]. Ведя там боевые действия, в том числе с осадой Гюннингена и Страсбурга, в то время как исход кампании в Италии решался бы, по мнению австрийцев, на реке По, союзники имели возможность в случае необходимости поддержать и свои войска в Италии [Голицын 1875: 203]. В целом же план войны выглядел как одновременное вторжение австрийских войск из Тироля при поддержке левого крыла армии эрцгерцога Карла, а центр и правый фланг вели бы операции в юго-западной Германии, одновременно прикрывая и наследственные владения от французов. Тогда же в наступление в Италии должна была перейти Неаполитанская армия [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 152 – 153]. Клаузевиц, ссылаясь на эрцгерцога Карла, указывает, что на начало войны австрийское командование ещё не выработало никакого окончательного плана кампании [Клаузевиц 1938: 33]. Он оценивает ситуацию на начало кампании как благоприятную для австрийцев, а их силы — «вполне достаточными для счастливой войны» при выполнении существенного условия — «применения с должным пониманием и энергией», то есть либо назначения единого командующего, либо наличием «общего энтузиазма, увлекающего всех вперёд» [Клаузевиц 1938: 13]. Однако ни того, ни другого у австрийцев не было. Относительно возможности ведения войны Австрией один из выдающихся военных теоретиков XIX века считал, что австрийцы собирались, производя в Германии и Тироле активную оборону, при благоприятном стечении обстоятельств, завоевать Швейцарию, а подлинно наступательные действия должны были произойти в Италии [Клаузевиц 1938: 34].

Пришли в движение и русские войска. В октябре 1798 г. в поход выступил предназначенный для действий в Северной Италии корпус генерала от инфантерии А.Г. Розенберга, к 8 (19) января 1799 г., достигший уже Дуная в районе Кремса и Санкт-Пёльтена. Кроме того, для действий в Южной Италии в помощь Неаполитанскому королевству был направлен корпус генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена (11 000 человек), а корпус генерал-лейтенанта князя Д.В. Голицына, заменённого потом генералом от кавалерии Ф.М. Нумсеном, предназначался для действий в Германии в поддержку Пруссии, так как предполагалось, что она войдёт в состав коалиции [Петрушевский 1884б: 5–6]. Однако в феврале 1799 г. австрийская сторона обратилась к императору с просьбой изменить место назначения войск и направить корпуса Розенберга и Германа также в Северную Италию [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 121]. Также австрийцы полагали, что корпус Нумсена, который планировалось увеличить до 45 000 человек, должен был выполнять функцию прикрытия тыла и флангов австрийских войск. Его задача заключалась в защите от германских государств, поддерживавших Францию, особенно Баварии и Вюртемберга [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 121–122]. Император согласился и, хотя такие просьбы противоречили заключённому договору, направил корпус Германа в Северную Италию, а корпус А.М. Римского-Корсакова, назначенного вместо Нумсена, — в Южную Германию [Петрушевский 1884б: 6].

Французская Директория, в свою очередь, также была убеждена в необходимости наступательной стратегии. Чтобы опередить сосредоточение австрийских войск, она запланировала главный удар на Граубюнден и Тироль [Голицын 1875: 201]. На Тироль должен был наступать А. Массена (30 000 человек), Ж-Б. Журдан с Верхнего Рейна (37 000 человек, по другим данным — 46 000 человек), следуя вдоль северного ската Альп, должен был содействовать Массена в Тироле. Группировке Б. Шерера (58 000 человек) предписывалось из Северной Италии левый фланг нацелить на Триент, а

центром действовать против австрийской армии на р. Адидже, частью войск проникая в долину верхней Адидже и Тоскану [Голицын 1875: 201]. Задача Ж-Б.Ж. Бернадота заключалась в блокировании Мангейма и Филипсбурга, и, обеспечив левый фланг Журдана, действовать на рр. Майн, Неккар и Энц, в то время как войскам Макдональда (34 000 человек) [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 169] предписывалось прикрывать неаполитанское направление, а Г. Брюну — Бельгию [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 202]. Присовокупим к названным силам в Италии 25 000 солдат, раскиданных по гарнизонам и порядка 26 000 человек войск вспомогательных пьемонтских, лигурийских и прочих итальянских контингентов, что даёт французам численность в Италии в целом около 117 000 человек [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 169]. Таким образом, на начало кампании французские войска на Апеннинском полуострове оказались рассредоточенными. Отметим, что, по всей видимости, австрийское командование никак не согласовывало план ведения боевых действий со своими русскими союзниками, или только в самых общих чертах, и о планах ведения войны в Петербурге узнавали из донесений русского посла графа Разумовского [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 153].

При этом Суворов настаивал на наступательных действиях всех союзных войск. Он считал, что Британии нужна агрессивная стратегия, а не оборонительная, хотя в десант англичан во Франции он и не верил [Суворов 1952: 587]. Для Австрии и России фельдмаршал предлагал собрать армию в 200 000 солдат под началом командующего, самостоятельного в своих действиях и обладающего всей полнотой власти, и в качестве стратегической цели кампании — наступление на Париж [Суворов 1952: 588]. Победа, по его мнению, достигалась посредством разгрома полевой армии противника, без отвлечения на осады и захват территорий [Суворов 1952: 588]. Суворов также полагал, что поражение Франции приведёт к падению революционных режимов в Нидерландах и Италии [Суворов 1952: 588]. Полководец главным

видел военный театр в Германии, что выдержано в рамках военной логики и стратегии, так как это наиболее короткий путь к Парижу.

Стратегия же Гофкригсрата, выраженная в плане, представленном Суворову в Вене, была чрезмерно осторожной и предусматривала лишь прикрытие австрийских владений, оттеснение противника к реке Адда и обеспечение левого фланга армии эрцгерцога Карла в Тироле [Петрушевский 1884б: 22–23]. Наступление на Париж в нём не рассматривалось. Кроме того, не был назначен единый главнокомандующий, поскольку благодаря интригам Гофкрисрата Суворов оказался подчинён ему присвоением фельдмаршальского чина австрийской армии и одновременным лишением административных функций [Окунь 1947: 57].

Также не было выработано единой стратегии действий союзных армий в Германии и Италии. Кроме того, план не учитывал взаимодействие с Британией, прежде всего в области проведения английским флотом диверсий и операций против французских войск в Италии, что позволило французам маневрировать резервами и сосредоточить войска на фланге североитальянской группировки союзников, результатом чего стала битва на реке Треббия. Преждевременное поражение Неаполитанской армии также сыграло против коалиции. В итоге союзные армии и державы вели независимые друг от друга войны, лишённые единой военно-политической стратегии. Даже победоносная Итальянская кампания Суворова не смогла поколебать эту систему. Её результаты — реальная возможность вторжения во Францию, которое, вероятно, привело бы к полному военному поражению Республики и позволило бы диктовать условия мира, — были сведены на нет австрийскими политическими интригами, которые не только вывели русские войска, но и отстранили лучшего полководца коалиции от перспективного направления.

Наконец, упорное нежелание Пруссии вступить в войну являлось, пожалуй, самой крупной политической неудачей, во многом предопределившей поражение коалиции. Они не только лишились как

минимум 100 000 солдат, но и Австрия, и Россия были вынуждены действовать против Франции с оглядкой на Пруссию. В результате 86 000 русских так и остались стоять развёрнутыми на западных границах Империи.

Участие России в итальянской кампании 1799 г. характеризовалось рядом важных особенностей. Во-первых, при сохранении оперативного командования за Суворовым, стратегическое планирование и политические цели оставались в руках Венского кабинета. Подобное разделение полномочий было непривычным для русского генералитета и существенно отличало этот опыт от предыдущих коалиционных войн.

Во-вторых, русского полководца, признанного мастера наступления, направили не на германский театр военных действий, а в Италию. Причиной тому является изменение стратегической ситуации к апрелю 1799 г. К тому времени французам была нанесена серия поражений в Германии и Италии, и наступательный план французской Директории провалился. Австрийцы, хоть и не без проблем, но в целом достаточно успешно отбили наступление противника, и теперь встал вопрос о переходе в контрнаступление. Именно по этой причине Гофкригсрату и понадобился Суворов, тем более что лучший полководец Австрии эрцгерцог Карл воевал на другом театре военных действий, а равного ему по способностям в австрийской армии не было [Клаузевиц 1938: 124].

В-третьих, принципиальным отличием новой коалиционной войны стало то обстоятельство, что впервые русская армия не имела самостоятельного театра боевых действий. Действительно, в Семилетнюю войну, равно как и во все русско-турецкие, русская армия воевала в относительной близости от собственных границ, практически без участия в важнейших сражениях иностранных контингентов. Исключением может служить разве что Кунерсдорфское сражение и последняя (в XVIII веке) русско-турецкая война (сражения при Фокшанах и Рымнике). То же самое будет наблюдаться и в Голландии, но с тем лишь отличием, что там русский корпус напрямую подчинялся английскому командующему, в Италии же

командующий был русский. Подобное положение армии, непривычное для русских, отсутствие привычной цели войны — приобретения новых территорий, разгрома «извечного врага», к числу которых французы не относились, — по-видимому, и породило в дальнейшем оценку конфликта, прежде всего в обществе, как войны «ненужной и странной».

Существенным вопросом, влиявшим как на межсоюзнические отношения, так и на боеспособность армии, являлось снабжение войск. Многочисленные проблемы в этой области имели место на всех театрах военных действий: в Италии, Швейцарии, Голландии. Особенно они проявили себя в Швейцарии и в Голландии, став одной из причин нараставшего недовольства союзников друг другом. Русское командование рассматривало статус своих войск как союзных, а не «подчинённых», что подразумевало равенство сторон в выполнении союзнических обязательств. Эта позиция была здравой и законной, однако она часто вызывала недоумение и раздражение у союзников как до, так и во время боевых действий. Примером может служить отказ австрийских интендантов снабжать корпус Розенберга, несмотря на договорные обязательства. Дело дошло до угроз роспуска войск и вмешательства императора, вставшего на сторону своего генерала [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 105].

Предстоящая коалиционная война явит ещё много примеров несогласованности действий между генералами и политиками коалиции. Вместе с этим, союзники — и австрийцы, и англичане — распоряжаться русскими войсками «по своему усмотрению» не могли, поскольку на все изменения в применении русских войск на театрах военных действий требовалось согласие императора Павла I.

Глава 2. Голландская экспедиция в стратегии войны Второй антифранцузской коалиции

2.1. Англо-русское вторжение в Голландию: стратегические мотивы, военно-политические цели, подготовка, планирование

Несмотря на отсутствие планов военной операции против Батавской республики в начале 1799 г., все участники конфликта понимали стратегическое значение этой территории.

Для Франции это был прежде всего удобный плацдарм для вторжения в Великобританию. Географическое положение Нидерландов позволяло республике «блокировать Англию от Балтийского моря до Гибралтарского пролива» [Сорель 1906: 199], что осознавали не только в Англии, но и во Франции, и в Австрии. Подтверждением тому служили активные политические переговоры между Австрией и Францией о принадлежности Бельгии и Голландии, проходившие в сентябре-октябре 1797 г.

Изначально оборонительная стратегия Королевского флота имела целью обезопасить юго-восточное побережье Великобритании и Лондон. Предполагалось, что главные силы противника будут наступать со стороны Бискайского залива или Атлантики, то есть из Испании и Франции, и флот должен был прикрывать Западный подход [Callister 2021].

Поэтому овладение Голландией позволило Франции «обойти левый фланг Британии» [Hanger 1975: 20]. Это было важно ещё и потому, что французские порты на Ла-Манше не располагали возможностью для размещения огромного флота транспортных судов, необходимых для переброски армии вторжения [Lipscombe 2015: 118]. Даже если бы флоту удалось выйти в море, ему предстоял сложный манёвр по сбору воедино разрозненных отрядов. В случае же поражения возвращение в порты было бы крайне затруднительным [Lipscombe 2015: 118]. В то же время устье реки Шельды с развёртыванием базы снабжения в Антверпене предоставляло

возможность как для размещения значительного по численности флота, так и его относительно безопасной подготовки к операции [Lipscombe 2015: 118].

Франция с 80-х гг. XVIII века рассматривала варианты вторжения в Англию из Голландии и стремилась подчинить себе голландский флот, как это было во время вторжения Дюмурье в Нидерланды в 1793 г. [Wheeler 1907: 3]. Неудача 1793 г. лишь отложила планы, активизированные в 1796 г. генералом Гошем и капитаном флота Мюскеном. Однако операция против Британии не удалась: целью стала Ирландия, а исходным портом — Брест [Lipscombe 2015: 116]. Этот провал не остановил Директорию, но Наполеон Бонапарт, назначенный командующим «Английской армией», счёл вторжение невозможным из-за слабости республиканского флота и предложил нападение на Египет. Несмотря на это, французские десанты в Ирландии (1796 г.) и Пемброкшире (1797 г.) показали уязвимость британского побережья, невзирая на превосходство королевского флота [Куницын 2020: 93], о чём в военных кругах стали говорить ещё в 1795 г.

Египетская экспедиция Наполеона принесла Англии временное облегчение, развеяв опасения повторного вторжения в Ирландию. Однако это мнимое спокойствие выявило гораздо более серьёзную проблему: Британия оказалась совершенно не готова к обороне собственных берегов и городов, не имея ни разработанных планов, ни достаточного количества войск [Wheeler 1907: 105].

К концу 1795 г. британская армия понесла тяжёлые потери: кампании 1793-1794 гг. в Голландии и операции по захвату французских и испанских островов в Вест-Индии практически уничтожили её кадровый состав. В январе 1798 г. списочная численность вооружённых сил Великобритании составляла без малого 227 540 человек, из которых регулярных войск числилось всего 31 284 человека [Wheeler 1907: 104]. Однако реальное положение дел свидетельствовало о том, что большинство из 135 пехотных полков существовали лишь номинально [Anonym 1861: 4], а численность всех

вооружённых сил, включая находящихся в колониях, едва превышала 200 000 [Wheeler 1907: 105].

Положение усугублялось и общим неустройством дел в Военном министерстве, возглавляемом Г. Дандасом. Ситуацию попытался исправить герцог Фредерик Йоркский, любимый сын короля Георга III, ставший с 3 апреля 1795 г. главнокомандующим британской армией. Он инициировал масштабные реформы, и к 1799 г. ему удалось устранить многие злоупотребления, пересмотреть систему подготовки войск, улучшить медицинское обслуживание, снабжение обмундированием и продовольствием [Макнаб 2011: 107]. Кроме того, была усовершенствована батальонная структура, созданы действующие роты для формирования и обучения пополнения, проведена стандартизация вооружения.

В начале 1799 г. премьер-министр Великобритании У. Питт Младший, преодолевая политическое сопротивление, добился принятия ряда решений, позволивших привлечь в армию добровольцев, в том числе из регулярного ополчения. Началом этого процесса послужило обращение короля Георга III к парламенту 11 января 1798 г., обозначившее всю тревожность сложившейся ситуации, в результате чего было принято решение об увеличении численности регулярных войск за счёт перехода в них 10 000 добровольцев из числа ополчения [Wheeler 1907: 106]. В дальнейшем было сформировано три армии общей численностью в 60 000 человек по штату для защиты Лондона под командованием лорда Корнуоллиса. Одновременно с этим составлялись планы обороны побережья, формировались добровольческие корпуса. На вооружение и содержание армии требовалось 2 500 000 фунтов, но в связи с тяжёлым финансовым положением государства, по крайней мере часть суммы было решено собрать за счёт добровольных пожертвований [Wheeler 1907: 117].

Реформируя, а вернее, фактически формируя армию заново, британское правительство пыталось растянуть и без того немногочисленные армейские кадры на создаваемые части, и в качестве подобной меры герцог Йоркский

расформировал 34 пехотных полка и попытался привлечь в армию солдат из регулярного ополчения, однако эти меры не принесли значительного успеха. В результате, несмотря на все усилия, численность отдельных полков оставалась крайне невысокой. Так, в 6-м королевском пехотном полку насчитывалось всего 120 человек [Anonym 1861: 3], а качество британской пехоты по-прежнему оставалось низким [Fortescue 1906: 641].

Д. Чандлер прямо пишет, что в плане боеготовности британская армия представляла собой жалкое зрелище [Чандлер 1999: 48]. Основные надежды Британия возлагала на задействование внешних факторов защиты: возникновение в самой Франции очередной «неразберихи» или создание новой коалиции с участием крупных и сильных в военном отношении стран — Пруссии и России [Wheeler 1907: 120–121].

Вместе с этим война между Англией и Францией, несмотря на заключённый в Европе мир, продолжалась. Исходя из имевшихся ресурсов и ситуации на континенте, а также в ответ на попытки высадки в Ирландии и Британии, английское правительство, по предложению Г. Дандаса, прибегло к стратегии амфибийной войны — рейдов на французское и голландское побережье с целью разрушения береговой инфраструктуры противника, что было единственным способом ведения войны в сложившихся условиях [Назаренко 2013а: 57].

В 1796 г. была предпринята операция против голландского флота на острове Тексель. 1 500 солдат 10-го и 87-го полков при поддержке боевых кораблей должны были атаковать и захватить береговые батареи, а корабли Дункана — войти в Тексель для атаки Батавского флота [Callister 2021]. Но подготовка похода была слабой: отсутствовала информация о противнике, детальный план атаки и эвакуации войск [Callister 2021]. Из-за плохой погоды поход, начавшийся 1 (12) октября, не состоялся.

В свою очередь для Франции Голландия и Австрийские Нидерланды составляли крайний левый фланг линии «естественных границ», причём фланг хорошо укреплённый, благодаря наличию там множества крепостей и

береговых укреплений. Голландия фланкировала территорию будущего Рейнского союза, одновременно создавая барьер между Пруссией и морским побережьем, как бы замыкая континент, что являлось предтечей знаменитой континентальной блокады, идею которой высказывал ещё Э.Ф. Сийес в 1795 г. [Сорель 1906: 255]. В итоге Франция отнимала у Британии всякую возможность военного и экономического присутствия на материке [Сорель 1906: 255].

15 (26) января 1795 г. на территории Голландии была провозглашена Батавская республика. Франция последовательно проводила политику по укреплению в ней как своих политических позиций, так и расширению возможностей получения материальных и финансовых ресурсов государства, и сдавать данную территорию без боя республиканцы не собирались [Сорель 1906: 241].

В январе 1798 г., при активной политической и военной поддержке Франции, к власти в Батавской республике пришли радикальные «патриоты». Они отстранили умеренно-консервативные силы, а уже 17 марта того же года страна получила новую конституцию, составленную по французскому образцу. Эта, в целом демократическая, конституция ликвидировала остатки феодализма. Однако новая власть фактически подчинила государство французской Директории. Это подтвердил договор от 12 апреля 1798 г., который окончательно закрепил проводившуюся французами систему реквизиций и контрибуций.

Причём все эти действия во внешнеполитических вопросах были направлены против Британии [Сорель 1906: 241]. На территории республики находились французские оккупационные войска во главе с генералом Г. Брюном, которые следили за лояльностью населения, готовые в случае необходимости к подавлению возможных возмущений.

Английская же дипломатия рассматривала Голландию в соединении с Бельгией «как преграду притязаниям Франции», о чём лорд Гренвилл писал английскому послу в Петербурге Ч. Уитворту в ноябре 1798 г. [Сорель 1906:

290–291]. При этом в начале 1799 г., несмотря на желание вернуть Голландию, вопрос о высадке английских войск на её территории по всей видимости не стоял. Страна стала разменной монетой в попытках Петербурга и Лондона вовлечь Прусское королевство в состав Второй антифранцузской коалиции, для чего прусские войска должны были вторгнуться в том числе и в Голландию. По мере успехов в образовании коалиции правительство У. Питта вновь вернулось к планам по захвату Голландии. Этому способствовала активная позиция Российской империи: ещё до подписания договора император Павел I отправляет к английским берегам три эскадры для помощи союзнику. 18 (29) декабря 1798 г. стороны заключили союзный договор. Согласно документу, Россия обязалась отправить в Германию и Италию 45 000 солдат, а Британия — ежемесячно выплачивать 75 000 фунтов в качестве субсидии, а также 225 000 фунтов на первоначальное снаряжение войск.

Первые планы относительно Голландии всерьёз стали рассматриваться британским внешнеполитическим ведомством в феврале-марте 1799 г., когда была получена информация о якобы готовящейся отправке голландских войск на кораблях с неизвестным местом назначения [Куницын 2020: 136]. При этом ключевой задачей британской дипломатии после освобождения Голландии стало восстановление власти изгнанного в 1795 г. штатгальтера принца Вильгельма V Оранского, что полностью совпадало со взглядами императора Павла I на цели коалиции.

Англичане отвергали любое сотрудничество с республиканским правительством Батавской республики, даже несмотря на то, что его умеренное крыло предлагало свою поддержку вторжению. Более того, освобождение Голландии должно было стать первым шагом к созданию объединённого государства Голландии с Австрийскими Нидерландами, под эгидой Оранской династии [Егоров 2017: 256]. Это, впрочем, на первых порах скрывалось от Австрии, поскольку Вена считала необходимым возвращение себе ранее утерянных бельгийских территорий. Без сомнения, одним из первостепенных вопросов успешной реализации этого плана являлось наличие

политической возможности объединения двух государств под властью Оранской династии.

Первые попытки формирования внутренней оппозиции оранжистов начались в 1797 г. при активном участии Пруссии через барона ван Хекерена ван Беверверда [Colenbrander 1908: 171–172]. Однако оранжистские настроения оказались незначительными даже среди сторонников монархии. Возможность объединения и юридические основания для реставрации Оранской династии обсуждались с 1795 г. Предлагались как умеренные (Г. Толлиус), так и консервативные (ван дер Спигель) решения. Перед англо-русским вторжением был разработан проект Г.К. ван Хогендорпа и, вероятно, он предназначался для обсуждения в случае успеха союзников [Colenbrander 1908: 193].

Вместе с этим планы англичан относительно Голландии не вызывали энтузиазма собственно среди самих голландцев и, прежде всего, в наиболее экономически активной её части, поскольку жителям Соединённых провинций дали ясно понять, что их прежние владения (Цейлон и Мыс Доброй Надежды) не будут им возвращены. Помимо этого, британцами предполагался и дальнейший пересмотр торговых привилегий. Возвращение прежней династии означало бы для голландцев ещё большую зависимость от Британии с меньшим объёмом прав, чем они имели даже при французском правлении. Всё это заставляло голландцев смотреть с опаской на предстоящее «освобождение». В целом, несмотря на экономический спад и недовольство в Батавской республике и Бельгии в 1799 г., оранжисты оказались слабой силой, неспособной ни вызвать народное возмущение, ни поддержать готовящееся вторжение [Colenbrander 1908 :174]. Британская разведка и дипломатия неверно оценили ситуацию. Великобритания активно собирала информацию в Голландии через семейство Бентинков, большинство информаторов из групп Яна Мунникса, полковника Шуттера, барона Фагеля, контролировались оранжистами, ставившими своей целью ликвидацию Батавской республики [Ball 2017: 11].

Донесения Бентинков о численности французских войск в 6 000 человек, а в Пруссии насчитали ещё меньше — 4 500 солдат [Ball 2017: 12], и уверения Фагеля о ненадёжности батавских войск, которые могут перейти на сторону принца Оранского, подтверждались и британскими агентами, качество работы которых вызывает сомнения. Кроме того, в характере лорда Гренвилля была способность слышать только то, что ему хотелось слышать, что очень быстро было понято теми же оранжистами, активно выступавшими за проведение операции.

Проект создания единого государства из Голландии и Австрийских Нидерландов поддерживался и в России. 3 октября 1798 г. Павел I писал графу Панину, посланному на переговоры с прусским двором, что «…Король Пруссии мог бы получить вступя в коалициею на щёт неприятеля или Республики Голландской: а так восстановление прежней формы Правления в сей последней может быть боле всего поощрить берлинский двор вступить в общее Дело» (цит. по: [РГАДА. Разряд XXX. Ф. 30. Оп. 1. Д. 176. Л. 40]).

В качестве цели союзной политики в отношении Голландии указывалось, что союзники должны будут, «…исторгнув Голландию из порабощения французского, восстановить в ней Прежнее правление Штатгальтера со всеми теми переменами, которые благомыслящими признаны будут нужными для предания сей Республике прочной и деятельной силы; распространить ея владения присоединением к ней Австрийских бывших Нидерландов, а сверх того учинить для прусской монархии новое приобретение на щёт общаго неприятеля достаточным кажутся убедить Его Прусское величество ко вступлению в коалицию» (цит. по: [РГАДА. Разряд XXX. Ф. 30. Оп. 1. Д. 176. Л. 43]).

Также королю обещалась, в случае начала им боевых действий, помощь со стороны России воинским контингентом в 45 000 человек, которые «туда обратятся, куда пользы общего дела нужно окажется» [РГАДА. Разряд XXX. Ф. 30. Оп. 1. Д. 176. Л. 45об.]. Кроме того, указанный корпус будет полностью содержаться за русский счёт, и от Пруссии понадобится только снабжение

войск продовольствием [РГАДА. Разряд XXX. Ф. 30. Оп. 1. Д. 176. Л. 47]. Таким образом, в Петербурге без сомнения считали, что Голландию нужно отбивать.

Создание единого государства было важно для Британии в том числе и потому, что Кампо-Формийский мир фактически уничтожил любые английские стратегические перспективы на континенте, так как они лишились баз, т. е. территорий, с которых британская армия могла вмешиваться в европейский конфликт. Всё западное побережье Европы, от Гибралтара до датской границы, за исключением Португалии, было оккупировано врагами или принадлежало нейтральным странам [Mackesy 1978: 18].

При этом нахождение британских войск в Европе имело стратегическое значение для Великобритании, поскольку обеспечивало поддержание выгодного для Британии баланса сил на континенте, укрепляло внутреннюю стабильность коалиции, и, наконец, служило наглядной демонстрацией военных усилий Англии в борьбе с республиканской Францией.

Согласие же императора Павла I отправить войска в Голландию следует рассматривать прежде всего в контексте развития стратегии коалиционной войны, причём явный интерес в захвате Голландии со стороны Англии тайной для Петербурга не являлся [РГАДА. Разряд XXX. Ф. 30. Оп. 1. Д. 178. Л. 40].

Переговоры проходили на фоне ухудшающихся отношений с Австрией, причём Великобритания, как казалось в Петербурге, по сути, подтверждала, в отличие от австрийцев, свою верность основополагающему принципу создания коалиции: «остановлению революционного безумия» в Европе и восстановлению европейского равновесия.

При этом Англия всячески демонстрировала решимость вести войну до конца даже в случае неудачи операции. Так, в случае поражения экспедиции лорд Гренвилл предлагал направить англо-русский десант в Брест в целях разрушения этого стратегически важного порта и поддержки французских роялистов во главе с Жоржем Кадудалем, ведущих борьбу в Шуане [Piechowiak 1962: 183].

С точки зрения коалиционной стратегии, вторжение в Голландию могло оказать существенное влияние на ход всей войны [Егоров 2017: 259], поскольку крупные силы союзников стали бы угрожать одному из наиболее важных государств-сателлитов Франции; оптимистично был настроен даже Суворов [Егоров 1996: 39].

В случае успеха это направление, вместе со Швейцарией, могло стать плацдармом для нового наступления на Францию, теперь уже с северо-запада [Шимонова 2011: 37], что, скорее всего, виделось в Петербурге важнейшим результатом операции. Например, Н.А. Саблуков позже в своих воспоминаниях прямо указывал, что русские войска отправлялись в Голландию для совместной с английской армией атаки на французов с севера [Егоров 2017: 259]. Наконец, в своём рескрипте командующему корпусом генералу Герману от 2 (15) июня 1799 г. император прямо указывает, что «Предмет сего вооружения есть завоевание Голландии, возмущение и покорение Нидерландов» [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 4], то есть речь идёт о двух странах, и под Нидерландами в данном случае понимается территория Австрийских Нидерландов (Бельгия). То же самое он пишет и рескрипте Суворову от 28 июля, указывая, что русские войска в союзе с англичанами должны будут «завладеть Голландиею, возсатновить в оной Шатагальтера и продолжить завоевания в Нидерландах» [Фукс 1826: 150].

Более того, рассматривались варианты совместного с русскими войсками в Швейцарии удара через Франш-Конте на Париж [Егоров 1998: 38], что фактически делало русские войска основной ударной силой коалиции, т.е. с военной точки зрения русская армия получала «свой фронт» — возможность ведения самостоятельной войны. Даже передислокация русских войск из Италии в Швейцарию укладывалась в эту концепцию: сосредоточение сил в данном регионе было необходимым условием для реализации дальнейших военных планов [Егоров 2017: 259–260]. Не стоит сбрасывать со счетов и тесные торгово-экономические отношения между Россией и Англией: и в данном случае операция, как часть внешнеполитического курса Российской

империи, зависела от состояния международной торговли [Назаренко, Смирнова 2014: 352–353].

Обратимся теперь к собственно военному планированию вторжения на территорию Батавской республики. По всей видимости, в основе английских оценок рисков и возможности осуществления операции, а также в выборе стратегии лежало убеждение, что голландское население в своей основе является союзником, симпатизирующим Дому Оранских и ожидающим освобождения от французского господства.

Принятию решения о проведении военной операции против Голландии способствовало сразу несколько обстоятельств.

Во-первых, в начале 1799 г. в Лондоне была получена информация о возможной французской военной экспедиции против Гамбурга, и император Павел I дал согласие отправить на защиту города в том числе и русский корпус. Хотя войска по разным причинам в поход не выступили, появилась принципиальная возможность к обсуждению увеличения числа войск, которые Россия может отправить против Франции.

Во-вторых, как уже указывалось выше, в феврале того же года британская разведка доложила о подозрительных приготовлениях голландских войск к возможной отправке 8000 десанта против, как считали в Англии, Ирландии [Егоров 2017: 136].

Всё это подтолкнуло британское правительство в марте 1799 г. прощупать позицию Петербурга относительно предоставления армейского корпуса численностью до 50 000 человек для вторжения в Голландию, что было положительно воспринято российским императором [Егоров 2017: 136]. Более конкретно вопрос об участии русских войск в предполагаемой экспедиции стал обсуждаться уже в мае 1799 г. одновременно с переговорами о формировании русского корпуса на английские субсидии для отправки в Швейцарию.

Указание британскому послу в России сэру Уитворту сделать предложение императору Павлу I относительно участия русских войск в

«избавлении Голландии» содержалось в письме лорда Гренвилля от 3 мая 1799 г. [ГММС. Ф. «Рукописи и документы». Л. 1об.]. В нём глава британской дипломатии выражает твёрдую уверенность в благополучном исходе операции, поскольку, как он сам пишет, значительные силы французов выведены из Голландии и Нидерландов [ГММС. Ф. «Рукописи и документы». Л. 1], а русский двор может «заупрямиться» только в связи со сложностями доставки русского корпуса к месту боёв [ГММС. Ф. «Рукописи и документы». Л. 1об.]. При этом численность экспедиционного корпуса обозначалась в 10–20 тыс. человек [ГММС. Ф. «Рукописи и документы». Л. 1об.]. Этим же письмом даже наперёд обсуждаются детали возможной совместной операции, в том числе то, что сборным пунктом русских войск может стать «по своему удобству» Ревель [ГММС. Ф. «Рукописи и документы. Л. 1об.], и посол извещался, что в Россию направляется группа военных, которые изложат план предстоящей операции [ГММС. Ф. «Рукописи и документы». Л. 2].

Действительно, в целях убедить императора присоединиться к вторжению, в Петербург были отправлены капитан первого ранга Х.Р. Попхэм от Королевского флота и генерал-майор Стэмфорд. Последний, помимо военной службы, был известен и в политических кругах, и его положительно характеризовали и посол России в Англии граф Воронцов, и граф Панин из Берлина [Материалы для жизнеописания 1891: 206].

При этом Стэмфорд официально ехал в Петербург не как эмиссар английского двора, а как представитель принца Оранского, что, по всей видимости, было нужно для того, чтобы в случае провала переговоров не пострадали не только русско-английские отношения (ведь формально инициатор переговоров — голландский Штатгальтер), но и, по возможности, англо-австрийские [Куницын 2020: 138]. В этой связи посол Уитворт имел строжайшие предписания сохранить переговоры в тайне от австрийского двора. Капитан Попхэм, участвовавший ранее в рейдах на французское побережье, слыл в военных кругах «оригинальным мыслителем» и должен был развеять сомнения императора в сложности переброски русских войск в

Голландию [Popham 1991: 66], а также побудить «Его Величества министров» искать в балтийских портах «средства к препровождению» направляемого Россией вспомогательного корпуса» [ГММС. Ф. «Рукописи и документы». Л. 2об.–4.]. Оба эмиссара везли в Россию и предварительный план военной операции, однако первоначальная идея, что операция будет проводиться только русскими войсками, была отвергнута в Петербурге с самого начала [Hüffer 1902: 168]. Согласие русского монарха на участие в походе было получено только после того, как было установлено, что русские войска будут играть роль вспомогательного союзного корпуса, и в операции в обязательном порядке должны принять участие британские войска в количестве от 8 000 до 13 000 человек [Hüffer 1905: 169].

В историографии, прежде всего зарубежной, как правило, рассматривается версия «плана Попхэма», которая отражает амфибийную часть операции — непосредственную высадку на берегах Голландии. Сам план можно разделить на две части: действия прусских войск против Голландии на сухопутном фронте и высадка десанта на побережье. Причём данный вариант действий был ранее согласован с военным министром Дандасом [Laws 1956: 576].

В случае, если Пруссия решит вступить в коалицию с присоединением к ней курфюрстов Ганноверского и Саксонского, а также ландграфа Гессен-Кассельского, то эти державы, совокупно выставив около 100 000 человек под командованием герцога Брауншвейгского, должны будут собраться у Миндена с общей дирекцией наступления на Голландию и Брабант [ГММС. Ф. «Рукописи и документы». Л. 7]. Промежуточной позицией являлась линия р. Иссель с дальнейшим захватом территории за Рейном и выходом в тыл Дюссельдорфу с выстраиванием линии коммуникации через Антверпен и Брюссель [ГММС. Ф. «Рукописи и документы». Л. 7–8об.]. Одновременно предполагалась и высадка 10 000 прусских солдат с целью захвата города Гронингена, известного своими роялистскими симпатиями [ГММС. Ф. «Рукописи и документы». Л. 7об.–8].

Далее главная прусская армия, соединившись с корпусом британской кавалерии дальше двигалась бы на Брабант. Кроме того, отдельная армия пруссаков должна была прикрыть линию Кассель — Фульда — Франкфурт — Вецлар, чтобы защитить специальным отрядом Майнц для воспрепятствования операциями противника против Трира, Люксембурга и Кобленца [ГММС. Ф. «Рукописи и документы». Л. 8]. Без сомнения, данный план должен был быть представлен Пруссии как некое согласованное двумя монархами мнение относительно способа и стратегии ведения войны.

Обсуждение различных вариантов вторжения с участием прусских войск продлилось до начала июня и окончилось неудачей, поскольку, с одной стороны, Британии и Пруссии так и не удалось договориться о сумме субсидий, а с другой стороны русский представитель резко возражал против передачи Пруссии крепостей Майнц и Эренбрейтштейн, которые русская армия, в случае вступления Пруссии в войну, должна была блокировать [Материалы для жизнеописания 1891: 11].

К тому же в июле 1799 г. отношения между английским посланником Т. Гренвиллем и прусским министром К. фон Гаугвицем совершенно расстроились из-за закулисных переговоров Пруссии и Франции относительно судьбы Голландии [Материалы для жизнеописания 1891: 368–369].

13 июня 1797 г. капитан Попхэм отправил первому лорду Адмиралтейства Джону Спенсеру письмо, в котором извещал, что русский император согласился предоставить семнадцать батальонов для участия в операции [Private Papers 1913: 138]. Однако выражало ли это согласие императора Павла I с каким-то предложенным планом, однозначно сказать сложно. В то же время Милютин указывает, что по состоянию на 11 июня 1799 г. план операции был «принят Петербургом» [Милютин 1852: 129, 132]. Правда, к сожалению, автором не приводятся подробности как содержания самого плана, так и времени его утверждения. По всей видимости, это был план, предложенный капитаном Попхэмом, однако мы не имеем данных об обсуждении «прусской» стороны плана. Первоначально его «десантная» часть

виделась, по всей видимости, как высадка союзных английских, русских и, возможно, шведских войск при вероятной поддержке со стороны прусской армии, причём одним из ключевых значений плана являлось «возмущение», то есть восстание голландского населения против французов [Laws 1956: 576].

В общем же операция выглядела относительно простой: захват союзными войсками островов Амеланд, Герее и Валхерен с обустройством там баз снабжения и сбора голландских оранжистов. Дальше предполагался захват города Брилле и местечка Хеллевутслёйс в Южной Голландии, поблизости от Роттердама. Значительная роль уделялась тем же оранжистам, которые совместно с голландской армией и флотом, также перешедшими на сторону «законной династии», должны были освободить страну от французов [Laws 1856: 576].

По своему стратегическому рисунку и военно-политическим задачам данный план, скорее всего, являлся попыткой повторения событий лета 1795 г., когда в бухте Киберон на западном побережье Бретани и у города и порта Сен-Мало на северном побережье этой французской области был высажен английский десант с отрядами эмигрантов для того, чтобы вызвать восстание местных жителей. Обратим внимание, что в планировании операций и в бухте Киберон, и в Голландии общим является создание баз и условий для формирования местных отрядов, захватываются острова, которые сложно, в свою очередь, атаковать без господства на море, и организуется наступательное движение вглубь территории противника. Причём основой наступления должно было являться восставшее население, а в случае с Голландией — армия и флот. Киберонская операция проводилась в поддержку роялистов (шуанов — А.В.) Вандеи и Бретани. Высадившиеся силы (около 6 000 человек) получили подкрепление в 17 000 шуанов. В Голландии подобного не было и в помине. Позже генерал Стэмфорд утверждал, что имел альтернативный план тому, который представил Попхэм русскому императору, но в конце концов генерал охарактеризовал план своего коллеги как «радикально хороший» [Weil 1923: 251]. Однако предложенный план, по

всей видимости, вызывал как минимум вопросы у русского морского командования, и, прежде всего, вице-президента Адмиралтейств-коллегии адмирала Г.Г. Кушелева, который, видимо, был недоволен британскими предложениями и, по мнению Попхэма, «всячески мешал» [Куницын 2019: 56].

Таким образом, согласие на участие в экспедиции не являлось автоматическим согласием с планом, который, если исходить из найденного В.Н. Шимоновой в высшей степени интересного документа «Рассуждение о завоевании Голландии, представленное на благорассмотрение г. Дундаса…», продолжался и после подписания конвенции. Отметим, что аналогичные действия по совершенствованию, а вернее, составлению какого-либо более-менее приемлемого плана происходили и в Великобритании, но, по меткому выражению английского историка Эндрю Лима: «Всё, о чём договорились англичане и русские, заключалось в том, что их объединённые силы высадятся где-то между реками Эмс и Шельдой» (цит. по: [Limm 2014: 108]). То же «Рассуждение …» в том числе рассматривает возможность вторжения в Голландию со стороны провинции Зеландия — юго-запад Нидерландов и Южная Голландия, в районе острова Валхерен [Шимонова 2011: 37]. Как и в «плане Попхэма», в «Рассуждении…» уделяется особое внимание «возмущению», т.е. восстанию голландцев против французов, как важному слагаемому успеха. Очевидная важность исполнения данного раздела плана осознавалась и русским двором.

В то же время военный министр Английского королевства Г. Дандас поручил разработку предстоящей операции в Голландии генерал-лейтенанту Р. Аберкромби, перед которым ставилась задача совместно с флотом захватить остров Валхерен с целью помочь возможному прусскому вторжению в Голландию [Dunfermline 1861: 144–145].

При этом единого решения относительно плана операции в Голландии принято так и не было. Представители Королевского флота предлагали захватить острова Валхерен, Горе и Амеланд с последующим наступлением на

Фрисландию, Оверэйссел и Ковордeн, но этот план был отвергнут из-за приближающегося конца сезона для десантных операций. Генерал Аберкромби настаивал на нанесении основного удара вдоль реки Маас с захватом острова Ворн, что позволило бы затруднить контратаки противника. Высадка в устье Мааса казалась логичной, но крепости Брилле и Хеллевутслёйс представляли собой серьезное препятствие. Одновременные атаки на Ворн и материк были сочтены слишком рискованными из-за уязвимости в случае неудачи. Питт предлагал высадку на Ворне и в лояльном к Оранскому дому Гронингене и даже предложил график операции. Однако Аберкромби настаивал на том, что эффективнее будет провести одну концентрированную атаку, тем более что продвижение в Голландию из Гронингена было бы возможным только в случае взятия крепости Ковордeн на реке Вехт. Это могло бы продлить кампанию до зимы, а Аберкромби слишком хорошо знал, что такое голландская зима. Также рассматривался вариант высадки в Схевенингене, но этот пляж был признан опасным и легко обороняемым. Несмотря на риски, связанные с мелководьем, овладение островом Ворн считалось жизненно необходимым для любой успешной экспедиции.

В итоге, по мнению Аберкромби, все варианты были слишком рискованными. Это было не то, что хотел услышать Питт. Осторожность Аберкромби заставила его заметить, что «есть люди, которым доставляет удовольствие выступать против любого предложения» (цит. по: [Dunfermline 1861: 144–145]).

В раздражении он упустил из виду тот простой момент, что Аберкромби смотрел на ситуацию с практической, военной точки зрения. После опыта, полученного во Фландрии и Вест-Индии, он, не лишенный политического чутья, не мог не заметить, что прежние ошибки вот-вот повторятся, причем худшая из них — отправка неадекватных сил в ожидании местного восстания, которое может так и не произойти. Кроме того, генерал решительно возражал против начала операции до прибытия хотя бы одной русской дивизии

[Fortescue 1906: 643]. Таким образом, по состоянию на 15 июля британское командование каким-либо внятным, не говоря уже о продуманном, планом кампании не обладало [Волков 2026а: 153]. Итогом англо-русских обсуждений стратегии вторжения стал план, изложенный в письме начальника русского корпуса генерал-лейтенанта Германа, адресованном командиру Первой дивизии генерал-майору Эссену, 22 июля отправившемуся на эскадре контр-адмирала Чичагова к берегам Голландии [Волков 2026а: 154].

Документ был написан в Ревеле и помечен датой 15 июля 1799 г. Прежде всего отметим, что излагаемый в письме план Герман характеризует как «Высочайше начертанный» [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 23. Ч. 3. Л. 23], т. е. составленный (или согласованный) самим императором Павлом I. Далее указывается, что «…начало Ваших действий будет на острове Амеланд, которого занятие облегчит Вам взятие островов Тесхеллинга, Влиланда и самого Текселя. Сей последний остров держит главный корабельный выход Сходер-зее, в котором плавает Голландский военный флот, который блокируется английским флотом адмирала Дункана» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 23. Ч. 3. Л. 23]). Примечательно, что после завоевания Текселя дивизия должна была овладеть мысом, лежащим напротив Текселя и называемым Гальдер «ибо без того победы не будет в руках» [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 23. Ч. 3. Л. 23об.].

В случае успеха захвата Западно-Фризских островов дальнейшие действия дивизии генерала Эссена должны быть связаны с действиями второй дивизии корпуса, при которой будет находиться сам командующий. Относительно плана для данной группировки русских сил Герман указывает, что дивизия будет следовать к острову Валхерену, а в случае успешного овладения им должна захватить остров Герей и «иными другими островами на устьях Мозели и Шельды» [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 23. Ч. 3. Л. 23об.].

Примечательно, что далее пояснялось: как только будет установлен контроль над устьями в них войдут водным путём голландские «сторонники Англии», чтобы «открыть путь на Роттердам» [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2.

Д. 23. Ч. 3. Л. 23об.].

Далее предполагалось, двигаясь через Делфт, Гаагу, Лейден, Харлем установить связь с дивизией Эссена; при этом в случае необходимости русские дивизии должны были объединиться. Другим вариантом действий могло быть движение дивизии Эссена с высадкой и занятием территории между городами Харлингеном и Доккюмом, с движением в сторону Гронингена и далее на Зволле и Утрехт [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 23. Ч. 3. Л. 24].

Таким образом, вся Северная Голландия переходила под контроль союзников. Однако генерал Аберкромби, признавая важность о. Валхерн, решительно настаивал против операции по его захвату, справедливо указывая, что эта операция имеет военно-политический смысл только в случае вступления в войну Пруссии и движения её войск через Рейн и Маас в Брабант [Fortescue 1906: 643]. Во всех остальных вариантах он не имел для Британии никакого значения и потребовал бы значительных сил сухопутных войск и флота для его защиты [Fortescue 1906: 643].

Примечательно, что в плане поднимается вопрос о необходимости экспедиционным войскам иметь достаточное количество кавалерии и лошадей для обозов. За это, в том числе, выступал и генерал Аберкромби. В записке абсолютно логично указано, что, чем дальше войска отходят от кораблей, тем острее становится проблема организации доставки припасов сухопутным путём, «особливо не имея в своём владению Сюдер-зее» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 23. Ч.3. Л. 24]).

Однако дальше генерал Герман пишет совершенно «потрясающие» вещи — данный план составлен исключительно для русских войск, ибо «как скоро я узнаю от английского правления, какие именно войска с Вами отделяются, и кто им начальник, я поспешу Вам дать нужные и потребные наставления…» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 23. Ч. 3. Л. 24об/]). Ещё ранее генерал выражает надежду, что всё-таки какие-то корпуса из Англии и Швеции прибудут, хотя бы для того, чтобы русские части не дробились для гарнизонной службы.

Комментируя данный документ, отметим, что в качестве исходных точек наступления указаны Западно-Фризские острова, равно как и остров Валхерен; причём, захватив эти острова, войска начинают движение вглубь территории, заходя в Северную Голландию с двух сторон на достаточно обширном фронте протяжённостью около 280 километров (по прямой от Валхерена до Гронингена).

Во-первых, такое движение потребовало бы чёткой координации действий двух группировок войск, что при существовавших в тот момент способах связи невозможно было сделать оперативно.

Во-вторых, войска корпуса распылялись, и вместо концентрирования их на одном, самом важном направлении, дивизии вынуждены были действовать самостоятельно на удалённых участках. Образовывалось сразу два стратегических направления, практически никак не связанных друг с другом.

В-третьих, в рассмотренном плане неясен способ организации снабжения войск и поддержки их кавалерией, ведь русские войска идут в Голландию фактически без обозов и едва ли с одним обеспеченным лошадьми конным полуэскадроном.

В-четвёртых, лояльность местного населения выведена лишь в качестве пожелания и предположения, а не неоспоримого факта.

В-пятых, неизвестно, сколько, какие и когда союзные войска будут поддерживать продвижение русских дивизий. И если вопрос взаимодействия с ними можно решить на месте, то понимание того, какое количество войск всего будет на направлении, должно было быть у командиров заранее.

В-шестых, в плане нет ни слова, к примеру, о тех крепостях, которые пришлось бы штурмовать русским войскам. Вполне возможно, что русская сторона о степени укреплённости и опасности вышеуказанных пунктов была просто не осведомлена. Думается, что русские войска с полевыми пушками, вместо осадной артиллерии, выглядели бы беспомощными перед голландскими крепостями, защищаемыми сильными и стойкими гарнизонами.

Обратим внимание ещё и на то обстоятельство, что в «русском» плане

упоминается полуостров Гальдер и важность его захвата для достижения победы. В английских планах Гальдер станет фигурировать только после совещания у Дандаса 6 августа 1799 г., когда представитель Королевского флота капитан Флинн сумел убедить военного министра, что операция на островах Ворн и Герее будет трудоёмкой. В качестве альтернативы на совещании впервые был предложен полуостров Гальдер как лучшее место для высадки союзного контингента [Limm 2014: 111].

Кроме того, ещё в июне 1799 г. генерал Аберкромби выяснил, что предложенные капитаном Попхэмом места высадки, обсуждаемые в тот момент в Петербурге, не могут быть подходящими. О чём полковник Д. Хоуп, служивший долгое время в Голландии и участвовавший в кампании 1793–1794 гг., написал лорду Гренвиллю, по всей видимости, ещё в конце мая или начале июня. Но его обращение было проигнорировано [Limm 2014: 110].

Британское военное и политическое руководство к 15 июля 1799 г. так и не определилось, где будет высадка и, собственно, что после неё делать. Таким образом, планирование операции было полностью провалено. Забегая вперёд скажем, что окончательное местом высадки генерал Аберкромби выберет только 14 августа, когда силы вторжения будут уже в море [Dunfermline 1861: 144–163].

Фактически «Высочайше начертанный план» был в руках русских генералов простой бумагой, не имевшей к реальности никакого отношения. Желание осуществить экспедицию толкнуло внешнеполитическое ведомство Британии на обман своего союзника — русского императора. Вряд ли этот упрёк можно адресовать британским военным: генерал Аберкромби в переписке с Павлом I не состоял. Так что тень подозрения ложится на лорда Гренвилля, а возможно, и самого У. Питта. Именно политическое ведомство вело переписку с русским двором, и в рассматриваемом плане усилия как минимум одной дивизии русских войск сосредоточены на северной Голландии, то есть там, где этого хотел именно премьер-министр Великобритании. Косвенным доказательством этого является и письмо посла

Уитворта лорду Гренвиллю об отплытии второй русской дивизии в Голландию, в котором он пишет, что эти войска можно использовать против островов Тексель и Амеланд [ГММС. Ф. «Рукописи и документы». Л. 7об., 37]. Последний как раз являлся удобным плацдармом для атаки на Гронинген.

Несмотря на это, британское политическое руководство, по-видимому, сознательно создавало иллюзию «совместной разработки операции» только с одной задачей — император не должен был терять интерес к операции.

Таким образом, степень участия России в планировании операции, по всей видимости, была минимальной. Историк Милютин, спустя пятьдесят лет после описываемых событий, будучи военным профессионалом, не мог поверить в отсутствие у британской стороны внятной стратегии и разработанного плана операции. Действия союзников он объяснял то необходимостью сохранения тайны, то тем обстоятельством, что высадка войск у Гальдера выводила на наиболее короткую дорогу по направлению к Амстердаму, центру Голландии, недоумевая при этом, как такой серьёзный вопрос могли решать только два человека — генерал Аберкромби и адмирал Митчелл [Милютин 1853: 14].

Вместе с этим, высадка союзников на побережье с общей директивой движения на Гронинген, при всей её технической сложности, давала союзникам некоторые шансы на успех в Северных провинциях [Colenbrander 1908: 201]. Но даже в этой ситуации французы успевали занять сильные позиции на Эйсселе, продолжая удерживать удобный для операций центр страны, используя как её ресурсы, так и сохраняя устойчивую коммуникацию с Францией через Бельгию.

Действительно, силы французской и Батавской армий были ограничены. Генерал Г. Брюн, принявший командование вооружёнными силами в Голландии, рапортовал, что в июле в его распоряжении, как уже выше указывалось, было всего 15 000 французских солдат, часть из которых была задействована на охране побережья, а армия Батавской республики в то же время насчитывала едва 26 000 человек вместо положенных 33 000

[Colenbrander 1908: 196–197]. Но эти значения существенно превосходили те, что давала разведка.

В то же время планы союзников высадиться на территории Батавской республики не явились тайной ни для французского командующего генерала Брюна, ни для Батавской директории. В силу многочисленных внутренних проблем мероприятия по защите страны Директорией не только не производились должным образом, но даже набор пополнения для регулярной армии и формирование ополчения начались с немалым запозданием и в большой спешке, в основном благодаря энергии французского генерала Брюна [Милютин 1853: 11].

Кроме того, существенно осложняла ситуацию и взаимная неприязнь, которая имела место между генералом Брюном и генералом Данделсом, возглавлявшим армию Батавской республики. Оба начальника были храбры и решительны, но не блистали воинскими талантами, да к тому же испытывали недоверие друг к другу. А со стороны Данделса присутствовала ещё и обида за «несправедливое», по его мнению, подчинение французу [Милютин 1853: 10].

В историографии оценки численности франко-батавских войск разнятся. Милютин упоминает 14 000 французов и 20 000 батавов [Милютин 1853: 11]. Голландский историк ван Эйтховен оценивает общую численность армии Батавской республики в 25 000 человек [Van Uythoven 2018: 37], но для полевых сражений доступно лишь 13 000 [Ball 2017: 38]. Перед вторжением планировалось увеличить регулярную армию на 20 000 человек и создать Национальную гвардию в 32 000 [Ball 2017: 38]. Основой вооружённых сил Батавской республики стала бывшая оранжистская армия, из которой были удалены офицеры-роялисты. До 60% личного состава составляли иностранные наёмники и военнопленные. Существовали и чисто иностранные соединения, такие как полк Саксен-Гота и полки Вальдека, но они были малочисленны [Van Uythoven 2018: 42].

Боеспособность этих войск была неоднозначной и колебалась от

выдающейся стойкости до паники при малейшем слухе о враге. Наиболее подготовленными оказались стрелки егерских батальонов, наносившие значительные потери союзникам. Формировавшиеся во время кампании подразделения, такие как Батавский легион, состоявшие в основном из голландцев, были неустойчивы и имели высокий процент дезертиров.

При этом какого-то действенного плана обороны страны у генерала Брюна, видимо, не было. Исходя из опыта прошлых конфликтов, он предполагал, что вторжение начнётся в районе рек Шельды, Рейна и Мааса, где для обороны побережья была создана флотилия канонерских лодок. Однако, так и не сумев предугадать место высадки, командующий предпочёл рассредоточить войска, стремясь более или менее равномерно прикрыть территорию республики. Французские части занимали юго-запад страны в Зеландии и Брабанте; батавская дивизия генерала Дандельса (10 500 человек, 14 батальонов и 10 эскадронов) прикрывала собственно Голландию, а 6 000 человек генерала Дюмонсо (8 батальонов и 6 эскадронов) располагались на северо-востоке, наблюдая Фрисландию, Гронинген, Дренте и Оверэйссе [Милютин 1853: 12].

Прочие войска несли гарнизонную службу. Кроме того, части батавской дивизии Дюмонсо прикрывали ещё и сухопутную границу с Пруссией, в том числе и против поползновений принца Оранского, пытавшегося собрать в Лингене своих сторонников [Милютин 1853: 12].

При этом подготовка экспедиции имела многочисленные организационные проблемы, ответственность за которые полностью лежит на британском руководстве. Прежде всего это касается транспортной логистики. Для обеспечения переброски одного солдата из Англии в Западную Европу в конце XVIII века требовалось порядка 1% тонны корабельного тоннажа. Для армии же можно было первоначально задействовать только корабли общим водоизмещением 40 000 тонн [Mackesy 1978: 20].

В данном случае речь идёт только о транспортных кораблях, без учёта судов снабжения и госпитальных кораблей. Проблемой оказалась переброска

в нужном количестве транспортных средств для организации сухопутных коммуникаций, которые по мере наступления войск вглубь территории Голландии только увеличивались. В результате наземная британская транспортная система получила дополнительную нагрузку, с которой она в конечном итоге не справилась.

Для армии в Голландии, численностью почти в пятьдесят тысяч человек, было передано всего 200 провиантских и фуражирских фур, 20 госпитальных повозок и 10 кузнечных телег [Fortescue 1906: 667]. При этом на начало кампании половина этого парка ещё оставалась в Англии и, вполне возможно, ещё не была изготовлена [Fortescue 1906: 667].

Отдельной проблемой стала доставка на материк кавалерии, для которой подходили только однопалубные суда со специальной вентиляцией, перевозившие уголь в Северном море. При этом для отправки одного полка необходимо было 20 000 тонн тоннажа, причём каждая четвёртая лошадь погибала в пути, а выжившие долгое время были неспособны к активному использованию. В то же время генерал Аберкромби требовал увеличения числа кавалерийских частей и их силы, что отвечало потребностям армии в ведении разведки и охране коммуникаций. Однако наблюдалась нехватка самих кораблей. Имевшиеся в распоряжении флота транспортные суда были ограничены, а переоборудование военных судов «по транспортному» не могло решить всех проблем. По этой причине даже пришлось задействовать русские корабли для переброски части экспедиционного корпуса генерала Германа, что противоречило первоначальным договорённостям между странами. Поэтому к проведению операции привлекались нанятые Транспортной инспекцией по поручению английского правительства торговые суда.

Кроме того, период весна — лето, сезон амфибийных операций, одновременно с этим являлся и торговым сезоном, в результате чего значительная часть торгового флота была недосягаема для военных нужд. Давала о себе знать и проблема комплектования экипажей не только торговых, но и военных кораблей. Доходило до проведения специальных рейдов, в ходе

которых в приморских городах хватали буквально всех, имевших хоть какое-то отношение к флоту.

Значительно больше времени, чем рассчитывали политики, потребовал и собственно сбор британских сил экспедиционного корпуса, который в итоге оказался совершенно несбалансированным. К 18 августа 1799 г., помимо 12 000 солдат регулярных войск, которые должны были высадиться первыми под командованием генерала Аберкромби, было сформировано ещё пять пехотных бригад общей численностью 12 734 человека.

Вместе с этим английский корпус, создаваемый в спешке, включал в себя части сильно разнящиеся по боевой подготовке. Так, британская гвардия соседствовала с соединениями, практически полностью составленными из новобранцев, как, например, бригада генерал-майора Маннерса (9-й и 56-й пехотные полки). Даже менее разбавленные ополченцами полки линейной пехоты, такие как 23-й пехотный, существенно понизили свои боевые возможности [Волков 2021б: 71].

Объединённые в бригады, полки успели пройти минимальное необходимое обучение. Английский историк Ф. Болл делает неутешительный вывод: «В целом, будет справедливо отметить, что Британская армия, посланная к Гельдеру, не справилась с той трудной задачей, для которой она была назначена, но войска продемонстрировали свой потенциал» (цит. по: [Ball 2017: 33]).

По существу, участие России в Голландской экспедиции было связано как с изменением стратегической ситуации на основных театрах военных действий, так и с логикой развития коалиционной войны. В результате Голландия приобрела статус самостоятельного участка европейского фронта, имевшего целью, в случае успеха, создание для русской армии перспективного стратегического плацдарма для победоносного завершения конфликта.

Главный же вывод из британских усилий по подготовке экспедиции можно сформулировать так: политические и стратегические цели и желания должны быть соразмерны логистическим и техническим возможностям. При

этом операция проводилась слишком поздно — сезон устойчивой погоды для проведения амфибийных операций заканчивался. Эта задержка была обусловлена проблемами в подготовке и переброске союзных войск к месту высадки и создания материальных условий для выстраивания коммуникационных линий экспедиции.

Авантюризм британского политического истеблишмента прослеживался во всех аспектах подготовки подхода: от планирования до организации и снабжения войск, что стало первой и одной из самых важных причин поражения экспедиции.

В контексте планирования операции уровень межсоюзнического взаимодействия характеризовался практически полным его отсутствием. Более того, двусмысленная позиция английского политического руководства в данном вопросе привела к прямому обману союзников. И следует признать, что основной целью такого подхода было обеспечение обязательного участия российских войск в экспедиции.

Собственно, подобное поведение английской стороны нарушало один из важнейших принципов построения коалиционной стратегии — совместное участие сторон в планировании операций, что являлось важнейшим условием успешности совместных действий, так как закладывало фундамент военно-политического взаимодействия на уровне командующих армиями, направленного на достижение общей цели.

Однако в данном случае британские политики достаточно ловко создали иллюзию вовлечённости в процесс планирования кампании, что на данном этапе позволило избежать межсоюзнических разногласий, правда, ценой коварства в отношении союзника.

2.2. Русский экспедиционный корпус. Формирование, состав, статус

Согласно Конвенции, заключённой 11 (22) июня 1799 г., Российская империя должна была выставить для участия в экспедиции воинский контингент численностью 17 593 человека (17 батальонов пехоты, 2 роты

артиллерии, роту пионеров (сапёров), эскадрон гусар) [Собрание трактатов 1892: 431].

Перевозка войск в Голландию осуществлялась, согласно Конвенции, на британских или нанятых для этого британцами судах и за британский счёт [Собрание трактатов 1892: 432].

Также за свой собственный счёт британцы должны были поставить в русский корпус необходимое количество лошадей как для артиллерии и обозов, так и для офицеров. Если по окончании экспедиции русские войска не смогут быть доставлены на родину, то Британия обязана будет принять их на своей территории, предоставив до открытия навигации удобные места для размещения и полное снабжение [Собрание трактатов 1892: 435]. Конвенция предусматривала субсидии на подготовку и перевозку русского корпуса, но их оказалось недостаточно, и русской казне пришлось нести дополнительные убытки, направленные на финансирование экспедиции [Егоров 1996: 38].

Взаимоотношения союзных командующих регулировались трактатами от 18 февраля 1795 г. и 14 июня 1792 г. [Собрание трактатов 1892: 436]. Согласно статье IX трактата 1795 г., русская сторона самостоятельно назначала начальника корпуса [Собрание трактатов 1892: 375]. Общее руководство осуществлял представитель Великобритании («просящей стороны»), однако важные решения требовали согласования в общем военном совете с участием русского начальника [Собрание трактатов 1892: 375]. Это условие оказалось важным, так как русская сторона была недовольна выбором командующего экспедицией — Фредерика, герцога Йоркского и Олбани. Он был несдержан, обладал вздорным характером и прославился более своими амурными похождениями и мотовством, нежели воинскими дарованиями, имел в активе уже одну проигранную кампанию в Голландии, хотя и был лично храбр [Егоров 1996: 37]. Несмотря на организаторские способности, военные таланты у командующего экспедиции отсутствовали. Британские историки, например, Ф. Балл, считают, что герцога Йоркского назначили командующим, поскольку он был единственным принцем крови, приемлемым для русских [Ball 2017: 28].

Однако это не так. Император Павел I, узнав о кандидатуре, выразил беспокойство по поводу герцога, вспоминая его неудачные экспедиции, и ещё в июне просил выбрать другого [Собрание трактатов 1892: 429]. В итоге в помощь герцогу был предусмотрен Военный совет. Русский командующий имел право голоса и участвовал в обсуждении, но окончательное решение оставалось за герцогом Йоркским как старшим начальником.

Статья XI Договора предоставляла российским вспомогательным войскам особый статус, который включал право на наличие собственных священников и проведение богослужений, несение службы в строгом соответствии с российскими воинскими уставами, а также гарантию того, что военнослужащие будут подвергаться суду только по нормам российского военного права, и беспрепятственное «сношение с их отечеством через письма или нарочных» [Собрание трактатов 1892: 375].

Статья XII также предусматривала равенство союзных контингентов во всех трудах, походах и действиях; при этом главнокомандующий должен был наблюдать точную соразмерность, смотря по силе всего флота и армии [Собрание трактатов 1892: 376]. Согласно статье XVIII, на Великобританию, как на просящую сторону, налагалось обязательство не заключать мир или перемирие с общим противником без включения в договор условий, защищающих интересы стороны, оказавшей помощь. Цель этого положения заключалась в том, чтобы гарантировать, что помогающая сторона не понесет никаких потерь или преследований за свою солидарность с союзником [Собрание трактатов 1892: 378]. Обратим внимание, что решение об отправке войск было принято 11 (22) июня, а уже 1 (12) августа первая дивизия выступила в поход. Организация переброски корпуса значительной численности на столь отдаленное расстояние потребовала комплексного задействования тыловых и административных структур как армии, так и флота, а также выделения дополнительных денежных средств для финансирования данной кампании.

В соответствии с условиями подписанной Конвенции, Англия обязалась

предоставить России финансовую помощь в размере 88 тысяч фунтов стерлингов, предназначенную для покрытия первоочередных нужд по организации экспедиции, разделённые на два транша, и по 44 тыс. фунтов стерлингов ежемесячно с момента готовности корпуса [Собрание трактатов 1892: 432–433].

Причём в случае отсутствия денег Россия имела право отозвать свои войска [Собрание трактатов 1892: 432]. Во время экспедиции или нахождения на территории Англии продовольствие и прочие припасы поставлялись в русские войска за счёт Англии с вычетом данных сумм из субсидий, причём покупка припасов должна была производиться по цене, которая существовала для британских войск [Собрание трактатов 1892: 434]. Кроме того, России пришлось по просьбе британской стороны выделить для перевозки российских войск 6 линейных кораблей, 5 фрегатов и 2 транспортных судна с переоборудованием их «по транспортному», за что Англией была выплачена субсидия в размере 58 927 фунтов 10 шиллингов [Собрание трактатов 1892: 437], а по истечении трёх месяцев предполагалось выделение дальнейших английских субсидий в размере 19 642 ½ фунта в месяц [Собрание трактатов 1892: 438]. Кроме того, на содержание, равное с английским, принимались и экипажи кораблей.

Финансирование похода с русской стороны осуществлялось Комиссариатским и Провиантским департаментами без учёта расхода средств по линии Адмиралтейств-коллегии. При этом расход средств видится весьма существенным. Только содержание корпуса в год составило 607 242 руб. [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 252]. Дополнительно выделялось 100 000 червонных на непредвиденные расходы [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 254об.], что привело к открытию счетов в Гамбурге на более чем 112 000 руб. и 107 707 гамбургских марок на «нечаянные расходы» [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12 Л. 254об.]. Основные траты шли на продовольствие, нормы снабжения которого были решены оперативно. 19 июня (1июля) 1799 г. императорским указом было установлено снабжение войск по «морским» нормам. Адмиралтейской

коллегии поручалось обеспечить войска продовольствием на три месяца, закупив недостающее [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 252об.].

Также предписывалось нанять транспортные суда. Морское ведомство сообщило о достаточном наличии «морских провизий», кроме мяса, уксуса и сухарей, которых недоставало: мяса — 12 706 фунтов, уксуса — 2 256 вёдер и сухарей — 12 026 фунтов [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 49]. Всего необходимо было, помимо означенного, докупить крупы и прочих продуктов в общей сложности на 149 782 руб. 32 коп. [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 252об.], и данная сумма была Адмиралтейской коллегии отпущена 27 июня 1799 г. [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 253].

Нижние чины корпуса были переведены на «морское» содержание приказом от 8 (19) июля 1799 г. [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 3об.], а офицерам, согласно чину, часть порционов была выдана деньгами вперёд из расчёта на два месяца, в том числе исчисляя порцион ценою в 4 руб. 3 коп. [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 3об.]. При этом приказ от 10 (21) июля предусматривал, чтобы данные деньги были выданы из артельных сумм ассигнациями с возможностью обменять их в России на серебро и золото «по курсу», так как за границей ассигнации «не могут быть действительны» [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 7].

Конечно, не обходилось без недопонимания между ведомствами, в основном это было связано с запаздыванием получения распоряжений на передачу какого-то количества продовольствия или имущества. Другой проблемой являлась доставка провианта в Ревель. В отечественной историографии часто приводится жалоба генерал-лейтенанта Германа в адрес вице-президента Военной коллегии генерал-аншефа графа И.Ф. Ламба от 28 июля (8 августа), что корпусу не доставлено необходимое продовольствие [Егоров 1996: 38], характеризуя тем самым недостаточную подготовку экспедиции. Однако данное продовольствие было доставлено через три дня, поскольку корабли — 14 транспортных галеотов, перевозивших припасы, — задержались из-за шторма [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 160]. Кстати, уже в

июле, когда русские войска грузились на британские корабли и начали получать английское продовольствие, возникла проблема, связанная с качеством английской провизии, поскольку британские белые сухари быстро плесневели и имели непривычный для русского солдата вкус [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 12]. Отметим, что согласно конвенции за довольствие войск на английских кораблях и поставку продовольствия в зоне боевых действий отвечала британская сторона исходя из норм, отпущенных для военнослужащих британской армии и флота.

В то же время, оценивая в целом усилия русских провиантских ведомств и тыловых служб в формировании запаса провизии для войск, можно констатировать, что оно производилось достаточно оперативно, и даже то, что не было доставлено вовремя, отправлялось затем морем в Голландию. Потребности корпуса на один месяц рассчитывались исходя из того, что войскам потребуется: муки на 17 200 человек — 31 175 пудов, сухарей — 22 575 пудов, крупы — 403 четверти, вина — 5 375 вёдер, кроме того, мяса (говядины) — 6 450 пудов [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 138]. Где было возможно, мясо заменялось рыбой, из-за чего имелась экономия средств. Кроме того, предполагалось запасти строевым лошадям овса 400 четвертей, артиллерийским и подъёмным лошадям — 3 144 четверти и сена 3 160 пудов [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 138]. Всего в целях обеспечения корпуса продовольствием было отправлено в Ревель две большие транспортные экспедиции, доставившие провианта на 243 188 руб. 98 коп., в том числе по Морскому провиантведомству на 226 300 руб. 73 коп. и по сухопутному — на 16 888 руб. 25 коп. [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 254об.].

При этом часть российского продовольствия была погружена и на английские корабли, которые везли вторую дивизию генерал-лейтенанта Жеребцова. В том числе войска взяли с собой крупы — 10 745 четвертей, мяса солёного — 5 713 пудов 20 фунтов, масла коровьего — 1 890 пудов 31 фунт, сухарей ржаных — 8 892 пудов, солоду ячменного — 94 четверти, гороху — 3

295 пудов 4 фунта, уксусу пивного — 551 ведро [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 244об.].

Кроме того, были обновлены все провиантские запасы Ревельских и прочих магазинов, а также складированы (но не погружены на корабли или не отправлены к корпусу, хотя и прибыли на место) ещё солонины — 1 108 пудов, масла коровьего — 2 049 пудов, сухарей ржаных — 8 016 пудов, солоду ячменного — 492 четверти, гороху — 2 218 пудов, уксуса — 1 012 ведер и 2 кружки, соли — 411 пудов 26 фунтов [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 245].

Оценивая ситуацию со сбором войск для отправки в Голландию следует обратить внимание, что концентрация названных сил у выбранного для посадки на суда порта потребовала бы значительного времени, так как войска были уже развёрнуты на границах, а в районе сосредоточения находился только небольшой отряд генерал-майора Эссена, имевший задачу охрану и оборону балтийского побережья от возможного десанта противника [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 23. Ч. 3. Л. 21].

Собственно, практически все части были взяты из корпуса генерала Бенкендорфа. Так, егерский полк Сутгофа, гренадерские батальоны Осипова и Тимофеева состояли в авангарде генерал-лейтенанта Тормасова, гренадерский полк Бенкендорфа — в 1-й линии, мушкетерские Ферзена, Арбенева, гренадерский батальон Штрика и артиллерийские роты батальона генерал-майора Капцевича — из 2-й линии [РГВИА. Ф.26. Оп 1/152. Д. 45. Л. 437]. Из корпуса Ласси был направлен гренадерский полк Жеребцова [РГВИА. Ф. 26. Оп 1/152. Д. 45. Л. 435–436].

Назначение генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена на должность командира корпуса оказалось несколько осложненным. Он уже командовал войсками, готовящимися к отправке в Европу и расположенными в районе Каменец-Подольска. Приказ о новом назначении застал его в тот момент, когда его подразделения уже находились в движении [Михайловский-Данилевский, Милютин 1852: 126]. Это потребовало времени для прибытия нового начальника к месту формирования корпуса и для налаживания работы

штаба. Процесс формирования корпуса был многоэтапным. По состоянию на 4 (15) июня 1799 г. в него входили гренадерские полки Жеребцова, Бенкендорфа, мушкетерские полки Седморацкого, Арбенева, Ферзена, гренадерские батальоны Огарёва, Эриксона, Тимофеева, Осипова, Штрика, егерский полк Сутгофа и артиллерийские команды при пехотных частях. Общая численность личного состава по штату составляла 13 363 человека, при фактическом наличии 13 690 человек [РГВИА. Ф. 29. Оп.153б. Св.2. Д. 23. Ч. 3. Л. 5].

8 (19) июня, в корпусе уже числились 17 батальонов, а также эскадрон Лейб-гусарского полка под командованием полковника Дорохова и 20 улан-казаков с лошадьми, прикомандированных из Лейб-Казачьего полка [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 9].

Впоследствии, 1 (13) июля, граф Г.Х. Ливен проинформировал вице-президента Военной коллегии, генерал-аншефа графа Ламба, о включении в состав корпуса гренадерского полка генерал-майор И.Ф. Эмме и батальона майора Митюшина [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 81]. Эти пополнения должны были привести к общей численности корпуса в 17 484 человека, из которых 15 218 были строевыми, а 2 266 – нестроевыми. Три новых батальона были добавлены, чтобы довести численность корпуса до 17 593 человек, как того требовала Конвенция. Фактически, корпус оказался даже немного многочисленнее, чем предполагалось.

Планировалось иметь в наличии 5 390 лошадей, включая 2 541 офицерских, 711 артиллерийских, 1923 подъёмных, 120 строевых и 95 вьючных [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 82].

К 10 (21) июня корпус претерпел очередные организационные изменения. В его состав, согласно условиям договора, были включены две роты полевой артиллерии из батальона генерал-майора П.М. Капцевича. В этот же период было завершено формирование корпусной структуры. Соединение теперь состояло из двух дивизий. Дивизии генерал-лейтенанта М.А. Жеребцова, состояла из двух бригад под командованием генерал-майоров И.Ф.

Эмме и А.К. Седморацкого, а также роты полевой артиллерии, полуроты пионеров и полуэскадрона Лейб-Гусарского полка. [РГВИА. Ф. 29. Оп.153б. Св. 2. Д. 36. Л. 8]

Второй дивизией командовал генерал-майор И.Н. Эссен. В ее состав входили бригады генерал-майоров И.И. Арбенева и И.Е. Сутгофа, рота полевой артиллерии, а также полуэскадрон лейб-гусар и 50 пионеров [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 9].

Однако 14 (25) июня произошли существенные изменения в структуре корпуса. В результате которых полк Ферзена и батальон Эриксона (еще не прибывшие к месту дислокации) были выведены из дивизии генерал-майора Эссена и переданы в состав дивизии генерал-лейтенанта Жеребцова. Одновременно с этим полк Седморацкого был переведен в дивизию Эссена [РГВИА. Ф. 29. Оп.153б. Св. 2. Д. 36. Л.11].

Параллельно с этими перестановками, генерал-майор Седморацкий принял командование бригадой, сменив на этом посту генерал-майора Сутгофа. Последний же был переведен на должность командира бригады в дивизию генерал-лейтенанта Жеребцова [РГВИА. Ф. 29 Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 8] (см. Приложение 1).

В историографии и качество войск корпуса и способ его формирования часто подвергаются критике. Например, А.А. Керсновский отмечал, что корпус «носил чисто сборный, случайный характер, состоя в большей своей части из отдельных батальонов различных полков, главным образом гренадерских» (цит. по: [Керсновский 2006: 183]). Аналогичную оценку даёт и профессор А.А. Егоров, описывавший корпус как «дурно сколоченный» [Егоров 1996: 39]. Тем не менее, анализ состава корпуса показывает, что из 20 пехотных батальонов лишь 6 (Штрика, Эриксона, Митюшина, Осипова, Тимофеева и Огарёва) являлись сводно-гренадерскими. Остальные 7 полков (гренадерские полки Жеребцова, Бенкендорфа, Эмме, мушкетерские Седморацкого, Арбенева, Ферзена и егерский полк Сутгофа) сохраняли штатную структуру в два батальона [РГВИА.Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 4; Рогулин 2014б: 110;

Милютин 1853: 339]. Важно отметить, что сводно-гренадерские батальоны, сформированные в 1796 г., к середине 1799 г. уже обладали высоким уровнем боевой и строевой подготовки. Этот факт будет убедительно подтвержден в ходе первого же боевого столкновения в Голландии.

Описывая полки, вошедшие в состав корпуса, будем приводить их наименования 1799 г., а в скобках — их наименования до введения практики названия полков по фамилиям шефов. Гренадерские полки: Жеребцова (Фанагорийский), Бенкендорфа (Таврический), Эмме (Павловский); мушкетерские: Седморацкого (Белозёрский), Арбенева (Днепровский), Ферзена (Тобольский); и егерский Сутгофа (1-й егерский). Гренадерские батальоны: Штрика, Эриксона, Митюшина, Осипова, Тимофеева, Огарёва [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 4; Рогулин 2014б: 110, Милютин 1853: 339].

В состав корпуса вошли полки, чья история была отмечена многочисленными боевыми заслугами. В них служили ветераны штурмов Измаила и Праги, Очакова и Килии, Польской кампании 1794 г., побеждавшие под под Щекоцинами, Мацеёвицами и Варшавой. Даже недавно сформированные полки Эмме и Сутгофа имели в своём составе опытный кадр из Московского гренадерского и Финляндского егерского корпуса соответственно.

Решение о включении тех или иных подразделений в корпус принималось с учетом их географического положения и возможности оперативно добраться до места посадки на суда [Волков 2025в: 145]. В рамках отечественной историографии, первым исследователем, отметившим данное обстоятельство, является Н.Г. Рогулин [Рогулин 2014а: 10]

На начальном этапе концентрации войск расположение войск корпуса было следующим. Непосредственно у пунктов погрузке находилось 5 батальонов из корпуса Эссена (гренадерские батальоны Тимофеева, Осипова, Огарёва, Эриксона, егерский батальон из полка Сутгофа) [РГВИА. Ф. 29. Оп.153б. Св. 2. Д.28. Л.3]. Полки Седморацкого и Жеребцова, первый из

местечка Лоде а второй из Вильно [Шавров 1890: 23], двигались в Петербург, но затем были возвращены в Ревель.

Мушкетерский полк Седморацкого, прибывший в Лифляндию в мае и расквартированный в местечке Лоде, также входил в указанный корпус. В середине июля оба полка, Седморацкого и Жеребцова, были направлены маршем в Санкт-Петербург, однако впоследствии были возвращены в Ревель. Ещё дальше находились полки Ферезена, Арбенева, Бенкендорфа, Эмме, а таже батальон егерского полка Сутгофа и гренадеры Митюшина и Штрика. Далее, в районе государственной границы, находились полки Ферезена, Арбенева, Бенкендорфа, Эмме, а также второй егерский батальон полка Сутгофа и гренадеры Митюшина и Штрика. Эти соединения принадлежали к корпусу, ранее сформированному под руководством генерал-лейтенанта Германа для действий в Европе.

В российской исторической науке представлено мнение, согласно которому Герман был генералом, «неизвестным солдатам» [Егоров 1996: 39]. Однако данное утверждение выглядит дискуссионным. Как уже указывалось, часть полков и батальонов ранее уже находилась под его руководством. Более того, по прибытии к войскам, Герман продемонстрировал активное вовлечение в их жизнь, проводя тщательные инспекции и глубоко вникая в нужды и проблемы личного состава. Показательным в этом отношении является его рапорт, адресованный вице-президенту Государственной военной коллегии Ламбу. В нем он докладывал, что по результатам осмотра полков вверенного ему корпуса было выявлено: не всем солдатам полков Жеребцова и гренадерского батальона Осипова вручили награды за Турецкую и Польскую кампании; в полках Жеребцова и Бенкендорфа многие рядовые и унтер-офицеры, прослужившие 20 и более лет и удостоенные знака ордена Святой Анны, также их не получили [РГВИА. Ф. 29. Оп. 1. Д. 12. Л. 175]. Генерал просит доставить данные знаки отличия, ибо: «…при начале военных действий весьма желаю чтобы сие они получа упокоились и имели полную доверенность к начальству» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 1. Д. 12. Л. 175]).

На начало кампании командный состав русского корпуса включал в себя: двух генерал-лейтенантов – Ивана Ивановича Германа фон Ферзена, занимавшего пост командира корпуса, и Михаила Алексеевича Жеребцова, руководившего второй дивизией. Кроме того, в корпусе служили пять генерал-майоров: Иван Николаевич Эссен (командир первой дивизии), Александр Карлович Седморацкий, Иван Ефимович Сутгоф, Иоасаф Иевлевич Арбенев и Пётр Михайлович Капцевич.

Первый командир корпуса генерал-лейтенант Герман обладал богатым боевым опытом. Он участвовал в многочисленных кампаниях, включая сражения при Ларге и Кагуле, подавление Пугачёвского бунта, Кавказские войны и штурм Анапы. Особо отличился в битве на реке Абазинке, где разгромил превосходящие силы противника, пленил сераскира и захватил артиллерию, за что был награждён орденом Святого Георгия 2-й степени. В Польской кампании командовал правым крылом, участвовал в штурме Вильно, разработал план кампании, укрепив репутацию стратега. Герман был не только опытным военным, но и высокообразованным человеком, владел несколькими языками, разбирался в математике, инженерных науках, философии, истории, праве и политике. Его придворный опыт также способствовал назначению на должность командующего русским корпусом в Голландии. Павел I высоко ценил заслуги Германа, считая его основательным и полезным для службы. Историки отмечают его честность, усердие, добросовестность, ум и храбрость, хотя и указывают на вспыльчивость и самонадеянность.

Следующим начальником корпуса стал генерал-майор И.Н. Эссен, начавший службу в 1772 г. и участвовавший в боевых действиях против польских конфедератов, где был ранен. Возобновив службу, он воевал в Русско-шведской войне (1788–1790 гг.). В 1792 г. эстляндские егеря под командованием Эссена были направлены в Польшу, где сражались при Мире, Зельве, Пощучини, и под Брестом [Волков 2025е: 184]. В 1794 г., в период подавления восстания Костюшко, эстляндцы принимали участие в штурме Вильно и в стычках с польскими повстанцами. Кульминацией стало сражение

у деревни Кобылки, где эстляндцы действовали под командованием А.В. Суворова [Волков 2025е: 184]. За проявленные храбрость и доблесть, Эссен был удостоен ордена Святого Георгия IV степени и получил соответствующее продвижение по службе. Его дальнейшая карьера ознаменовалась командованием Санкт-Петербургским гренадерским полком. 1 октября 1797 г. Эссен был произведен в генерал-майоры и назначен шефом Черниговского мушкетерского полка [Волков 2025е : 184].

Высокая компетентность командного состава корпуса была обусловлена значительным боевым опытом, накопленным офицерами в ходе предшествующих военных кампаний. Среди генерал-майоров, отличившихся в противостоянии со шведами в 1788 -1790 гг., были Седморацкий и Сутгоф, а также Арбенев. Генерал-лейтенант Жеребцов, с 1790 г. командовавший Фанагорийским гренадерским полком, впоследствии участвовал в Польской кампании 1794 г. За свои заслуги генерал Арбенев был награждён орденом Святого Георгия IV степени, а генерал Жеребцов — орденом Святого Георгия III степени.

Наряду с боевыми генералами, корпус был укомплектован офицерами, обладавшими глубокими профессиональными знаниями и безупречной выучкой. Руководивший артиллерией корпуса генерал-майор Капцевич начал свою службу в 1792 г. в чине поручика гатчинской артиллерии. Хотя до назначения в корпус он не участвовал в непосредственных боевых столкновениях, его служба в качестве шефа гвардейского артиллерийского батальона, а также проявленное усердие, снискали ему особое расположение императора Павла I, что свидетельствовало о высоком уровне его подготовки.

Значительный боевой опыт был характерен и для штаб- и обер-офицеров корпуса. Так, командир гренадерского полка Жеребцова, И.В. Языков, в свои 33 года уже отличился при взятии Измаила, где был ранен в правую руку, получил Одобрительный лист с изволением монаршего благоволения и сражался при Мачине, Хельме, Слониме и Варшаве [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1252. Л. 7]. Капитан гренадерского полка Бенкендорфа, И.Ф. Капустин, в

возрасте 36 лет, был награждён золотым крестом за штурм Очакова и воевал в кампаниях 1789 и 1791 гг. в Молдавии [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1241. Л. 5]. Капитан мушкетерского полка Седморацкого, П.И. Маривирд, в свои 40 лет, обладал обширным боевым опытом, участвуя в кампаниях 1774, 1776, 1777 годов, в походе в Кубанскую степь в 1783 г., во Второй Турецкой войне в кампании 1788 года, а также сражаясь в Финляндии в 1789 и 1790 гг. [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1324. Л. 58]. В составе корпуса волонтёром воевал будущий герой атаки кавалергардов при Аустерлице, ротмистр князь Н.Г. Репнин-Волконский, который за свою отвагу в битве при Бергене удостоился чина подполковника.

В отечественной историографии имеется расхожее заблуждение, что при отправке корпуса место сбора войск три раза переносилось, что привело к многочисленным организационным и транспортным проблемам [Егоров 1996: 39].

Первоначально планировалось одновременное размещение войск на корабли в портах Либавы и Риги [НИА СПбИИ РАН. Ф. 36 Оп. 1 Д. 213. Л. 4об.; РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 4; Fortescue 1905: 109]. Об этом решении сообщалось в письмах генералу Герману и вице-президенту Военной коллегии Ламбу, датированных 2 (13) и 4 (15) июня 1799 г. соответственно [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 2, 4]. Кроме того, было утверждено расписание распределения полков и батальонов по портам для посадки на суда. В частности, в Ригу направлялись: гренадерский полк Жеребцова (2 батальона), мушкетерский полк Седморацкого (2 батальона), гренадерские батальоны Огарёва, Маркова, Тимофеева, Осипова и один батальон егерского полка Сутгофа. Всего 9 батальонов под командованием генерал-майоров Седморацкого и Сутгофа [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 23. Ч. 3. Л. 13]. В состав направленного в Либаву отряда вошли восемь батальонов: полки Бенкендорфа, Арбенева и Ферзена, гренадерский батальон Штрика и егерский батальон полка Сутгофа [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 23. Ч. 3. Л. 13]. Однако 8 (19) июня 1799 г. местом «собрания корпуса армии генерал-

лейтенанта Германа» был назначен Ревель [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 8]. Официально Ревель был утверждён как место посадки войск на суда в п. II дополнительных статей к Конвенции [Собрание трактатов 1892: 437]. Фактически, решение о смене порта амбаркации корпуса принималось лишь единожды — менее чем за семь дней до подписания Конвенции, на начальном этапе концентрации войск. Примечательно, что директива Адмиралтейств-коллегии о переоборудовании судов под транспортные нужды и подготовке к переброске сухопутных сил поступила 3 (14) июня 1799 г.

Районом формирования экспедиции был определен Рижский залив, а Ревель был назначен пунктом сосредоточения всех морских и сухопутных сил [Гребенщикова 2015: 139]. Выбор Ревеля как порта погрузки был продиктован его неоспоримым удобством в сравнении с Либавой и Ригой, а изменение места посадки не отразилось на сроках подготовки. С 14 июня полки начали получать приказы о направлении в Ревель и в Рижское комиссариатское депо [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 2–6].

Первоначальный план движения войск в Ригу был скорректирован: после пополнения запасов продовольствия и материальных средств части должны были выдвинуться в Ревель. Установленный темп передвижения составлял 25 верст в сутки с привалом через каждые два перехода [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 4об.]. Для обеспечения логистики, подготовки маршрутов и решения вопросов размещения личного состава в Ригу был командирован майор Струков [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 6об.]

Войскам предписывалось не входить в Ригу [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 6] и после получения продовольствия и утверждения маршрута частям надлежало незамедлительно проследовать к Ревелю. Параллельно с развертыванием сил командование столкнулось с серьезными организационными сложностями в медицинской сфере. Генерал Герман настойчиво требовал перевода в Ревель штаб-лекаря Шмидта, открыто сомневаясь в компетенции доктора Бенкгаузена, состоявшего при корпусе. Ситуация осложнялась отсутствием необходимых запасов для оснащения

казенной аптеки [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 8об.]. Как показало время, дефицит опытных врачей и младшего медицинского персонала оставался хронической проблемой, которую не удалось преодолеть ни на этапе подготовки, ни в разгар боевых действий.

Распоряжением от 19 (1) июня, командирам полков и батальонов было категорически запрещено привлекать гужевой транспорт местного населения для ускорения передвижения войск. Использование реквизированных подвод допускалось исключительно в целях транспортировки больных и военного имущества. В случаях, когда штатных средств было недостаточно для перевозки амуниции, командирам предписывалось обращаться в Рижское комиссариатское депо для организации централизованного найма транспорта [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 7об.].

При этом войскам приказано ускорить марш. Командиры полков и батальонов получают соответствующие приказы. Если обозы препятствовали оперативному продвижению войск, командирам предписывалось оставлять имущество под охраной выделенного отряда, а сведения о личном составе, неспособном к продолжению марша по состоянию здоровья и оставленном в Риге, передавать местному коменданту или губернатору [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 9–10]. Параллельно с этим рижскому коменданту Булгакову направлялось распоряжение: в условиях дефицита места для расквартирования войск в городе обеспечить содействие в организации незамедлительного марша подразделений к Ревелю [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 9–10].

Директива от 26 июня (7 июля) предписывала завершить концентрацию войск в Ревеле к 13 (24) июля, начиная процесс прибытия с 10 (21) числа того же месяца [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 10об. 13]. Однако график сосредоточения был нарушен: значительная часть подразделений не успела прибыть в установленные сроки. В заданный интервал (с 10 по 13 июля) уложились лишь батальон Огарёва (8 (19) июля), полк Арбенева и батальон Осипова (10 (21) июля), егерский полк Сутгофа и батальон Тимофеева (12 (23)

июля), а также батальон Штрика, артиллерийская рота Дурново и полк Седморацкого (13 (25) июля) [НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 213. Л. 6об.–7]. Остальные силы подходили с существенным отставанием: полк Ферзена — 16 (27) июля, батальон Эриксона и полк Бенкендорфа — 19 (30) июля, шефская артиллерийская рота и полк Жеребцова — 23 июля (3 августа). Замыкали процесс прибытия полк Эмме и казачьи части, достигшие Ревеля лишь 26 июля (6 августа) [НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 213. Л. 7–7об.].

Несмотря на интенсивный темп передвижения, пехотные части продемонстрировали высокую выносливость. Показательным примером служит отзыв капитана Попхэма, направленный английскому дипломату Витворту в Санкт-Петербург по итогам инспекции батальона Огарёва в Ревеле: «Не видывал людей ни мужественнее, ни лучше одетых. В рассуждение того, что сии бедные люди шли около 500 верст скорым шагом...» (цит. по: [Куницын 2019: 57]). Подобные проверки боеготовности проводились для всех подразделений корпуса. В частности, генерал Герман, докладывая императору о результатах смотра полка Эмме, отмечал, что «…нашёл людей здоровыми и почти неизнурёнными, хорошо выученных и содержанных, всем удовольствованных и хозяйство хорошо устроенное (цит. по: [Воронов 1890: 23]). Особо много сложностей выпало на долю артиллерии. Как уже указывалось, 10 (21) июня 1799 г. командующий корпусом генерал-лейтенант Герман отправил шефу полевого артиллерийского батальона генерал-майору П.М. Капцевичу приказ, согласно которому две роты артиллерийского батальона его имени (шефская и подполковника Дурново) назначены к отправке в формируемый корпус [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 1–1об.].

Этим же письмом определялся и маршрут, которым оные роты должны были двигаться к месту сбора войск в г. Риге [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 1–1об.]. Роты прибыли к месту сбора 13 (25) (рота подполковника Дурнова) и 23 июля 3 августа 1799 г. (шефская рота генерал-майора Капцевича) [НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 213. Л. 7]. При этом ротам, особенно

шефской, пришлось произвести значительный по дистанции марш. Даже предполагалось, в случае необходимости, заменить эту роту частью из другого артиллерийского батальона, однако артиллеристы не только сумели проделать сложный и продолжительный марш, но и материальная часть, и личный состав были в прекрасном состоянии, о чём генерал-лейтенант Герман докладывал инспектору всей артиллерии графу А.А. Аракчееву [РГВИА Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 28об.].

Необходимость в доукомплектовании подразделений и замене военнослужащих, выбывших из строя по состоянию здоровья, стала предметом ходатайств как со стороны командира корпуса, так и капитана Попхэма, который осуществлял строгий контроль за укомплектованностью отправляемых частей [Куницын 2019: 58]. Согласно отчетным данным на 2–3 (13–14) июля, дефицит личного состава в корпусе составлял 453 человека [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 108]. Для устранения возникшего некомплекта было принято решение привлечь резервы из гарнизонных полков, находившихся под командованием графа Кастро де Ла Серда, а также полковников Бесканова и Тайзена. В соответствии с распоряжением, данные формирования обязаны были направить на пополнение 157, 219 и 77 человек соответственно [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 110]. Отбирались военнослужащие с «надлежащими аттестатами» [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 110]. Для пополнения гренадерских полков Бенкендорфа и Жеребцова, а также егерского полка Сутгофа были выделены военнослужащие из состава частей Кастро де Ла Серда [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 176]. Солдаты, признанные негодными к полевым операциям, направлялись в Ревель в распоряжение полка Кастро де Ла Серда для прохождения медицинской комиссии и последующего распределения. Вопрос о судьбе остальных военнослужащих находился в ведении Военной коллегии. Для пополнения частей следующих к месту сбора были установлены специальные пункты: так, полки Седморацкого и Арбенева доукомплектовывались за счет личного состава полка Бесканова в Пернове. Процесс передачи солдат из гарнизонных

частей в полевые корпуса носил регулярный и экстренный характер. В частности, в середине июля генерал-лейтенант Герман докладывал в Петербург о необходимости списания более 300 человек, непригодных к морскому походу, и еще 262 — находящихся на лечении [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 177об.]. Для восполнения данной убыли было приказано в кратчайшие сроки перевести 100 человек из полка Кастро де Ла Серда и 200 — из полка Тайзена [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 177об.]. Соответствующие полки получили распоряжение безотлагательно исполнить предписание [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 177об.].

По прибытии к месту дислокации корпуса маршевые команды, сформированные ранее, передавались под командование генерал-майора Эмме для последующего распределения личного состава по батальонам и полкам [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 177 об.] Далеко не всегда пополнение соответствовало установленным стандартам службы. Характерным примером служит июльская отправка 219 человек под началом полковника Баталова: среди них 29 солдат нуждались в лечении, а 40 были приписаны к инвалидной команде [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 32]. Подобная ситуация вызвала жесткую реакцию Военной коллегии, которая распорядилась не только немедленно восполнить некомплект годными к строю людьми, но и выяснить обстоятельства произошедшего. Что касается военнослужащих, находившихся в госпиталях, то после восстановления здоровья их, согласно вердикту Коллегии, распределяли в гарнизонные полки. Причины недобора личного состава не ограничивались лишь маршевыми потерями: к примеру, в батальоне Митюшина нехватка 60 человек возникла вследствие дезертирства солдат за границу.

В ходе сборов экспедиционного корпуса, помимо вопросов материального обеспечения, возникли серьезные сложности с формированием обозов и снабжением подразделений конским составом. Особого внимания заслуживает тот факт, что, согласно достигнутым договоренностям, Великобритания приняла на себя все расходы по обеспечению русского

корпуса лошадьми, необходимыми как для нужд артиллерии и обозных служб, так и для офицерского состава [Собрание трактатов 1892: 434]. В письме А.А. Аракчеева от 15 (26) июня 1799 г. и прилагаемой к нему описи зафиксировано, что корпус генерал-лейтенанта Германа нуждался в 3 994 лошадях, к которым добавлялись 119 голов для нужд гусарских и казачьих подразделений, что в сумме давало 4 113 единиц. Данные сведения были подготовлены в рамках исполнения обращения вице-канцлера и вице-президента Коллегии иностранных дел графа В.П. Кочубея. Последний, действуя по просьбе английских дипломатов, инициировал запрос о необходимом для корпуса конском составе согласно шестой статье Конвенции. При этом от российской стороны требовалось подготовить два перечня: один — строго по штатному расписанию, а второй — с учетом мнения английской стороны о том, что используемые в британской армии лошади превосходят по силе и габаритам российских, что позволяло сократить их требуемое число [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 28об.]

Кстати, Попхэм уже успел донести это «примечание» до самого императора.

Такой пример «союзнической поддержки» наглядно характеризует как стиль работы британских дипломатов, так и общую внешнеполитическую линию Лондона. Если посол, возможно, и не отдавал себе отчета во всех технических нюансах, то капитан Попхэм, как опытный морской офицер, не мог не предвидеть проблем, неизбежных при морской перевозке лошадей. Итогом стала острая нехватка лошадей в русском корпусе: их недоставало не только для артиллерийских запряжек и обозов, но даже для генералитета. В одном британцы действительно оказались правы: предоставленные ими лошади превосходили российские породы по своим габаритам. Однако и это обстоятельство обернулось новыми трудностями, поскольку имевшаяся в распоряжении корпуса упряжь не подходила для столь крупных животных [Милютин 1853: 42].

Генерал Герман попытался решить проблему на месте. 28 (9) июня он

пишет генерал-адъютанту графу Ливену, что, по его данным, в Ревельской гавани есть суда, которые можно приспособить под перевозку 70–80 лошадей, на которых можно было бы посадить казаков и гусар, о чём он и просил доложить императору, чтобы увеличить число конных казаков с 20 хотя бы ещё на 50 человек [РГВИА. Ф.29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 14об.].

Неизвестно, было ли это выполнено, однако, по данным голландских историков, на трёх транспортных кораблях английской эскадры из России было перевезено 108 лошадей [Van Uythoven 2018: 383]. Проблемы возникли и с обозами. Британский капитан Попхэм критиковал качество телег, предназначенных для корпуса генерал-лейтенанта Германа, называя их «убого сделанными» [Куницын 2019: 58]. Несмотря на возникшие споры, стороны пришли к компромиссу: подразделениям разрешалось взять с собой лишь палатки и наиболее сохранившиеся повозки [Куницын 2019: 58]. Безусловно, после череды интенсивных и затяжных переходов обозное имущество полков и батальонов требовало технического обслуживания и замены, однако его фактическое состояние было значительно лучше, чем то, что описывал в своих отчетах британский наблюдатель.

28 июня генерал-лейтенант Герман представил генерал-адъютанту графу Ливену расчетную ведомость, в которой сопоставлялись штатная численность обоза и количество повозок, запланированных к отправке в Голландию, с ходатайством о высочайшем утверждении данного плана [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 13об.]. Итоговое распоряжение, регламентирующее нормы обозного обеспечения для полков, батальонов и других подразделений корпуса, было издано 10 июля 1799 г. [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 137] (см. Приложение 2).

Комплектование обоза пионерной роты и гусарского эскадрона приказом не регламентировалось, так как они формировали свой обоз в соответствии с их организационной структурой. Однако по настоянию британского представителя капитана Попхэма, который счел имеющиеся транспортные

средства непригодными для условий голландского театра военных действий, их количество было существенно сокращено [Куницын 2024: 135].

Подобное решение обернулось для корпуса серьезными логистическими трудностями. Полагаясь на британские гарантии всестороннего материального обеспечения, российская сторона отправила войска в поход без надлежащего запаса палаток и снаряжения. Аналогичная ситуация сложилась и с медицинским оснащением: по распоряжению Попхэма в Ревеле оставили основную часть имущества, включая практически все аптечные и иные фуры медицинского назначения, в том числе и госпитальные повозки. Основанием для таких мер послужили заверения английской стороны о готовности взять на себя все обязательства по снабжению [Куницын 2024: 137]

При этом английский капитан проявлял чрезмерную инициативу, часто действуя «именем императора» и превышая свои полномочия, что вызывало напряженность в отношениях с русским командованием. Его вмешательство в вопросы комплектования войск, в том числе со ссылками на якобы полученное от императора распоряжение о замене одних солдат другими (цит. по: [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 176]), демонстрировало явное превышение имеющихся у него полномочий. Основная задача Попхэма заключалась в организации переброски русских войск в Голландию, однако эта операция столкнулась с серьезными трудностями, в первую очередь из-за нехватки британских кораблей. Первоначальный план, предполагавший использование русских галер и Голштинского канала, был отвергнут [Laws 1956: 577] императором из-за непригодности судов и опасений по поводу проходимости канала. В результате была достигнута договоренность, по которой русская сторона предоставила собственные корабли, переоборудованные для перевозки войск, в то время как вторая дивизия должна была быть перевезена британскими судами. Несмотря на организаторские способности Попхэма, его самоуверенность и отсутствие дипломатического такта привели к конфликтам с видными русскими сановниками [Куницын 2019: 59], такими как Кушелев и Ростопчин, а также с адмиралом Чичаговым и генералом Германом. Даже

прикомандированные к нему русские офицеры не смогли наладить с ним конструктивное взаимодействие, поскольку Попхэм подозревал их в шпионаже [Куницын 2019: 59]. Хотя операция по переброске войск не была заранее спланирована, русский флот продемонстрировал оперативность, проведя необходимые мероприятия менее чем за месяц [Гребенщикова 2015: 139]. К началу июля русская эскадра в составе 6 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 транспортов и одного американского судна стояла на ревельском рейде, готовая начать приём десантных войск [Шишков 1800: 155].

15 (26) июля на корабли погрузились войска дивизии генерал-майора Эссена 6791 человек [Гребенщикова 2015: 139. В тот же день в Ревель прибыла первая часть британской эскадры в составе 30 кораблей и судов, из которых 10 являлись транспортными [Van Uythoven 2018: 382–383]. Всего на неё было принято от 8 800 до 9 500 человек дивизии генерал-лейтенанта Жеребцова [Гребенщикова 2015: 141]. 20 (31) июля 1799 г. эскадра адмирала Чичагова вышла в море, а дивизия генерала Жеребцова отправилась в путь на английских кораблях только 17 августа 1799 г. Спешные сборы войск выявили проблемы с состоянием снаряжения и обмундирования, срок годности которого истекал. Суть ситуации заключалась в том, что в январе следующего 1800 г. заканчивался срок многих амуничных и форменных вещей, прежде всего в гренадерских полках Жеребцова, мушкетерских Седморацкого, Арбенева, Ферзена, гренадерских батальонах Тимофеева, Шрика и Эриксона [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д 12. Л. 195–195об.]. Проблема усугублялась тем, что поставки этих вещей должны были состояться в мае – июне 1799 г., что не было полностью выполнено из-за спешного убытия войск в поход. Например, полк Седморацкого изначально недополучил материалы для 541 мундира, и, несмотря на частичную доставку материалов, ситуация оставалась сложной. Для ее исправления использовались резервные мундиры из гарнизонных частей [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д 12. Л. 31об.–32]. Также 27 июля было приказано Первой дивизии Эссена заменить имевшимися в ротах резервными мундирами те, которые пришли в наибольшую негодность [РГВИА. Ф. 29.

Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 29]. Генерал Герман неоднократно обращался с просьбами о срочной поставке необходимого обмундирования [РГВИА Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 28. Л. 29; РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 163], указывая на непристойный вид солдат, которых в «иностранных землях показать стыдно» [РГВИА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 163–163об.]. Император распорядился составить реестр нуждающихся в замене вещей и частично восполнить их за счёт ресурсов корпуса Ласси, однако выполнить это не успели, так как войска уже ушли в море [РГВИА Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 190].

Давая оценку подготовке русского экспедиционного корпуса к походу, следует отметить, что она осуществлялась в условиях жесткого дефицита времени и необходимости многоуровневого согласования действий между российскими государственными органами и британской военной миссией. Тем не менее, российской стороне удалось укомплектовать соединение и обеспечить его снаряжением, исходя из реальных возможностей и ограничений по вместимости транспортного флота. Боеспособность корпуса обеспечивалась за счет включения в его состав частей, имевших за плечами значительный опыт ведения военных действий, а также высокого уровня подготовки личного состава и авторитета командного звена, обладавшего необходимым уровнем доверия в войсках.

Вместе с тем процесс формирования корпуса сопровождался рядом организационных сложностей, вызванных зачастую избыточным вмешательством британской стороны, чьи действия не всегда соответствовали принятым союзническим обязательствам. В отдельных случаях это проявлялось в предоставлении союзникам недостоверных гарантий ради достижения собственных целей. Характерными примерами подобной политики стали манипуляции с обеспечением корпуса лошадьми и транспортными средствами, когда реальное состояние дел существенно расходилось с официальными заверениями британских представителей.

Глава 3. Русский корпус в Голландии в 1799 г.

3.1. Участие русских войск в боевых действиях на территории Голландии в сентябре – ноябре 1799 г.

Переброска русских войск к берегам Голландии заняла без малого месяц. На протяжении всего морского перехода предпринимались все необходимые меры для сохранения здоровья личного состава войск и поддержания должного уровня воинской дисциплины. Специальная инструкция, составленная капитаном Попхэмом [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 6–6об., 21–21об.], подробно регламентировала меры по профилактике заболеваний среди солдат. Это было тем более важно, поскольку, как вспоминал участник похода полковник А.Я. Дубянский войска располагались в большой тесноте, подобно «бочке с сельдями» [Дубянский 1824б: 110]. Параллельно с мерами по поддержанию здоровья, не менее чётко отправлялась караульная служба и проводилась боевая подготовка, включавшая строевые экзерциции и даже отработку элементов абордажа.

Плавание проходило в суровых условиях: эскадра адмирала Чичагова, на которой находилась дивизия генерал-майора Эссена, 6 (17) августа попала в сильнейший шторм, повлекший повреждения кораблей и вынудивший три из них вернуться в Ревель [Чернышев 2012: 44]. 22 августа (2 сентября) эскадра вновь испытала удар стихии, в результате которого линейный корабль «Александр Невский» получил повреждения; отстав от эскадры, он продолжил движение к месту назначения. Достигнув острова Тексель 26 августа (7 сентября), эскадра получила оперативные сведения о голландских событиях, после чего 27 августа (8 сентября) завершила переход, войдя в гавань Ярмута. Параллельно с этим сложный путь проделал английский отряд, транспортировавший дивизию под командованием генерал-лейтенанта Жеребцова. С 6 (17) августа данное соединение было вынуждено преодолевать натиск стихии, переросший в полноценный шторм в районе острова Борнхольм.

После прекращения шторма, 20 августа (1 сентября), корабли встали на якорь в Зундском проливе на Эльсинорском рейде для пополнения запасов пресной воды. 23 августа к эскадре прибыл английский фрегат «Прозелит» с приказом немедленно следовать к Голландским берегам, минуя Ярмут. 26 августа (7 сентября) корабли вновь вышли в море, достигнув полуострова Гальдер 1 (12) сентября. Тем временем, пока русские войска находились в море, британское правительство, не дожидаясь союзников, отправило свои войска для высадки на территории Батавской республики, направив к её берегам 2 (13) августа 1799 г. британский флот под командованием адмирала Митчела, состоявший из 15 линейных кораблей, 45 фрегатов и более 130 кораблей с десантом [Ball 2014: 112].

3 (14) августа генерал Аберкромби определил полуостров Гальдер, песчаный полуостров к югу от Зёйдерзе, как место высадки британских войск. Однако резкое ухудшение погоды, продлившееся тринадцать дней, лишило британцев внезапности и осложнило высадку, грозя разрушить строй флота. Голландские войска под командованием генерала Дандельса, насчитывавшие около 6000 человек, оперативно сконцентрировались для отражения атаки [Limm 2014: 112]. В этом походе участвовали и две русских эскадры — вице-адмирала М.К. Макарова (5 линейных кораблей, 1 фрегат и 1 катер) и вице-адмирала Е.Е. Тета (5 линейных кораблей, 2 фрегата), на которых в общей сложности было 1568 гренадеров флотских батальонов при 38 офицерах [Кибовский, Леонов 2008: 120]. 16 (27) августа в битве при Каллантсоге союзные войска одержали победу над голландцами, отразив контратаку генерала ван Герике. В ходе этого сражения были захвачены первые трофеи кампании — боевые флаги 1-го и 2-го батальонов батавской 7-й линейной полубригады, добытые гренадерами подполковника Гертценберха. Потери союзников составили около 450 человек, а батавцев — до 1 500 человек убитыми, ранеными и пленными [Милютин 1853: 28].

17 (28) августа английские войска успешно взяли береговые укрепления Гальдера. 19 (30) августа 1799 г. Батавский флот, экипажи которого

взбунтовались под влиянием оранжистских агитаторов, сдался англо-русской эскадре адмиралов Митчелла и Тета. В результате союзники захватили 6 линейных кораблей, 3 фрегата и 1 шлюп с общим экипажем в 4 380 человек [Van Uythoven 2018: 388]. При этом русскими моряками были взяты линейный корабль «Бескершер» и флагманский линкор «Вашингтон», которые впоследствии были переданы английским союзникам по решению императора Павла I [Чернышев 2012: 44].

1 (14) сентября генерал Аберкромби с 16 000 британских войск, без значительного сопротивления занял позиции вдоль канала Зейп. Франко-батавские силы, численностью до 21 000 человек, предприняли попытку отбросить англичан в море 30 августа (10 сентября), но потерпели поражение у деревни Краббендам [Van Uythoven 2018: 196] и отступили к Бергену.

Медленное продвижение британцев вглубь территории было обусловлено нехваткой кавалерии для разведки, трудностями со снабжением и необходимостью избегать реквизиций припасов и транспорта у местного населения, чтобы не вызвать его раздражения в адрес союзников [Van Uythoven 2018: 197]. Кроме того, расчёт на лояльность или переход армии Батавской республики на сторону союзников не оправдался. В битве при Каллантсоге Батавская армия продемонстрировала готовность к сопротивлению, и из неё на сторону союзников перебежало только 170 человек, которых Аберкромби обозвал «профессиональными дезертирами» [Nichols 2019].

Кроме того, стало очевидно, что идеи восстановления власти штатгальтера не находили широкой поддержки среди голландского населения [Walsh 1800: 20], а попытка вторжения принца Оранского в Оверэйссел провалилась. Неспособность адмирала Митчелла и генерала Аберкромби к сотрудничеству усугубляла ситуацию. К моменту прибытия герцога Йоркского успех кампании уже зависел исключительно от решительной военной победы. Английская сторона уведомила Петербург, что высадка была предпринята для захвата стратегически важного пункта, подчеркивая верность Британии союзническим обязательствам и значимость участия русских войск. После

сосредоточения всех сил планировалось начать наступление вглубь голландской территории. Император Павел счёл данные действия разумными и согласился с ними.

Первая русская дивизия генерал-лейтенанта Жеребцова, при которой находился и генерал-лейтенант Герман, прибыла к Текселю 1 (12) сентября. Командующий высадился на берег, чтобы на следующий день приветствовать герцога Йоркского, который должен был вскоре прибыть. 2 (13) сентября в 7 часов утра [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 2869. Ч. 1. Л. 2] началась высадка русских войск. Она проходила в сложных погодных условиях при сильном ветре, но быстро и организованно [НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 213. Л. 8]. На берегу генерал Герман встретился с принцем Оранским. После полудня штатгальтер и командующий русского корпуса, в сопровождении большого числа русских, английских и голландских офицеров, уже приветствовали прибывшего герцога Йоркского, в честь которого гремели залпы салюта из корабельных орудий [НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 213. Л. 19об.]. К вечеру высадившиеся русские войска уже двинулись в сторону английских позиций, пройдя перед английским штабом церемониальным маршем [НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 213. Л. 20]. Сам командующий и многие видевшие прохождение офицеры остались весьма довольны зрелищем. По всей видимости, именно тогда уже было принято решение о немедленном марше войск для атаки неприятеля.

В тот же день части корпуса получили приказ генерала Германа о скорейшем выдвижении к передовым английским позициям. Войска шли вперёд, оставляя на месте высадки казначейство со всеми запасами и инструментами, всех больных, офицерские и генеральские экипажи и всё «тяжёлое» имущество под присмотром квартирмейстеров и аудиторов от полков, а от сводно-гренадерских батальонов — унтер-офицеров и каптенармусов с несколькими рядовыми [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 18]. Старшим русским офицером в Гальдере являлся полковник Г.П. фон Кербиц. Корпус забирал с собой всех мастеровых и фурлейторов, а лошадей

для артиллерии и обоза необходимо было получить от английского комиссара Мотца [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 18об.]. При этом генерал Герман приказывал немедленно извещать его, если будут какие-то отказы со стороны английского комиссара [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 18об.]. Из продовольствия войска брали с собой только трёхдневный запас сухарей и вина [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 18об.].

6 (17) сентября к Текселю прибыла и дивизия Эссена, также начавшая оперативно разгружаться с кораблей и двигаться к полю боя. Части генерал-лейтенанта Жеребцова вышли на позиции утром 3 (14) сентября, а вечером 7 (18) сентября к корпусу присоединились и батальоны Эссена, за исключением артиллерии, гренадерского полка Эмме [Милютин 1853: 39, 42]. Причём, по расчётам герцога, Эссен должен был подойти к 6 (17) сентября, но по вине британской стороны войска задержались с высадкой, и потому атака противника была перенесена герцогом Йоркским с 7 (18) на 8 (19) сентября.

Марш русских войск и вообще их пребывание в Голландии сопровождались многочисленными трудностями. Прежде всего, с момента высадки резко испортилась погода: сильные ливни пополам со снегом превратили местность в топкое болото. Отступающие французы испортили насосы, откачивавшие из каналов воду, в результате чего они наполнились водой. Кроме того, солёная вода попала и в питьевые колодцы. Русские войска на марше страдали от жажды и имели много отставших, буквально, по воспоминаниям полковника Дубянского, «валявшихся на дороге» [Дубянский 1824в: 153]. Войска коалиции, и прежде всего русские, прибывшие практически без лагерного имущества, оставались без какой-либо защиты от неблагоприятных погодных условий: палатки не были доставлены на место, а сооружение временных укрытий из подручных материалов представлялось невозможным из-за их отсутствия, и солдаты ночевали прямо на мокром песке, что привело к тому, что в корпусе резко повысилось число больных, которых направляли во временный лазарет в Гальдере [Дубянский 1824в: 154] .

Всё острее и чаще стали возникать перебои с доставкой продовольствия,

причиной чему являлась не только недостаточность транспортных средств, но и трудности движения обозов по размытым дождями дамбам [Милютин 1853: 41]. Не справлялся и флот со снабжением сухопутных сил. Его возможностей явно не хватало, к тому же начавшиеся шторма периодически совсем прекращали сообщение [Милютин 1853: 41]. В результате к 6 (17) сентября выяснилось, что в войсках осталось хлеба всего на три дня [Piechowiak 1962: 90]. Рационы питания регулировались и направлялись в войска Военным советом, состоявшим в основном из английских генералов, которые в первую очередь заботились о собственных войсках [Dunfermline 1861: 186]. При этом британская пища вызывала недовольство русских солдат [Дубянский 1824в: 153–154] и немедленно возникла проблема с нехваткой лошадей не только для обозов, но даже для артиллерии и генералов.

К 8 (19) сентября на позициях из 60 орудий, имевшихся в корпусе, находилось 36–38 пушек, так как ещё не прибыли шефская рота и полковая артиллерия гренадерского полка Эмме и батальона Митюшкина (22–24 орудия) [Волков 2026б: 219]. Английская сторона выделила только по две лошади на орудие, что было совершенно недостаточно [Дубянский 1824в: 156]. Кроме того, лошади фризской породы были крупнее российских, и имевшаяся в войсках упряжь не подходила к ним, да и фурлейторы не имели достаточных навыков обращения с лошадьми таких пород, но общими усилиями как-то сумели подогнать и упряжь и приноровиться к лошадям [Дубянский 1824в: 157–158].

Однако из-за нехватки лошадей в сражении корпус мог использовать только 16 полевых и полковых орудий [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 19–Л.19об.]. Наконец, ситуация осложнялась и тем, что, по имевшейся информации, генерал Брюн должен был получить значительные подкрепления, и противники как бы поменялись местами. Если 30 августа (10 сентября) французский командующий вынужден был идти в атаку на укрепившегося противника, то теперь то же самое предстояло сделать союзникам по тем же самым причинам — попытаться разгромить франко-

батавскую армию до прихода подкреплений, которые дали бы им численный перевес.

8 (19) сентября союзная армия в составе 33 000 человек атакует республиканцев численностью 22 000 у городка Берген, однако, в результате несогласованности действий терпит поражение с потерей свыше 4 000 человек, из которых около 3 000 — русские. В плен попадает командующий русским корпусом генерал-лейтенант Герман.

Новая попытка атаковать противника предпринимается 21 сентября (2 октября) в битве при Алкмаре (вторая битва при Бергене), по итогам которой генерал Брюн рано утром 3 октября спокойно отступил к Бевервику, а затем, оставив город Алкмар, укрепился у деревни Бакум, продолжая надёжно прикрывать направление на Амстердам.

25 сентября (6 октября) союзные силы вновь атаковали противника, но ожесточённый бой, шедший весь день, не выявил победителя. Однако моральный дух командующего союзной армией, равно как и остального английского генералитета, оказался надломлен многочисленными потерями. 26 сентября (7 октября) союзная армия начала отступать на север и к 30 сентября (11 октября) закрепилась на линии деревни Петтен, то есть практически на первоначальных позициях, которые занимала в августе.

К этому времени численный перевес и стратегическая инициатива полностью на стороне Брюна. Сознавая бесперспективность дальнейшего сопротивления, герцог Йоркский 7 (18) октября подписывает капитуляцию в Алкмаре, и к 8 (19) ноября союзные войска покидают Голландию.

Статистика боевых действий за период с 8 (19) сентября по 7 (18) октября 1799 г. свидетельствует о высокой активности русского корпуса: при общей численности союзных сил в 43 000 человек, на долю 15-тысячного русского контингента пришлось участие в трех кровопролитных сражениях [Волков 2024а: 41]. При этом в наиболее кровопролитных сражениях кампании — баталиях при Бергене и Кастрикуме — русских насчитывалось около 43 % от общей численности всех участвовавших в сражениях союзных войск. В ходе

этих сражений союзные силы неизменно выступали в роли наступающей стороны. Важно отметить, что целью атак всегда становились крупные, часто укрепленные населенные пункты, расположенные на значительном удалении от исходных позиций атакующих. Так, конечной точкой наступления русских войск в сражении 8 (19) сентября стал городок Берген, находившийся в 16 километрах от их первоначальных позиций у Бергенбрюга.

Таким образом, тактику действий русских войск в сражениях кампании можно условно разделить на два этапа: первый — ввод войск в бой и их продвижение к цели атаки, и второй — непосредственное сражение за сам пункт.

Большое влияние на тактику оказывал прежде всего характер местности, где разворачивались боевые действия. Высокие песчаные дюны до 40–50 метров, с песчаными буграми во впадинах между ними, часто поросшие густым подлеском, чередовались с низменностями, изрезанными многочисленными плотинами и каналами. Эти каналы разделяли территорию на множество небольших участков — польдеров. Пространства польдеров, попеременно затапливаемые и осушаемые, представляли собой обширные луга, превращавшиеся осенью в топкие болота. Со стороны моря местность защищала система шлюзов, повреждение которых грозило затоплением значительных территорий. Деревни располагались преимущественно вдоль плотин и каналов, а также у восточных подножий дюн. Специфика местности ограничивала применение классической линейной тактики, что накладывало отпечаток на действия войск. На первый план выходила способность противников эффективно действовать на пересеченной местности в рассыпном строю и колоннах.

В первых двух сражениях у Бергена наступательные действия русских войск были обусловлены, помимо особенностей местности, привязкой к единственной доступной коммуникации и линии наступления — дороге, пролегавшей сначала по плотине Слоппер-дейк (ширина около 60 метров), а затем через укреплённые деревни Грут, Схорл и далее к Бергену.

От деревни Грут к Бергену она представляла собой узкую полосу у подножия высоких дюн, с густым подлеском справа и топкими болотистыми лугами, польдерами, рвами и канавами слева. Эти естественные преграды, хотя и проходимые для кавалерии и конной артиллерии, существенно замедляли продвижение войск. Единственный участок, где можно было построиться в линейный боевой порядок, имелся у местечка Схорл-дамс. Однако и там места для маневра было крайне мало. К примеру, французский штабной полковник К. Ростоллан смог развернуть там всего три батальона пехоты при поддержке 8 орудий, что составило около 500–700 метров фронта.

Более широкое пространство, позволявшее задействовать значительные силы, имелось только непосредственно перед Бергеном. Однако выход на него из узкого дефиле и последующее развертывание войск должны были осуществляться под плотным артиллерийским огнём противника.

Все эти факторы предполагали, что атакующие, стеснённые особенностями рельефа, будут вынуждены вести наступление на узком участке, под постоянным огнём вражеской артиллерии и стрелков, сосредоточенных на передовых позициях. Это, в свою очередь, предоставляло атакующим два варианта ведения наступательных действий: медленное движение вперёд при поддержке артиллерии либо стремительная атака с целью скорейшего прохождения различных дефиле до того, как противник сможет организовать действенное противодействие. Оба этих варианта русская армия продемонстрировала в ходе кампании: в первом сражении при Бергене войска сделали ставку на стремительный штурмовой натиск, то в битве при Алкмаре (Вторая битва при Бергене) ключевым фактором на начальном этапе сражения стал массированный артиллерийский огонь по позициям противника, который расчистил путь наступающим колоннам.

При ведении сражений 8 (19) сентября и 21 сентября (2 октября) в условиях сложного рельефа русское командование отдавало предпочтение «густым колоннам», использовавшиеся как для атаки (в том числе укреплений и населённых пунктов), так и для движения по пересечённой местности

[Fortescue 1904: 418]. Русские войска вели бой в весьма агрессивной манере. Приоритет решительного наступления колонн был четко обозначен в преддверии битвы при Алкмаре в приказе генерал-майора Эссена: «Колонны да наступят мужественно на неприятеля, поразят, опрокинут и обратят в бегство его везде, где он им не повстречается» (цит. по: [Воронов П. 1890: 27]).

Характеризуя штурм крупных населённых пунктов, отметим, что, как правило, он производился решительной фронтальной атакой при поддержке артиллерии с фланговым обходом неприятеля. Именно такой тактикой были захвачены городок Берген (см. Приложение 3) и деревня Кастрикум. При этом штурм — прямая штыковая атака — всегда поддерживался артиллерией и огнём егерей. Бой в классических линейных построениях присутствовал лишь в битвах при Алкмаре и Кастрикуме. В обоих случаях русские батальоны развернулись в боевые линии с целью удержания позиций. В последнем случае линейное построение прикрывали густые цепи егерей и стрелков.

При этом лёгкой пехоты в русском корпусе было чрезвычайно мало — один егерский полк генерала Сутгофа, всего 5% от общей численности корпуса. Егеря активно использовались в качестве передовых частей, выполнявших задачи разведки, обеспечения безопасности основных сил и ведения боя в сложных условиях. В ряде случаев командование корпуса было вынуждено подкреплять лёгкую пехоту отрядами «охотников» (добровольцев), а также при необходимости выделять специальные стрелковые взводы, а иногда и более крупные подразделения силой до роты и более для прикрытия движения атакующих колонн.

Во время тяжелейшего наступления к Бергену 8 (19) сентября егеря Сутгофа своими действиями не только не допускали французских стрелков к расстроенным русским боевым порядкам [Дубянский 1824в: 163], но и при всякой возможности кидались в штыки. Именно штыковой атакой егерей капитана Муравьёва были взяты французские артиллерийские орудия на Петтенской дамбе [Дубянский 1824в: 159]. Наконец, одно из двух французских знамён, захваченных в битве при Бергене и принадлежавшее 3-му батальону

54-й линейной полубригады, было отбито унтер-офицером егерского полка Леонтием Васильевым [РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 77. Л. 36–36об.]. В ходе сражения при Кастрикуме гренадерский полк Эмме сумел удержаться в песчаных дюнах у деревни Бакум, во многом благодаря эффективным действиям егерских цепей, развёрнутых впереди русских батальонов. Огонь стрелков дезорганизовывал наступающие порядки противника, создавая благоприятные условия для проведения штыковых контратак, причём зачастую егеря сами бросались в штыки [Воронов 1890: 29].

Обращает на себя внимание и широкое использование подразделений застрельщиков — добровольцев из числа солдат полков тяжёлой пехоты, действовавших в рассыпном строю.

Перед битвой при Алкмаре генерал Эссен отдал распоряжение: при подходе к лесу, густому кустарнику или другим узким местам (дефиле) производить предварительный обстрел картечью. Кроме того, за неимением егерей он приказал выделить по взводу вправо и влево от колонны. Эти взводы, рассредоточившись, должны были прикрывать фланги [Воронов 1890: 28]. Отличительной чертой русской тактики в Голландии является и традиционная для армии практика проведения штыковых атак, которые применялись при необходимости замедлить продвижение вражеских стрелков (так называемые «броски»), и классическая фронтальная атака с примкнутыми штыками с целью заставить пехоту врага отступить с какой-либо позиции, либо задержать её продвижение. Причём подобные действия зачастую заканчивались рукопашной схваткой. Так, в первом же сражении при Бергене русские войска, предприняв ночную атаку, штыковым ударом овладели всеми укреплёнными позициями на дамбах и укреплёнными деревнями Грут и Камп.

Собственно, оба вражеских знамени в этой битве были захвачены во время штыковой схватки. В том же сражении, во время преследования отступавших французов от Схорлдамса, полк Арбенева вместе с егерями Сутгофа нанес сокрушительный штыковой удар по 3-му батальону 54-й линейной полубригады. избежавшего полного разгрома лишь благодаря

контратаке гренадер 72-й линейной полубригады, которые сумели дать возможность отступить своим товарищам [Gachot 1906: 291]. Боевой флаг 49-й линейной полубригады стал трофеем, по всей видимости, во время отражения второй атаки генерала Вандамма на Берген, когда 49-я и 42-я полубригады сошлись в отчаянном штыковом бою с гренадерским полком Бенкендорфа [Волков 2025д: 108], в ходе которого ценный трофей был отбит гренадером Коневым [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 3. Д. 40. Л. 1об.].

Взятие и оборона Бергена сопровождались ожесточенным рукопашным боем. Значительной части русских войск удалось прорваться из города благодаря штыковой атаке под командованием генерал-майора Эссена. Но даже оказавшись в окружении, русские продолжали отчаянно сражаться штыками в домах и у церкви, где все либо погибли, либо попали в плен [Волков 2024а: 43].

В историографии особо выделяется исключительная интенсивность рукопашных схваток, развернувшихся в ходе сражения у Кастрикума 25 сентября (6 октября) 1799 г. Неоднократный переход деревни под контроль противоборствующих сторон стал следствием упорных и крайне напряженных штыковых атак [Воронов 1890: 29; Victoires, conquêtes, désastres 1818**:** 198]. Французский историк Э. Гашо откровенно пишет, что резня была такая, что: «Французская фурия повсеместно отвечала московской дикости; не имея патронов, солдаты перерезали друг другу горло штыками или ножами» (цит. по: [Gachot 1906: 291]). Критическая нехватка боеприпасов в финале сражения вынудила российские войска постоянно вступать в штыковой бой, чтобы купировать попытки противника прорвать оборону.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что кампания в Голландии дала возможность проверить на практике и положения пехотного устава 1796 г. Так, полковник Дубянский, описывая своё участие в сражении при Кастрикуме, упоминает, что, подойдя к деревне, один батальон он направляет, чтобы поддержать русские войска в населённом пункте, а сам же: «выстроил остальные два батальона в порядке ударил на кучугуры (крутые холмы — А.В.)

откуда выбив наступательную пальбою французов очистил немедленно правый фланг» (цит. по: [РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 77. Л. 27об.]). Полковник атакует крутую возвышенность, построив части в линию, ведя атаку так называемыми наступными плутонгами, и данная тактика приносит успех. Да и потом он в течение двух часов отбивается от противника чередуя подобные приёмы со штыковыми бросками [РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 77. Л. 28].

Характеризуя действия артиллерии, следует отметить, что вышеупомянутая нехватка лошадей имела самые печальные последствия для русских войск в целом и в особенности для артиллерии, поскольку именно из-за этого было потеряно большинство артиллерийских орудий в битвах при Бергене и Кастрикуме. В битве при Бергене из 12 орудий лишь 4 были захвачены или подбиты [Дубянский 1824г: 202], остальные войска не смогли эвакуировать, поскольку лошади были убиты, а сами пушки застряли в канавах и песке [НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 213. Л. 24; Милютин 1853: 349]. Всего к концу кампании потеряно 20 орудий и 21 зарядный ящик [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153. Св. 2. Д. 23. Ч. 9. Л. 8об.].

16 (27) сентября артиллерия была переведена под единое командование генерал-майора Капцевича [Волков 2025а: 151]. Централизация управления позволила существенно оптимизировать снабжение и повысить эффективность боевого применения артиллерии корпуса.

Отметим, что профессионализм русских артиллеристов проявился уже при штурме Бергена, когда 3 или 4 русских орудия подавили французскую конную артиллерию и расстроили своим огнём пехоту [Волков 2021а: 46], а затем при обороне города картечью дважды срывали французские штыковые атаки [Anonym 1802: 47].

В сражении при Алкмаре русские канониры метким огнём разбили французские батареи перед деревней Грут [Милютин 1853: 358; Дубянский 1824д: 246] и заставили замолчать артиллерию французского редута у деревни Схорл (14 пушек), после чего укрепление было взято штыковой атакой.

При Кастрикуме, несмотря на численное превосходство противника, 7 орудий под командованием майора Бастиана [Дубянский 1824д: 251] способствовали взятию деревни и отражению атак [Дубянский 1824д: 256]. 6 орудий, бывших с батальонами Дубянского, начали обстреливать картечью местность перед деревней и её левый край, что позволило гренадерским батальонам Штрика и Осипова ворваться в деревню и выбить из неё неприятеля [Дубянский 1824д: 259]. Уже во время отступления из деревни Кастрикум батарея поручика Рябикова картечным огнём в упор сдерживала наступавшего противника и дала возможность пехоте занять новые позиции.

Без сомнения, стоит обратить внимание и на высокую устойчивость русских войск в бою. В сражении при Бергене русские войска, начав атаку в 03:00 часа к 08:00 утра захватили город, пройдя 16 километров в тяжелейших погодных условиях, в практически постоянном контакте с лёгкими частями противника. Эта стойкость в тяжелейшем сражении отмечается даже в прессе [Санкт-Петербургские 1799б: 2018]. Кроме того, они выдержали хоть и скоротечные, но достаточно серьёзные бои с французами у деревень Грут и Схорлдам [Волков 2022б: 65]. В 08:30 началась контратака французских войск, в результате которой русские войска были выбиты из городка, но часть солдат во главе с командующим корпуса оказалась зажата в центре населённого пункта и продолжала отчаянно отбиваться примерно до 09:30 – 10:00 часов утра. Равно как и вырвавшиеся из города войска, отбиваясь от наступающего противника, к 10:00 достигли деревни Схорл [Волков 2022б: 67]. Таким образом, войска были в бою практически без перерыва 7 часов, пройдя за это время с боями свыше 20 километров по тяжелейшей местности, буквально «везя на себе» пушки и зарядные ящики, приняв участие в трёх ожесточённых схватках.

Не менее стойко вели себя русские войска и в битве при Кастрикуме. Начав атаку в 08:00 утра, взяв деревню Бакум и пройдя 4 километра через дюны, русские части отряда Седморацкого к 11:00 начали штурм самой деревни Кастрикум [Gachot 1906: 291]. Во французской армии эту атаку

назвали «блестящей попыткой» [Anonym 1800: 73]. Её взятие поставило к 13:00 армию Брюна в критическое положение [Gachot 1906: 292]. Именно поэтому, подтянув подкрепления, французы обрушили на 6 потрёпанных батальонов Седморацкого удар 11 батальонов пехоты при поддержке двух полков кавалерии и артиллерии, но русские вели упорный бой в течение трёх часов [Милютин 1853: 78].

Не изменило ситуацию и прибытие подкреплений Дубянского (3 батальона). С ним русские не имели даже равенства сил с противником. При этом полностью устранить угрозу центру своих позиций генералу Брюну удалось только к 17:00 [Gachot 1906: 293], а в общем бой закончился в 20:00. Вновь корпус героически сражается с численно превосходящим противником почти 12 часов. Высокие боевые качества противника признал сам генерал Брюн, командующий франко-голландской армией, в разговоре с пленным полковником Дубянским: «Мне лестно пред Вами сказать, господин бригадир, что русские солдаты дерутся как львы, но вместе с тем прискорбно видеть кровь, напрасно вами проливаемую с таким ожесточением и упрямством, коим нет примера: взгляните не холмы сии, усеянные трупами; ваши войска дозволяют прежде себя убивать, нежели сдаются пленными. И это за англичан, которые как вы сами видите, вашими руками жар загребают» [Дубянский 1824е: 293].

Конечно же, стоит упомянуть и о тех проблемах, которые имелись в войсках во время боя. К числу подобных слабостей русских войск относилась склонность солдат к беспорядочному преследованию противника после первых успехов, что имело двоякие последствия: с одной стороны, такое преследование часто приводило к полному разгрому врага, но с другой — создавало критический риск контратаки, поскольку преследователи сами оказывались в расстроенном состоянии. Показательным примером служит эпизод со сводно-гренадерскими батальонами полковника Дубянского. После успешной контратаки, опрокинувшей неприятеля, гренадеры бросились в погоню за бегущими французами, и полковник долго не мог их остановить

[Дубянский 1824д: 260]. Однако, когда солдаты всё-таки вернулись на позиции, части пребывали в беспорядке и были мгновенно опрокинуты контратакой свежей французской колонны, в результате чего полковник и часть солдат были взяты в плен.

В свою очередь, английские участники и историки удостоили русские войска в Голландии множеством весьма негативных оценок за якобы отсутствие в войсках способности поддерживать порядок, приводя в пример то расстройство, которое произошло в русских войсках во время ночной атаки в битве при Бергене 19 сентября 1799 г. Действительно, такой факт имел место, и он отражён как в воспоминаниях, так и в официальных рапортах русских участников сражения.

Во время ночной атаки по дамбе Слоппер-дейк на деревню Грут вследствие неразберихи, вызванной смешением полков и батальонов, управление войсками действительно оказалось потеряно, что британской стороной объясняется низким качеством русских войск и неспособностью офицеров навести порядок [Fortescue 1906: 673].

Однако расстройство войск было вызвано прежде всего незнанием наступающими местности и направления движения. Первая остановка атакующих произошла уже после взятия первой вражеской батареи, вторая — после захвата деревни Грут. В обоих случаях войска оказались в замешательстве, не зная дальнейшего пути, поскольку при колоннах отсутствовали как колонновожатые, так и просто проводники, а ориентиром служили лишь вспышки выстрелов противника. Окончательное расстройство, которое следует понимать как смешение различных частей в некую несформированную массу или массы, по всей видимости, произошло после взятия деревни Грут.

Именно здесь на первую линию русских войск в темноте наткнулась догнавшая её вторая. В этот момент солдаты стали разбредаться по разным направлениям: часть продолжала двигаться на Берген, а другая, ища выход на

более удобную почву, смещалась вправо, примыкая к подходящей справа колонне Баклановского [Милютин 1857: 48].

Свою лепту внесла и погода. Начавшись в темноте, наступление продолжилось в утренних сумерках под дождём и при сильном ветре. Этот ветер заглушал команды офицеров и сигналы барабанов, что ещё больше способствовало дезориентации.

Дальнейшее движение, вероятно, осуществлялось уже более или менее крупными, но неструктурированными группами солдат — «толпами в форме колонны». Подтверждением этому служит бой с французами в районе моста Схорлдамс, исход которого в пользу русских решила подошедшая уже после начала боя колонна генерала Германа, создавшая угрозу флангу противника.

И в отечественной, и в зарубежной литературе при описании данной атаки часто пишется об обстреле войск друг друга, причём причиной инцидентов с огнём по своим могло являться незнание русскими войсками униформы друг друга [Дубянский 1824в: 165]. Однако данное утверждение видится сомнительным, поскольку в тот день во время утренних сумерек (05:00 – 05:30 часов утра) стоял плотный туман и накрапывал дождь, и на дистанции в 50–100 метров различим лишь силуэт солдата, которые, за исключением гренадер, в противостоящих армиях были весьма похожи. При этом с улучшением освещённости после 06:00 – 06:15 случаи ошибочного огня по своим прекратились, и в дальнейшем подобные инциденты не упоминались.

Кроме того, оттесненные с позиций французские застрельщики не отступили: перегруппировавшись, они, вопреки сопротивлению егерей, прорывались к русским колоннам, обрушивая на них шквал огня. В густом ночном мраке завязалась беспорядочная перестрелка, в ходе которой русские солдаты, ведя ответную стрельбу и не видя целей, зачастую поражали собственных товарищей.

Однако возникшая сложная ситуация не означает, что русское командование не предпринимало никаких мер для восстановления порядка. Устройство войск, по всей видимости, началось уже при движении к

Схорлдаму с наступлением рассвета. При этом в ряде русских исторических работ указывается, что «расстройство» продолжалось в течение трёх часов [Военный энциклопедический 1838: 274].

Данное утверждение весьма близко к истине. Русские части начинают выдвигаться по дороге на Берген от деревни Грут «на заре», то есть ближе к 5 часам утра. Дубянский вспоминает, что утренний свет позволил увидеть всю невыгодность и неприятность положения [Дубянский 1824в: 163].

При этом до этого времени возможности устроить войска у русского командования объективно не было. Приводить в порядок части, сгрудившиеся большой массой на относительно небольшом участке местности в темноте, а затем в утренних сумерках, плотном тумане и находящиеся в перестрелке с противником, без сомнения, было обречено на неудачу.

По мере того, как войска сами или по команде (точно установить, по всей видимости, невозможно) начали движение в сторону Бергена, вернее, по дороге навстречу выстрелам неприятеля, командование корпуса начало пытаться устроить порядок хотя бы в части батальонов, что ему постепенно удавалось. Обратим внимание, что после того, как противник был отброшен от местечка Схорлдам, преследование вели авангард — полк Арбенева и егеря Сутгофа [Gachot 1906: 291]. Однако полк Арбенева — часть войск второй линии, а значит, к тому моменту относительный порядок был уже наведён и появилась возможность выделять отдельные собранные части для ведения боевых действий. Причём к моменту начала развёртывания русских войск для атаки Бергена (ближе к 08:00 утра) полки и батальоны уже выстраивались в боевые линии по подразделениям [Волков 2022б: 65]. Без сомнения, если бы войска не были в порядке, захватить простой «толпой» Берген, обороняемый ненамного меньшим по численности противником, было бы невозможно.

Одновременно с этим были предприняты и мероприятия по сбору отставших. Тот же полковник Дубянский был «командирован» на высоты с целью сбора рассеявшихся солдат [Дубянский 1824г: 200].

Причём собирать войска он будет достаточно долго, порядка двух часов, двигаясь в сторону Бергена, в который он войдёт уже вместе с русскими войсками во время штурма. Отметим, что для таких сборов была отправлена не только рота полковника Дубянского. Именно такой отряд «отставших» в дальнейшем сыграет весьма важную роль в сражении.

О том, что усилия по водворению порядка в войсках и сбору отставших велись во время всего наступления к Бергену, свидетельствует рапорт поручика Соломона Мартынова из полка генерал-лейтенанта Жеребцова [РГВИА. Ф.29. Оп. 153б. Св. 5. Д. 23. Ч. 5. Л. 6–7]. В частности, из рапорта следует, что после взятия батарей французов у Схорлдама, по поручению генерал-майора Эссена, полковник Языков должен был организовать сбор отставших солдат с целью вести их к Бергену «в сикурс» [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 5. Д. 23. Ч. 5. Л.6об.].

Однако полковник, уже контуженный в правую ногу, и назначил капитанов Трипольского и Есанова, а также поручиков Бранта и Мартынова для сбора отставших, которых набралось до 400 человек [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 5. Д. 23. Ч. 5. Л. 6–7].

Данный отряд прибыл к городку как раз в тот момент, когда русские войска пошли на прорыв, и, встреченный офицерами, генерал-майор Эссен приказал им, взяв одну пушку, контратаковать неприятеля. Отряд, разделившись на три части, двинулся к городу, который с левого фланга уже отрезали вражеские стрелки [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 5. Д. 23. Ч. 5. Л. 6]. Левый фланг контратаки возглавил капитан Трипольский, правый — Есанов, а по центру шли капитан Брант и поручик Мартынов [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 5. Д. 23. Ч. 5. Л. 7]. Правый фланг отряда ударил с такой яростью, что вражеская пехота побежала [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 5. Д. 23. Ч. 5. Л. 7]. По всей видимости, сводный отряд прорвался почти до городского кладбища, так как офицеры видели, как в плен попал генерал-лейтенант Герман. Но численность противника всё возрастала, и продвинуться дальше не было никакой возможности. Офицеры, сформировав арьергард, стали прикрывать

отступление разбитого корпуса [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 5. Д. 23. Ч. 5. Л. 7].

Причём, не имея патронов, арьергард, теряя людей, отбивался штыками, но отражал атаки неприятеля [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 5. Д. 23. Ч. 5. Л. 7]. Сам поручик был дважды ранен и контужен ядром уже у деревни Схорл, где от плена храброго офицера спасли английские солдаты. В том же бою в плечо был ранен поручик Брант [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 4. Д. 46. Л. 2], но он остался в строю. Можно только сожалеть, что в критический момент боя французов атаковало всего 400 человек, а не 2 000 англичан из бригады генерал-майора Маннерса.

Вместе с этим обратим внимание, что отряд, собранный из отставших, и без сомнения, уставших и измотанных солдат, без боеприпасов не только проводит героическую атаку, но и затем в течение часа сдерживает натиск во много раз превосходящих сил противника, что бесспорно свидетельствует о высоких боевых качествах и устойчивости русской пехоты. Сами французы оценивают сопротивление русских в Бергене как сильнейшее [Casse 1870: 19]. Наградные документы свидетельствуют о том, что русские солдаты и офицеры воевали храбро.

В своём рапорте о сражении при Алкмаре генерал-майор Эмме упоминал и об отличившихся офицерах. Засвидетельствована храбрость и неустрашимость командира сводно-гренадерского батальона майора Митюшина [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 4. Д. 46. Л. 3]. Отмечены были и заслуги майора Мухина, командовавшего в сражении при Бергене отрядом в 300 егерей, входивших в авангард главной колонны, и капитана Алексинского того же егерского полка Сутгофа [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 4. Д. 46. Л. 3–3об.]. Капитан Миронов из этого же полка, грамотно командуя ротами, способствовал взятию нескольких батарей и преследовал неприятеля до Бергена, где был ранен двумя пулями и взят в плен, и уже там ему пришлось ампутировать руку [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 4. Д. 46. Л.10–10об.].

Капитан Шатилов из гренадерского полка Эмме во главе 30 своих

«охотников» в битве при Алкмаре решительно бросился на численно превосходящих вражеских стрелков, укрывшихся в небольшом леске и наносивших большой вред русским колоннам, выбил их из него, чем обеспечил устойчивость правого фланга и возможность успешного штурма вражеских батарей [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 4. Д. 46. Л. 3].

Отличился в кампании и унтер-офицер Маслов из сводно-гренадерского батальона майора Огарёва, который в сражениях 21 и 25 сентября (2, 6 октября) проявил «храбрость и ревность», «отличал себя везде и даже заступал места офицерския, показывая сим мужественной пример подбодряя прочих» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 4. Д. 46. Л. 8]).

О храбрости русских офицеров свидетельствует и то, что многие, будучи ранеными, оставались в строю. Так, картечью в правую руку был ранен майор Ф.Е. Цедельман [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1252. Л. 7] из гренадерского полка Жеребцова; майор И.Н. Муравьёв из полка Седморацкого был ранен в левую ногу при Бергене [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1324. Л. 6]. Некоторые были ранены дважды. Например, поручик того же полка П.И. Мариевирд, кавалер ордена Святой Анны 3-й степени, был под Алкмаром ранен картечью в левую ногу, а в сражении при Кастрикуме получил контузию в живот [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1324. Л. 58]; а штабс-капитан А.Л. Полл того же полка при Кастрикуме был ранен «в обе ляжки сквозным ранением» [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1324. Л. 74].

К сожалению, имелись офицеры, которые вели себя постыдно, бежав с поля боя. Такой поступок совершил генерал-майор Арбенев, который приказом от 24 октября 1799 г. был исключён из службы с позорной формулировкой: «за трусость оказанную в сражении против неприятеля, где он оставя вверенный ему полк сам удалился за 40 верст от места сражения» (цит. по: [Всевысочайшие приказы 1799: 275]). В одной и той же части были офицеры, которые сражались, не щадя своей жизни, и те, кто уклонялись от боя. В полку Жеребцова позором покрыл себя поручик Хартлинг, а в сводно-гренадерском батальоне Митюшина — поручик Ластушкин1-й [Егоров 1996:

40]. Однако эти случаи были единичными и не отражали общей картины службы русского офицерского корпуса в Голландии.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что, несмотря на тяжёлое поражение, пленение командующего и общее уныние в войсках, русские солдаты восстановились достаточно быстро и уже менее чем через две недели после поражения корпус успешно сражался в новой битве.

Во многом это стало возможно благодаря усилиям нового командующего корпусом, генерал-лейтенанта Эссена, который сумел быстро восстановить в войсках и дисциплину, и боевой дух. Военный профессионал, генерал Эссен прямо называл причины произошедшего расстройства войск. В приказе от 12 (23) сентября он писал: «К большому стыду нашему столь мало царствует порядок и военная дисциплина в корпусе войск наших, что я принужден буду принять наистрожайшие меры. Солдаты оставляют в марше свои батальоны. Они и остаются позади для гнусного грабежа. Пришедшие в селения расходятся, опустошают сады и грабят дома жителей, нам преданных и расположенных давать нам всё нужное добровольно» (цит. по: [Егоров 1996: 41]). Полковнику Кербицу, исполнявшему обязанности старшего русского начальника в Гальдере, поступило предписание незамедлительно разыскать всех русских офицеров и нижних чинов, оказавшихся там после сражения, и организовать их отправку на подводах на позиции [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 2].

Без сомнения, поражение, даже для самых стойких войск, неизбежно влечет за собой смятение, и для восстановления порядка порой требуются решительность. В этой ситуации генерал Эссен применил комплекс мер: с одной стороны, жесткие, но оправданные наказания за нарушения дисциплины (всего, правда, около десятка за всю кампанию), зафиксированные в приказном журнале; с другой — обращение к русской воинской чести, призывая «смыть позор поражения с императорских орлов». В пример ставились части, сохранившие дисциплину, как, например, гренадерский полка Эмме (правда, в бою у Бергена сентября он не участвовал).

Однако самым важным было то, что войска наконец получили отдых, а благодаря титаническим усилиям штаба корпуса было налажено снабжение войск, проявлялась забота о раненых и больных. Подошли подкрепления и оставшаяся артиллерия, что тоже положительно повлияло на боевой дух. Всё это дало желаемые плоды: уже 21 сентября (2 октября), менее чем за две недели, корпус вновь был готов к бою.

Отдельного внимания заслуживают обвинения в адрес русских солдат, касающиеся грабежей и притеснений местных жителей во время Бергенской баталии. Поскольку эти события стали дестабилизирующим фактором в отношениях между союзными державами, их подробное рассмотрение будет представлено в последующей части диссертации.

В ходе Голландской кампании русская армия проявила себя как значимый противник для французских сил. Её боевые качества, включая выучку, дисциплину и самоотверженность, были сопоставимы с таковыми у противника, что обеспечивало упорную борьбу за победу.

В тактическом отношении российские войска применяли современные на тот период методы ведения боя, адаптируя их к сложным условиям местности. Они демонстрировали гибкость в использовании различных боевых порядков: колонн, линейных построений и рассыпного строя. Русские егеря успешно противостояли лёгкой пехоте противника.

Тактика войск характеризовалась агрессивной манерой ведения боя, часто переходящей в интенсивные рукопашные схватки. В условиях неблагоприятной погоды, на незнакомой территории и против неизвестного противника русская пехота демонстрировала традиционное упорство в оборонительных действиях и решительность в наступлении, сражаясь до полного исчерпания сил. Свои лучшие боевые качества проявила и русская артиллерия, выказав высокий уровень подготовки. Артиллеристы эффективно поддерживали пехоту огнём и одерживали верх в огневых дуэлях с численно превосходившей их артиллерией противника.

В целом, на поле боя войска продемонстрировали высокую управляемость, дисциплину и стойкость перед лицом противника, а также готовность к продолжению борьбы даже после значительных неудач. Русский офицерский корпус в подавляющем большинстве случаев проявлял традиционную храбрость и высокий военный профессионализм, служа личным примером для солдат. Неудача же в сражении при Бергене объясняется объективными факторами, в первую очередь недостаточной подготовкой к сражению и ненадёжным поведением союзных войск, а не низкими боевыми качествами или недисциплинированностью русских подразделений.

3.2. Влияние межсоюзнических отношений на ход кампании в Голландии

Анализ динамики отношений между русским и английским контингентами требует учета специфики условий, в которых проходила кампания.

Прежде всего, союзные войска составляли единую военную группировку под английским командованием, что, без сомнения, является одной из форм взаимодействия армий во время коалиционной войны. Как уже указывалось, заключённая Конвенция предусматривала подчинение русского корпуса распоряжениям командующего экспедицией, но он сохранял свою военно-административную независимость и управлялся своими старшими офицерами.

При этом единого штаба, в работе которого принимали бы участие на постоянной основе как британские, так и русские офицеры, создано не было. Взаимодействие командующих осуществлялось через Военный совет, личные встречи, но в большей степени — посредством многочисленной переписки по каждому вопросу, что существенно бюрократизировало, формализировало и чрезвычайно усложняло процесс взаимодействия.

К числу вопросов, по которым наиболее активно взаимодействовали союзники, стоит отнести: устройство тыла русских войск, в том числе снабжение частей продовольствием, обустройство госпиталей, поддержание

порядка в войсках по отношению к местному населению и, наконец, разработку военных планов. Хотя русский командующий и имел право голоса на Военном совете, решающее слово было за герцогом Йоркским, и русский корпус в военном отношении имел непосредственное подчинение британскому командованию и полностью зависел от принимаемых им решений [Военный энциклопедический 1838: 402].

Также и об участии русских в каких-либо политических процессах в Голландии речь не шла совершенно. По всей видимости, британское военное командование воспринимало русский корпус прежде всего как силу, которая должна нести значительную военную нагрузку, но при использовании которой приходится учитывать внешнеполитический фактор — императора Павла I. Без сомнения герцог был извещён лордом Гренвиллом о внимательном отношении императора к вопросу состояния и боевого использования русских войск. Не зря после поражения в первой битве при Бергене герцог напишет в конфиденциальном письме тому же лорду Гренвиллю: «Я, насколько это возможно, старался избегать в своей депеше высказываний против поведения русской армии, зная, какие последствия это повлечет в отношении хорошего настроения императора, и если вы посчитаете, что в письме есть какие-либо выражения, слишком резкие или которые могут оскорбить его, сделайте мне одолжение, измените их до того, как они будут опубликованы» (цит. по: [Волков 2022в: 182]).

И такая позиция вполне обоснована, поскольку посол Британии в России Уитворт в своих письмах не раз упоминал озабоченность императора выстраиванием военного взаимодействия между русскими и английскими войсками докладывая, что в беседах с Павлом I он постоянно указывал: «Во всяком случае Его Императорское Величество может положиться, что войска его никогда не будут в такой службе, которая не сообразна мыслям уже сообщённым Его Императорскому Величеству и в которой Королевския войска находиться не будут и честь и безопасность Российских войск всегда защищаемы будут» [цит. по: ГММС. Ф. «Рукописи и документы». Л. 37об.].

Другой внешнеполитической проблемой являлась реакция Австрии на высадку в Голландии, выразившаяся в уходе войск эрцгерцога Карла из Швейцарии на нижний Рейн с восстановлением контроля над бывшими австрийскими владениями в Бельгии [Лапонов 2001: 65].

Следствием этого манёвра явилось поражение оставленного в Швейцарии русского корпуса генерал-лейтенанта А.М. Римского-Корсакова, что едва не привело к гибели войска Суворова во время его знаменитого Альпийского похода. Всё это усложнило для Англии и без того нелёгкие отношения с Австрией и сделало Россию практически единственным союзником, которого нельзя было потерять.

При этом и внутриполитическая ситуация в королевстве также была неоднозначной. В британском парламенте была достаточно активная, хоть и немногочисленная, группа оппозиционных депутатов, с которыми правительству приходилось искать компромисс по многим политическим вопросам: от заключения союза с Россией до организации и финансирования самой экспедиции. Их недовольство правительством, по мере ухудшения ситуации в Голландии всё возрастало. Уже после провала экспедиции правительство подверглось жесточайшей критике на парламентских дебатах в феврале 1800 г., где партия вигов обвинила его в некомпетентности и плохой подготовке дорогостоящего похода [Лапонов 2001: 69–71].

Оценка союзниками друг друга на начальном этапе кампании определялась отсутствием исторического опыта совместных операций или прямого военного противостояния, в силу чего для британского командования боевые возможности русской армии оставались загадкой [Limm 2014: 130].

На практике произошло объединение двух типов сил: российские подразделения обладали богатым боевым опытом, тогда как многие британские части были фактически созданы заново и слабо обучены. В то же время и среди самих британских военных восприятие русских союзников было неоднозначным, но, по всей видимости, всё-таки они рассматривались именно как союзники. По крайней мере, среди военных документов и отчётов того

периода каких-либо намёков или прямых указаний на то, что русских воспринимают как «наёмников», не прослеживается.

Согласно архивным данным, командование русского корпуса требовало от подчиненных воспринимать британцев как «высокосоюзников Государя Императора» и выстраивать взаимодействие исключительно в интересах «общесоюзной пользы» [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 23. Ч. 3. Л. 24об.].

Причём это была целенаправленная политика. Во время перехода в Голландию в русской дивизии, следовавшей на английских кораблях, непрестанно следили, чтобы между флотскими и армейскими чинами, особенно английскими и русскими «начальствующими», царствовала «искренняя и взаимная дружба», и чтобы и офицеры, и солдаты, и матросы «взирали на сие как на способ которой утвердит успех всех соединённых действий противу общаго неприятеля» [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 6].

Точно охарактеризовать настроение солдатской массы русского корпуса достаточно сложно. За весь переход русских войск на британских кораблях из Ревеля в Голландию произошёл единственный конфликт русского гренадера и британского матроса из-за раскуривания трубки, при котором русский произнёс: «Год дем, мы за вас идем драться, а вы нам трубки табаку раскурить не даете» [цит. по: НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 213. Л. 13об.]. Несмотря на ответные агрессивные действия британца, который обварил русскому лицо, гренадер сдержался и доложил по команде. За свой проступок матрос был наказан в соответствии с уставом Королевского флота.

Однако вывод о том, что этот случай демонстрирует враждебность между союзниками [Егоров 2023: 252], кажется, не совсем верным. Очевидно, что если бы такую фразу произнёс офицер, то её смыл, был бы понятен, но такое произносит неграмотный солдат, и данное выражение может означать, в том числе, и готовность защищать кого-то, то есть наоборот, солдат, возможно, пытался подчеркнуть, что русские и англичане — союзники.

В то же время русский полковник А.Я. Дубянский в своих

воспоминаниях прямо пишет о настроении в войсках: «единственном прямодушном намерении водворить спокойствие в землях древних торговых друзей России и возмездие присоединить остров Мальту к своей державе», в то время как, по его мнению, британцы хотели захватить голландский флот и «…для совершенного искоренения с оным богатейшей коммерческой конторы всей Европы» [цит. по: Дубянский 1824а: 54–55].

Впрочем, оценивая дальнейшие действия англичан, Дубянский замечает, что сухопутные начальники после капитуляции флота действовали «не с таковым напряжением, храбростию и безпристрастием, каковы сродни были союзникам их, Россиянам» (цит. по: [Дубянский 1824а: 55]). Собственно, он же и писал, что известие об успешной высадке генерала Аберкромби вскружило английским морским офицерам голову и даже капитан корабля уверял, что теперь британцы справятся и без своих русских союзников и сокрушался о потраченных миллионах фунтах [Дубянский 1824б: 114]. Обратим внимание, что полковник очень снисходительно уточняет: «Подобное рассуждение простительно гордости Английскаго морехода» (цит. по: [Дубянский 1824б: 114]). Без сомнения, он видел в словах морского коллеги лишь поверхностное понимание ситуации.

Вместе с этим британцы отмечали, что русские солдаты и офицеры были уверены в своём превосходстве в военном деле над остальными армиями. Генерал-майор Банбери писал позднее: «Павел, казалось, никогда не сомневался в превосходстве своих грубых солдат над солдатами Западной Европы. Он ожидал, что его русские одержат победу, если им представится возможность сразиться, как само собой разумеющееся» (цит. по: [Bunbury 1854: 40]).

В мемуарах военного хирурга Эдварда Уолша подчеркивается, что выучка и облик русских солдат свидетельствовали об их сугубо боевом предназначении, исключавшем стремление к внешним эффектам [Walsh 1800: 44]. В свою очередь, лейтенант Френсис Мол отмечал, что прибытие русских союзников вселило в британцев уверенность в грядущей победе, особо

выделяя храбрость, присущую русским воинам так же, как и всему их народу [Maule 1816: 145]. Историки, как российские, так и зарубежные, единодушны в том, что битва при Бергене 8 (19) сентября 1799 г. стала переломным моментом в истории союза [Limm 2014: 128]. Если на старте кампании стороны демонстрировали сдержанную лояльность, то к её финалу, как отмечает Смирнова, неприязнь начинает нарастать всё больше и больше [Смирнова 2015: 108].

Уже на стадии подготовки к баталии при Бергене проявились негативные тенденции, которые способствовали возникновению кризиса в межсоюзнических отношениях. Прежде всего, на Военном совете герцог просто предложил уже разработанный им план, хотя выработать его должен был именно совет. Подробности встречи неизвестны, но план сражения был поддержан, в том числе и генералом Германом [Fortescue 1905: 426–427].

Согласно диспозиции, союзная армия численностью 33 000 человек должна была проводить сразу две сложные операции: фронтальный удар и глубокий обходной манёвр с выходом в правый фланг и тыл франко-батавской армии. Этот манёвр должен был растянуть силы французов, ослабить их левый фланг и центр, что давало возможность остальной армии прорвать позиции противника и нанести ему поражение [Piechowiak 1962: 188]. Успех всего сражения зависел от английской обходной колонны численностью в 10 000 человек, которая была призвана приковать к себе внимание противника и все слаженные движения остальных войск должны были регулироваться её наступлением [Bunbury 1854: 51].

По утверждённому плану, Первое отделение под командованием генерала Германа включало в себя британские и русские подразделения: бригаду генерала Маннерса (3 батальона), конноартиллерийскую батарею, а также 7-й полк легких драгун под командованием лорда Г. У. Пэджета [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 26. Л. 19]. В состав Второго отделения, возглавляемого генералом Дандасом, вошел отряд Седморацкого, состоявший из трех батальонов, егерской роты и четырех орудий [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б.

Св. 2. Д. 26. Л. 19]. В ходе сражения части Седморацкого при содействии британской гвардии решительно атаковали деревню Варменгейзен, в результате чего населенный пункт был взят, а противник потерял 700 человек пленными и 3 орудия. Герцог Йоркский отразил этот успех в своем донесении Павлу I. В отличие от Маннерса и Пэджета, действия которых и русскими и их противниками расценивались как оставление союзников на поле боя, Седморацкий в точности следовал распоряжениям английского командования [Krayenhoff 1832: 350].

Вынужденный признать очевидное, британский генерал Банбери позже отметит: «Если бы был резерв, свежий и в хорошем состоянии, битва была бы выиграна. Но не было ничего, кроме массы растерянных людей. С такими людьми нечего ожидать победы над активными и умелыми французами, воюющими на своей земле» (цит. по: [Bunbury 1854: 15]).

Общие потери союзного контингента превысили 4 тысячи человек. Основная часть пришлась на русскую армию: безвозвратные потери составили 43 офицера и генерала, а также 1 749 нижних чинов; еще 50 офицеров и 1 225 рядовых получили ранения. Суммарные потери русских сил достигли 3 057 человек, при этом в плен был захвачен командир корпуса генерал Герман. Кроме того, войска лишились 12 орудий и двух знамен. Британский же корпус потерял значительно меньше — 1 116 солдат и офицеров.

После сражения герцог Йоркский оказался в сложной ситуации. Ему предстояло объяснить тяжёлое поражение парламенту, ведь кампания потребовала от правительства таких огромных усилий и затрат, что её провал неизбежно стал бы козырем в руках политических оппонентов кабинета. В сложившихся обстоятельствах требовалось найти причины провала, не связанные с действиями Лондона, и в этом контексте русский корпус представлялся наиболее подходящим объектом для возложения ответственности за поражение.

С другой стороны, и для императора Павла I потребуются объяснения поражения и больших потерь русских войск, что придётся делать, коррелируя

с версией для парламента, но при этом её изложение не должно вызывать раздражение монарха. Наконец, необходимо было выстроить отношения с новым командующим русского корпуса генерал-лейтенантом Эссеном (чин генерал-лейтенанта был присвоен И.Н. Эссену 8 (19) сентября, в день битвы при Бергене — А.В.) и определиться, как вести кампанию дальше.

Однако герцог Йоркский, прежде всего в силу своего характера и абсолютной веры в собственную непогрешимость, как это уже было в кампании 1793 г., не стремился детально проанализировать сражение и не пытался выявить истинные причины неудачи. Он просто возлагает всю вину за поражение на русских, не считая ни себя, ни британские войска виновными в поражении [Limm 2014: 128]. Эту точку зрения герцог изложил в письме Военному секретарю Дандасу уже на следующий день после сражения, подкрепив своё утверждение рапортом капитана Г. Тейлора, секретаря герцога, который был при штабе генерала Германа во время атаки. Фактически эти два документа и станут каноном «британской» версии событий битвы и оценки боевых качеств русских войск [Волков 2022в: 182–186]. Однако достаточно скоро появилась информация, что пленный генерал Герман якобы написал письмо императору, в котором вину за поражение русского корпуса возложил на британское командование [Fortescue 1905: 425]. Кроме того, рапорты герцога в Британии, даже в стенах правительства, вызвали множество вопросов. И хотя, например, тот же У. Уидхем, Военный секретарь правительства, не возражая против утверждения о низком качестве солдат русского корпуса, отмечал, что рапорты герцога не дают ответа на неизбежно возникавший вопрос: «...не были ли русские слишком быстрыми или мы слишком медленными? В конце концов, был ли хорош план атаки?» [Fortescue 1905: 432].

В донесении, направленном Павлу I, герцог объяснял поражение чрезмерным пылом русских солдат, а также тем, что захват в плен генерала Германа внёс хаос в управление войсками [Милютин 1853: 59]. В свою очередь, Георг III, выступая на открытии сессии парламента и отмечая

мужество русских, главной причиной отступления назвал острую нехватку боеприпасов [Санкт-Петербургские 1799в: 2079–2080]. Несмотря на разницу в аргументах, логика обоих выступлений была идентична: в конечном счете вина за провал операции перекладывалась на российскую сторону.

При этом на Петербург обрушился буквально град различных писем, в том числе и от капитана Попхэма, писавшего, видимо, как напрямую императору, так и высшим российским сановникам. Эти письма отражали «парламентскую» версию событий и постепенно вызывали раздражение русского двора [Вести из России 1876: 89–90].

Причиной этого стало то обстоятельство, что по мере того, как поступали новые сведения, в том числе от российских участников сражения и даже от их противников, британская версия в Петербурге воспринималась со всё большим скептицизмом, и первоначальное раздражение уступило место недоверию лондонской интерпретации произошедших событий. Это, в свою очередь, породило множество вопросов о роли британского командования, включая отсутствие поддержки русских войск со стороны союзников [Вести из России 1876: 90].

Но изначально Йорк добился обратного эффекта, и император обратил свой гнев на армию. 24 октября 1799 г. всем полкам и батальонам, участвовавшим в битве при Бергене, был отменен барабанный сигнал («бой») «Гренадерский поход» [Всевысочайшие приказы 1799: 275]. Полку Завалишина[1] потерянное знамя не было заменено новым [Всевысочайшие приказы 1799: 275].

Герцогу Йоркскому, вкупе с графом Воронцовым, уже после провала экспедиции, поскольку русские войска по-прежнему были нужны Британии, пришлось несколько раз настойчиво обращаться к императору, теперь уже восхваляя мужество и храбрость русских солдат. В результате незаслуженные наказания были сняты только в феврале 1800 г. [Всевысочайшие приказы

[1] С 13 сентября 1799 г. генерал-майор И.И. Завалишин был назначен шефом Таврического гренадерского полка вместо генерала от инфантерии Х.И. Бенкендорфа.

1799: 43].

Ещё сложнее ситуация складывалась при взаимодействии с новым русским командующим. Официально генерал-майор Эссен был представлен герцогу Йоркскому как новый командующий русского корпуса 9 сентября 1799 г. Генерал, будучи военным профессионалом, откровенно пишет императору, что он не политик: «...я вовсе не имею понятия о делах политических: в бумагах Германа я не нашёл никаких указаний относительно воли В.И.В. по предметам политическим» [Милютин 1853: 375].

При этом британское командование на данном этапе пыталось, по крайней мере внешне, поддержать русских союзников, свидетельством чему является приказ герцога от 9 (20) сентября, в котором высказывались сожаления по поводу потери многих храбрых солдат и офицеров и особенно акцентировалось на смелости атаки на правом фланге, «достойной высокой репутации, которую снискали войска Его Императорского Величества» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 1. Л. 4]). В том числе в приказе говорилось: «Русские солдаты и офицеры могут рассчитывать, что Его Королевское Высочество позаботится, чтобы удовлетворить их нужды и проследит за их благополучием в любом случае, как со своими собственными войсками» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 1. Л. 4об.]). Однако в то же самое время, по воспоминаниям Банбери: «Его преемник в командовании русскими, генерал Эссен, не обладая большими военными способностями, был лживый интриган и недоброжелателен к англичанам. С другой стороны, герцог Йоркский питал неприязнь к русским. Он высмеивал их за своим столом, говорил о них пренебрежительно и слишком громко» (цит. по: [Bunbury 1854: 23]).

Скорее всего, герцог осознавал необходимость выстраивания гармоничных отношений между тремя национальностями, составлявшими его армию, и вёл публичную переписку в дипломатических тонах, но его личное отношение к союзникам вызывало разногласия между ними [Ball 2017: 29], и

такая позиция и оценка действий русских войск весьма быстро распространились среди генералитета и штаб-офицерского состава армии.

Важно учитывать, что, по мнению британского историка Лимма, оценки британских военных о русских войсках, как в Бергене, так и в других сражениях, были субъективны. Они основывались не на личных свидетельствах, а на основе чужих рассказов [Limm 2014: 128].

В итоге в британской армии русские получили устойчивую репутацию «ненадёжных союзников». Англичане критиковали их за слабую дисциплину, некомпетентность офицерского состава, а также за грабежи и насилие в отношении местного населения [Tupper 1847: 11–12]. Русская сторона, в свою очередь, обвиняла англичан в пренебрежении обеспечением корпуса необходимыми припасами, в стремлении поручать русским войскам самые опасные и кровопролитные задания, а также в отсутствии поддержки в критические моменты сражений.

Последнее утверждение имеет под собой веские основания. Как уже ранее указывалось, в сражении при Бергене в состав русской колонны генерала Германа входила бригада генерал-майора Маннерса (см. Приложение 4), которая, следуя первоначально в хвосте русской колонны, миновав плотину Слоппер-дрейк и деревню Грут и попав под огонь небольшого отряда французских стрелков, свернула влево к деревне Схорлдам [Милютин 1853: 50]. При этом бригада под прицельным огнём французов медленно пробиралась по польдерам и наконец даже попыталась атаковать противника в штыки, в результате чего пришла в совершенное расстройство [Letters and Journals 1881: 37–38]. Более того, французские стрелки постепенно обтекали скучившиеся батальоны бригады с флангов и даже зашли им в тыл [Letters and Journals 1881: 38]. В итоге англичане считали, что их окружили намного превосходящие силы противника, и от плена их спасло только то, что французы не знали, сколько британцев было на самом деле [Letters and Journals 1881: 38]. И всё это генерал делает в прямое нарушение имевшихся приказов,

не только не согласовав, но и даже не поставив русское командование в известность о своих действиях.

Бригаду выручило только своевременное прибытие русских частей генерала Седморацкого и английских подразделений, которые отогнали французов. В итоге англичане «сражались» таким образом около двух с половиной часов, полностью растеряв остатки боевого духа и расстреляв боеприпасы. И хотя бригада в конце сражения будет участвовать в бою за деревню Схорл, её отсутствие под Бергеном стало фатальным для русского корпуса.

Другое английское подразделение — 7-й полк лёгкой кавалерии под командованием лорда Педжета, также двигаясь позади правофланговой русской колонны полковника Баклановского, не торопясь прибыл к деревне Схорл, где оставался, пытаясь «оценить обстановку» [Journal Kept 2014: 160]. Бездействие полка продолжалось достаточно долго, и примерно в 09:00 утра к нему присоединился капитан Тейлор [Journal Kept 2014: 161]. Именно он обратился к лорду Педжету с просьбой отвести 7-й полк в тыл, за пределы видимости русских войск. При этом он дал понять, что теперешнее положение полка не позволит оказать какой-либо существенной помощи, и сообщил, что русские войска потерпели полное поражение [Journal Kept 2014: 161].

Получив это известие, полк немедленно переместился на возвышенности, откуда драгуны видели отчаянное сражение отступающих русских сил. Наконец Педжет скомандовал отступление, заявив, что «не намерен жертвовать им (полком — А.В.) бесцельно» (цит. по: [Journal Kept 2014: 162]). Стоит отметить, что в своем рапорте герцогу Йоркскому капитан Тейлор никак не упоминает эту встречу.

Интересно, что майор того же 7-го полка, Хасси Вивиан, впоследствии объяснял бездействие полка во время битвы «неудобной для маневрирования местностью» [Vivian 1897: 51], на которой в то же время сражались русские казаки, французские конные егеря, драгуны и даже конная артиллерия. При этом в битве при Алкмаре, полк, несмотря на действительно неудобную

песчаную местность, будет храбро вести себя, прикрывая британские войска. Фактически драгуны просто дезертировали с поля боя. Роль капитана Тейлора во всей этой ситуации выглядит весьма спорной. Французский историк Гашо утверждает, что Тейлор должен был по приказу генерала Германа привести бригаду Маннерса и боеприпасы [Gachot 1906: 260]. Сам Герман, будучи в плену, обвинил британцев в том, что они не поддержали его войска, что может служить косвенным подтверждением версии Гашо [Волков 2022а: 61].

Однако, согласно рапорту самого Тейлора, за подкреплением к герцогу Йоркскому его отправил Эссен уже после прорыва из Бергена [Fortescue 1905: 421]. Лейтенант Хант из 7-го полка утверждает, что Тейлор появился в районе 09:00, в то время как Эссен начал прорыв только после 09:00 [Волков 2022б: 66], что ставит под сомнение версию Тейлора. Вероятно, Тейлор покинул Берген до начала атаки. Даже если Эссен посылал Тейлора за помощью, о чем он сам не упоминает, логичнее было бы поручить ему найти бригаду Маннерса, которая должна была быть где-то недалеко в тылу, а не ехать к герцогу Йоркскому. Вместо этого Тейлор оказался в штабе герцога: он не только не нашел бригаду, но и спровоцировал отступление конного полка, который мог бы повлиять на исход боя. Уже после сражения в английской военной среде утвердилась версия, что русский корпус наносил «главный удар», что не подтверждается ни диспозицией, ни рапортами как самого герцога, так и его русских союзников [Волков 2022б: 63]. Герцог Йоркский с 03:00 утра не предпринял никаких действий для помощи русским войскам. Его медленное наступление на противника позволило французам разбить русский корпус к 11:00, когда колонна генерала Дандаса, которая должна была поддерживать русские войска и при которой находился сам герцог, наконец вышла к Алкмарскому каналу.

В своём рапорте императору Павлу I генерал Эссен прямо писал: «...расстреляв притом все картузы и патроны, наступательно действовать против многочисленного неприятеля, обратившего почти все силы против нас, бывших на правом фланге у союзников, которые положили атаковать с нами в

одно время, но опоздали двумя часами, а по каким причинам то мне неизвестно, что много воспрепятствовало одержанной над неприятелем победе. Из сил выбившееся от усталости войско, имевшее только штыки для своей обороны стало отступать без порядку» (цит. по: [Санкт-Петербургские 1799а: 1993]). Это поведение со стороны британцев было настолько очевидно, что даже французы открыто заявляли, что поражение русского корпуса явилось следствием отсутствия поддержки со стороны англичан [Милютин 1853: 350].

Похожую ситуацию мы наблюдаем и в битве при Кастрикуме. В частности, в своём донесении императору генерал Эссен сообщает: «...английская колонна, назначенная для прикрытия нашего фланга не двинулась... в половине второго часа превосходный числом неприятель, чувствуя важность занятых нами возвышенностей, устремил на них все свои силы и, видя наш правый фланг без защиты, окружил его» (цит. по [Егоров 1996: 40]). Лишь после неоднократных обращений, переросших в ультимативные требования со стороны Эссена, английский контингент под командованием Аберкромби выдвинулся на поддержку союзников. Однако предпринятые меры оказались несвоевременными: их хватило лишь для выравнивания линии фронта, тогда как шанс на победу в данном сражении был окончательно утрачен. Эссен в своём рапорте после битвы напишет: «Я должен употребить всевозможную осторожность, чтобы не подвергать опасности войска В.И.В.; ибо Англичане всегда готовы их выставить, вперёд не заботясь о поддержании оных» (цит. по [Милютин 1853: 374]).

При этом никто из английских военных не понёс никакого наказания за свои действия [Волков 2025б: 109]. Более того, постоянное указание на неспособность русских войск к боевым действиям вызывало законное раздражение в русской военной среде.

Невозможно обойти стороной и тему «чрезмерного рвения» русских войск и «расстройства войск» при осуществлении атак. При этом под «рвением» стоит понимать нарушения русскими войсками приказов

британского командования, а также самостоятельные активные действия, не согласованные с союзниками.

К числу таких событий стоит отнести, конечно же, утреннюю атаку при Бергене, вызвавшую с английской стороны многочисленные упрёки и обвинения в отсутствии контроля над атакующими войсками. Причём британцы указывали, что для русских это явление характерное. То же, что и при Бергене, повторилось затем, по мнению британцев, в последнем сражении кампании — битве при Кастрикуме и вновь, как следует из английских источников, неудача в сражении последовала из-за нетерпеливости и неуправляемости русских войск.

Д. Фортескью утверждал, что русские солдаты начали атаку при Бергене без видимых оснований, руководствуясь лишь своим нетерпением, которое не смогли контролировать офицеры [Fortescue 1906: 637]. Однако анализ свидетельств очевидцев показывает, что атака колонны генерала Германа была вызвана не прихотью или неясными причинами, а внезапным столкновением передового отряда с вражескими пикетами [Волков 2022в: 178]. После сражения 8 (19) сентября и поведения в нём британских войск вполне понятно, почему Эссен не хотел атаковать укреплённый Берген 21 сентября (2 октября) без поддержки справа английской бригады Макдональда. Зарубежная историография считает это «чрезмерной осторожностью», а то и прямым отказом наступать и поддерживать своими батальонами английские войска, что напрямую помешало достижению победы [Mac-Carthy 1818: 142; Fortescue 1906: 693; Gachot 1906: 279].

Что касается атаки русских войск на деревню Кастрикум после взятия деревни Бакум 25 сентября (6 октября) 1799 г., то она была необходима для удержания позиций, что признал даже герцог Йоркский в своём официальном рапорте [Walsh 1800: 135].

При этом складывается впечатление, что в английских войсках всё обстояло совершенно правильным образом, что, однако, не так.

В первом же сражении при Каллантсоге британские войска страдали от дезорганизации и хаоса, действовали разрозненно, а командир дивизии генерал-лейтенант Поултни просто не знал, что происходит вокруг него [Ball 2017: 41].

Непродуманными атаками, стоившими британским войскам больших потерь, отличались и действия генералов Мура и Макдональда. Например, бригада Макдональда в битве при Алкмаре самовольно атаковала французов, потеряла строй, заблудилась в дюнах и попала под перекрёстный огонь [Bunbury 1854: 25–26]. Генерал Мур, прикрывая фланг колонны Аберкромби, бросил свою бригаду в бессмысленную штыковую атаку у Эгмонда, понеся значительные потери. Сам Мур был ранен и едва не попал в плен [The Diary 1904: 355–366]. Вместо решающего удара основной натиск англичан превратился в серию хаотичных атак. Герцог Йоркский в своих отчётах зачастую замалчивал ошибки британцев, в то время как неудачи русских преувеличивались для оправдания общего поражения.

Другой проблемной точкой взаимодействия союзников было планирование военных операций. Как уже указывалось, разрабатывать стратегию кампании и планы баталий должен был Военный совет, но герцог фактически всё свёл к простому одобрению предлагаемых им планов, что было характерной чертой его «командного стиля». Так, проиграв битву при Бергене, командующий, готовясь к битве при Алкмаре, вновь попытался принимать решения единолично, отмахнувшись от альтернативных планов адмирала Митчелла о высадке войск в районе Хорна и во Фрисландии, и снова решил атаковать противника на сложной местности в районе Бергена.

Отметим, что в зарубежных исследованиях первоначальное решение о назначении даты атаки франко-батавских войск на 20 сентября (1 октября) 1799 г., в день рождения императора Павла I, исходившее якобы от герцога, позиционируется как пример его «заботы» и особой «милости» английского командующего к своим союзникам [Gachot 1906: 276]. Вместе с этим 18 (29) сентября Эссен пишет герцогу: «Послезавтра праздник в честь Его

Императорского Величества. Атака в такой день наполнит наших солдат уверенностью и обещает успех. Считаю своим долгом сообщить об этом Вашему Королевскому Высочеству. Умоляю Вас принять заверения в глубочайшем уважении, с которым имею честь быть» (цит. по: РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 15]). В тот же день был получен ответ о согласии герцога с датой атаки [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 16]. Таким образом, инициатива о проведении атаки 20 сентября (1 октября), хоть и не состоявшейся из-за сложных погодных условий [Victoires, conquêtes, désastres 1818: 191], принадлежала русской стороне и демонстрирует как наличие высокого боевого духа в русских войсках, так и готовность к баталии.

Планирование данного сражения и роль в нём генерала Эссена, как правило, приводятся как пример его «неуступчивости» и антианглийского настроя, который пришлось преодолевать герцогу Йоркскому, чтобы строптивый генерал наконец согласился сражаться против неприятеля. Задумывая атаку, герцог разделил войска на четыре колонны, причём основной удар должна была наносить правофланговая колонна генерала Аберкромби, а русские войска должны были наступать на том же участке, что и 8 (19) сентября.

Готовясь к сражению, генерал Эссен проводит тщательную разведку местности. Для этого был создан отряд «добровольцев» под командованием полковника Гладкова [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1324. Л. 70]. Также производились рекогносцировки английских офицеров совместно с майором Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части Р.Е. Ренни, который в сражении при Алкмаре отвечал за места сбора и маршрут движения к ним ударных колонн [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 3. Д. 40. Л. 10об.]. После рекогносцировки 17 (28) сентября майор Ренни высказывает Роберту Анструтеру, генерал-квартирмейстеру английской армии, свои опасения по поводу того, что русская армия может подвергнуться опасности при атаке дамбы Слопера, так как противник возвёл там серьёзные укрепления [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 6].

Ситуация была доведена до сведения герцога, который не высказал какой-либо озабоченности, выразив уверенность, что французы не станут её оборонять, поскольку колонны русского корпуса будут угрожать им с левого фланга [РГВИА. Ф. 29. Оп.153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 6об.]. Однако в тот же день Эссен отправляет обращение, в котором указывает, что упомянутые герцогом колонны сами нуждаются в прикрытии с правого фланга. Примечательно, что распределением войск по позициям и колоннам занимался генерал Поултни, который приказал полковнику Баклановскому сосредоточить весь русский резерв на левом фланге, «оставив без прикрытия правый фланг и все занимаемые нами батареи, включая 18 артиллерийских орудий» [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 7]. Собственно, в этом письме генерал и просит прикрыть правый фланг английскими частями: «Ранее Ваше Королевское Высочество имели милость сообщить мне о намерении оставить сильный английский резерв. Не сочтут ли они возможным в таком случае занять эти позиции британскими частями?» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 7]). Также генерал пишет: «Представляю эти соображения на Ваше великодушное усмотрение и прошу Вас милостиво сообщить мне о принятом решении» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 7].

При этом особо отмечается: «Смею обратить внимание Вашего Высочества на необходимость своевременного выдвижения английских колонн, которые должны поддерживать мой левый фланг в планируемой завтра атаке. Любая задержка может нанести ущерб общему делу. Надеюсь, что Ваше Высочество не вменит мне в вину эту настойчивость, вызванную служебной необходимостью» (цит. по: [РГВИА Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 7]).

Переписка свидетельствует, что запрос на обеспечение безопасности правого крыла был продиктован не давлением со стороны Эссена или попытками переложить инициативу атаки на англичан [Gachot 1906: 273–274], а сугубо прагматическими военными расчетами. Настаивая на синхронном наступлении всех колонн, генерал действовал в полном соответствии с общим замыслом операции и стратегическим видением герцога. Подобный подход

стал результатом переосмысления провала сражения 8 (19) сентября и стремления учесть критические замечания, высказанные в адрес действий российских частей. Герцог даже просит генерала известить, имеет ли он нужным принять ещё какие-то меры для подготовки войск к атаке [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 7].

И хотя Эссен считает атаку трудной, но указывает генералу Д. Хоупу, что успех зависит от скоординированной атаки левофланговых бригад, и отмечает: «В остальном, я не смогу принять других мер в данный момент, кроме тех, которые нам предписаны» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 7]). Так что общение между командующими по существу вопроса свелось всего лишь к нескольким весьма деловым письмам.

Обратим внимание, что Эссен предусматривает вариант, что по какой-то причине английские колонны могут задержаться: «Если нет, то я отложу мою атаку до тех пор, пока генерал Аберкромби не обойдет почти полностью укрепления напротив Слаппердейка частью колонны, тогда я начну атаку. Вот мое мнение, и я считаю, что генерал Аберкромби ничем не рискует, поскольку силы, находящиеся напротив меня, не осмелятся перейти к нему, опасаясь быть взятыми с тыла» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 11]). В итоге на Военном совете 19 (30) сентября герцог переводит на правый фланг русского корпуса бригаду генерал-майора Кута, которая должна была оказать содействие русским войскам у Слопердейка, а затем, прикрывая их фланг, обеспечивать связь между частями Эссена и Аберкромби, а бригаде генерал-майора Чатама — действовать слева от русских войск [Милютин 1853: 70]. Но уже в ходе боя Кут настолько медленно продвигался вперёд, с трудом отбрасывая французских стрелков, что к тому времени, как он появился на холмах, около 11:00 утра, французы отступили, и, ожидая англичан русские два часа стояли в перестрелке [Милютин 1853: 69].

В то же время английские части настолько завязли в дюнах, что на помощь частям Кута и Макдональда герцог направил и бригаду Чатама, в результате чего русские, ведя отчаянный бой на сложной местности под огнём

противника [Surtees 1833: 18], остались перед сильной вражеской позицией без поддержки союзников и без прикрытого правого фланга [Милютин 1853: 70], поскольку бой в дюнах превратился в совершенный хаос. И когда бригады Макдональда и Кута всё-таки овладели холмами, спуститься вниз англичане не решились и сами подверглись удару со стороны французов [Милютин 1853: 70–71]. Таким образом, говорить о каком-то нежелании Эссена идти вперёд или о нерешительности не приходится. Все действия русского корпуса были заранее согласованы и зависели от решительного и быстрого успеха английских войск на правом фланге, который достигнут не был.

С разумностью русских требований вынуждены согласиться даже западные историки. Так, Болл пишет: «...и хотя некоторые утверждают, что это ослабило натиск на Берген, это предотвратило возможное повторение того, что произошло 19 сентября, когда русские были обойдены с фланга из дюн» (цит. по [Ball 2017: 104]). Обратим внимание, что генерал Эссен общается с командующим с соблюдением всех положенных норм чинопочитания и действует в соответствии с указаниями герцога. Даже во время сражения при Кастрикуме он отправляет на помощь Седморацкому только три имевшихся в его распоряжении батальона полковника Дубянского, не поднимая весь корпус, поскольку не получает никаких указаний от герцога. В тоже время в английской исторической литературе и воспоминаниях очевидцев генерал заслужил самые нелицеприятные и оскорбительные характеристики. Это было связано с его настойчивостью в защите интересов русского корпуса. Прежде всего это касается снабжения продовольствием и обеспечения медицинского сопровождения русских войск.

При этом эти требования, основывавшиеся на заключённой Конвенции и данных англичанами обещаниях, вызывали резкое раздражение у герцога Йоркского. Прежде всего это было связано с отправляемыми Эссеном в Петербург докладами, отражавшими истинное положение дел, а также с уже упомянутой устойчивой неприязнью к русскому генералу, помноженной на вынужденные соглашения с его объективными замечаниями при

планировании операций. Ну и, наконец, всё нарастающий развал тыла союзных войск принимал характер неуправляемого бедствия. Высадившиеся в Голландии войска испытывали острую нехватку транспорта (повозок и лошадей — А.В.), что не позволяло обеспечить даже английские войска, не говоря уже о русском корпусе. Местные ресурсы не могли восполнить этот дефицит. При этом герцог, судя по всему, не сообщал Эссену о степени проблемы, чтобы, возможно, избежать публичного признания плохой подготовки экспедиции. При этом он и не предпринял никаких мер для исправления ситуации. Тыловая служба деградировала, а ситуация усугублялась ещё и плохой погодой. Увеличение расстояний пропорционально снижало эффективность (время и скорость) доставки продовольствия и прочих припасов в войска.

Уже в двадцатых числах сентября ситуация в тылах экспедиционного корпуса принимала совершенно неудовлетворительный оборот. Так, полковник Кербиц, старший русский начальник в Гальдере, доносил Эссену, а тот докладывал герцогу Йоркскому, что выгруженное продовольствие, боеприпасы и патроны гниют на открытом воздухе, потому что не было построено никаких складских помещений, где бы их можно было разместить [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 20]. Английские комиссары практически не оказывают помощь русским войскам в доставке продовольствия и снаряжения, столь необходимых войскам на передовых позициях [РГВИА. Ф. 29. Оп. 15б3. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 20].

Особое возмущение генерала связано с отношением со стороны тылового английского начальства к раненым русским офицерам: «Раненые офицеры, лишенные жилья, остаются в палатках, что совершенно не соответствует их состоянию, учитывая время года. Многочисленные обращения полковника Кербица по этому поводу долго оставались без ответа; наконец ему ответили, что они должны оставаться в палатках. Однако этот полковник (Кербиц — А.В.) считает, что в городе есть квартиры, которые

можно было бы отвести для этих офицеров» (цит. по [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 3. Л. 20–20об.]).

Генерал просит герцога разобраться в сложившейся ситуации и оказать содействие в предоставлении квартир для раненых офицеров. Собственно, всё это только усиливало русское восприятие того, что британцы считали их расходным материалом, бросив их на убой в Бергене, снабжая несъедобными пайками и не выполняя договорных обязательств. 24 сентября (5 октября) генерал пишет герцогу Йоркскому, что на весь русский корпус приходилось всего 20 лошадей в повозках [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч.5. Л. 7] и его просьбы к английским комиссарам об обеспечении войск продовольствием и снаряжением фактически бесполезны: «Жалобы, несомненно, достигнут Вашего Королевского Высочества, и я смиренно прошу прощения за вынужденную прямоту, продиктованную насущной необходимостью. Мистер Попхэм сможет подробно доложить Вашему Королевскому Высочеству о обещаниях, данных в Ревеле во время посадки (на суда — А.В.), и Вы, милорд, сами убедитесь, насколько они были выполнены. В настоящее время мы в скорбном состоянии, ибо все наши экипажи и повозки брошены в Гельдаре. Будучи глубоко преданным общему делу, я буду безмерно опечален, если недостаток провизии и людей может подорвать наши операции. Ведь я убежден, что нельзя терять ни минуты в стремлении достичь целей, поставленных перед армией Вашего Королевского Высочества. Обязанный возложенной на меня ответственностью, я готов принести самые настойчивые и искренние представления, будучи уверенным в том, что наши нужды будут услышаны и удовлетворены» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 5. Л. 7об.]).

Герцог заверяет, что русские войска получат необходимые повозки, но в итоге, при отступлении 26–27 сентября (7–8 октября) союзной армии к Бергенброку русскими «за неимением лошадей и повозок было оставлено 216 тяжелораненых солдат» [РГВИА. Ф. 846. Д. 2869. Ч. 1. Л. 5об.] и значительные запасы продовольствия для корпуса [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч.

7. Л. 1]. Вместе с тем отметим, что эвакуация госпиталей из Эгмонд-оп-Гуфа не была завершена по причине нехватки повозок не только для русских, но и для английских войск [Куницын 2024: 135]. Доходило до того, что английские солдаты воровали лошадей у своих русских союзников, о чём Эссен незамедлительно рапортовал герцогу [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 7. Л. 6]. Однако сам герцог Йоркский после битвы при Алкмаре, не завершившейся столь необходимым решительным успехом, полностью разуверился в своих силах и в возможности военной победы [Милютин 1853: 75].

Во время сражения при Кастрикуме он просто самоустранился от руководства сражением, уже для себя решив, что кампанию он проиграл. И никакая храбрость английских и русских солдат изменить этого решения уже не могла.

Совершенно очевидно, что согласие и доверие между войсками разных государств, сражающихся вместе, являются залогом успеха коалиционных военных операций. К сожалению, в Голландии союзникам не удалось достичь необходимого уровня этого согласия. Причинами этого стали как отсутствие должного межличностного взаимодействия между командующими, так и многочисленные политические и организационные проблемы, порождённые прежде всего недостаточной подготовленностью операции.

Английский командующий, в том числе в силу личностных неприязненных отношений, не сумел наладить действенное военно-оперативное взаимодействие со своими союзниками, решить стоявшие перед армией проблемы со снабжением и грамотно распределить даже имеющиеся ресурсы. Вина за это лежит в том числе и на политическом руководстве Великобритании, отправившем войска в плохо подготовленную авантюру.

Генерал Эссен, не имея политического опыта, пытался реализовать права союзника, что вызывало недовольство британцев и приводило к конфликтам. Его объективные рапорты вовлекли его в информационную войну, инициированную британцами, которые восприняли его действия как «гнусные

интриги». Тем не менее русский корпус всегда выполнял союзнические обязательства в течение всей кампании, никогда не уклоняясь от исполнения воинского и союзнического долга.

Таким образом, неприязнь между союзниками, столь пагубно отразившаяся на результатах кампании, была вызвана отсутствием вдумчивой политики со стороны англичан и их нежеланием выстраивать отношения, основанные на понимании статуса корпусов как равноправных союзников, объединённых общей целью — достижением победы.

3.3. Завершение экспедиции и её военно-политические последствия

Кровопролитное сражение при Кастрикуме, последняя крупная битва кампании, продолжавшаяся с раннего утра и до восьми часов вечера, завершилось вничью. Обе армии находились в сложном положении, но стратегическая ситуация требовала от командующих предпринять решительные действия, которые принесли бы одной из сторон победу или поражение.

При этом солдаты и офицеры как союзных войск, так и франко-батавской армии были уверены, что в скором времени боевые операции возобновятся. Французский командующий генерал Брюн, считавший, что Йорк продолжит своё наступление, отвёл войска с поля боя и, спешно подтягивая резервы, старался прикрыть направление на Ландсмер [Gachot 1906: 296].

Однако 26 сентября (7 октября) союзные войска получили приказ отступать, что стало неожиданностью для армии [Van Uythoven: 323], вызвав удивление и разочарование солдат и офицеров [Ball 2017: 149].

Решение об отступлении было принято герцогом на совете с британскими генералами Аберкромби, Поултни, Дандасом и Холсом вечером в день битвы, а условия секретного перемирия с противником, позволявшего выполнить этот манёвр, по всей видимости, были выработаны на встрече уполномоченных офицеров от английской, французской и батавской армий в

кузнице в Лиммене в первой половине дня 27 сентября (7 октября) [Van Uythoven: 326].

При этом все эти решения и переговоры принимались и проводились в нарушение положений Конвенции без участия русской стороны.

Генерал Эссен с недоумением докладывал императору: «После двух кровопролитных сражений и побед 21-го и 25-го сентября когда ожидал я дальнейших успехов, и когда уже разбитый неприятель оставлял Северную Голландию, получил я письменное повеление от Его Величества герцога Йоркского отступать в ночь с 26-го на 27-е число; и занять прежний наш пост от Петена до Схорлдама» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 3. Д. 39. Л. 6]). В своём письме на имя Военного министра короля Г. Дандаса, подготовленном по итогам совета 26 сентября (6 октября), герцог Йоркский в оправдание принятого им решения указывает на большие потери без надежды на их быстрое восполнение, отсутствие устойчивого снабжения войск и невозможность сделать припасы более чем на четыре дня, наступление суровой и ненастной погоды, сильное положение позиции, на которой находится враг, непроходимое состояние дорог, сокращение как числа кавалерии, так и всего конского состава армии в целом [Van Uythoven 2018: 419–420].

Обращалось внимание и на качество британских войск: «Наша армия была многочисленной по штату, но состояла из неопытных солдат, спешно собранных, плохо одетых, с большим количеством неопытных офицеров, не обеспеченных лошадьми, повозками или средствами передвижения, без которых невозможно продвигаться по вражеской территории» (цит. по: [Van Uythoven 2018: 419]). О русских союзниках говорится только то, что: «Наши союзники оказались в ситуации, о которой не имели представления, и мало склонны делить с нами трудности и успехи; они недовольны, и у нас нет причин быть довольными ими» (цит. по: [Van Uythoven 2018: 420]).

Интересно, что во французской историографии высказывается мнение, что отступление было спровоцировано жалобами русских на их потери (см.

Приложение 5), снабжение и общее состояние [Gachot 1906: 298], что, без сомнения, не имеет под собой никакого основания.

Наконец, на переговорах французы довели до сведения британских офицеров информацию о прибытии к армии подкрепления численностью до 6000 человек, что было правдой лишь частично, так как на тот момент к армии присоединились чуть больше четырёх расчётных батальонов, в то время как остальные пять ещё были в движении и находились относительно далеко от театра военных действий [Van Uythoven 2018: 326].

При этом армия не считала сражение проигранным, и Уолш вспоминал об окончании битвы при Кастрикуме: «Наконец, около десяти часов вечера, стрельба полностью прекратилась, противник повсеместно отступил, и союзная армия осталась во владении полем боя без помех» (цит. по: [Walsh 1800: 75]).

Действительно, союзная армия после битвы находилась в расстройстве, но и противник был в таком же состоянии, страдая от плохой погоды, нехватки боеприпасов, продовольствия и понеся значительные потери [Van Uythoven 2018: 322]. И даже несмотря на то, что убыль союзной армии были больше, чем у республиканцев — около 2 200 против 1 398 человек [Милютин 1853: 321] (хотя Жомини указывает цифру потерь армии Брюна в 2000 солдат и офицеров [Милютин 1853: 321]), численность войск противников оставалась примерно одинаковой.

При этом герцог имел в своём распоряжении практически не участвовавшие в сражении полки левого фланга и часть русского корпуса, в то время как французы в основном могли положиться на малоустойчивые голландские батальоны. Рискованная, но продуманная атака могла улучшить положение союзников, а возможно, и принести победу в кампании, но герцог выбрал отступление. Это решение имело поистине роковые последствия.

26 сентября (7 октября) в 19:00 под проливным дождём англо-русские войска неожиданно получили приказ построиться, что привело к замешательству и неразберихе в частях, и затем в кромешной темноте начали

движение, которое постепенно стало погружаться во всё более неуправляемый хаос, поскольку в скором времени полки и батальоны, вынужденные двигаться по разбитым дорогам, стали самостоятельно выбирать «более лучший путь» к позициям на Зейпе [Walsh 1800: 84–86].

Граф Рамсей Джордж Далхаузи из 27-го пехотного полка вспоминал, что к моменту прибытия войск на позиции под знамёнами в полках едва насчитывалось пятьдесят человек [Atkinson 1958: 106]. Отступая, английские войска бросали с таким трудом доставленное продовольствие, раненых, больных и даже жён солдат с детьми. Войска разрушали по пути дома, мосты и другую инфраструктуру [Gachot 1906: 299].

Порядок отступления, разработанный герцогом, был доставлен в русский штаб 26 сентября (7 октября) [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 438. Ч. 5. Л. 20–20об.] и не содержал детального маршрута, а лишь общий порядок отхода с указанием выслать вперёд отряды для ориентирования войск на марше. Никаких сборных мест войск или колонн, порядка их следования, эвакуации запасов, артиллерии и раненых не определялось.

При этом в обстановке нарастающего хаоса ночной ретирады русским удалось всё-таки даже эвакуировать часть раненых. Майор Мол писал об этом: «Русские всех родов войск со своей артиллерией, обозами и прочим транспортом, вывозя раненых и больных, были видны повсюду. Казалось, каждая улица и дорога были ими полны. Многие повозки с ранеными были без навесов, и несчастные страждущие были видны, завернутые в промокшие от дождя одеяла и с пятнами крови на лицах. Тем не менее, эти благородные и стойкие солдаты, казалось, не обращали внимания на свою участь и не выказывали на своих суровых и мужественных лицах ни скорби, ни страха» (цит. по: [Maule 1816: 40]), но, как уже указывалось, нехватка повозок привела к тому, что свыше 200 человек было оставлено на милость неприятеля.

В то же время в ходе англо-русского отступления франко-батавская армия, следуя за противником и иногда тревожа его арьергарды, захватила в плен более 1400 солдат, с учётом и оставленных раненых. Лёгкость, с которой

франко-батавские войска продвигались вперёд, не оставляла сомнений в том, что боевой дух союзных войск, в особенности британских, потерпел серьёзный урон, везде распространялись слухи о переговорах.

При этом, если в английской армии боевой дух падал, то русский корпус, также испытывавший влияние всей этой ситуации, тем не менее продолжал готовиться к сражениям. Прибыв на позиции, войска были расписаны по боевым линиям, определены места сбора войск и условные сигналы боевой тревоги [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 3. Д. 40. Л. 11–11об.]. Более того, частям был отдан официальный приказ в случае нападения неприятеля на батареи встречать его штыками [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 3. Д. 40. Л. 12об.]. Усиливались меры по содержанию в порядке оружия солдат [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 36. Л. 13], наряду с возведением оборонительных сооружений, происходило уточнение инструкций по поведению на аванпостах; одновременно с этим на передовых рубежах у Петтена была организована смена воинских частей.

При этом русские, по всей видимости, никакой информации о текущих планах герцога от него самого не получали. Так, 6 (17) октября удивлённый Эссен пишет командующему, что английские офицеры самовольно стали свозить артиллерийские орудия с позиций у Зейпе, и просит Йорка не ослаблять оборону батарей [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 7. Л. 22]. Днём ранее, 5 (16) октября, Эссен, ссылаясь на уверения секретаря герцога о наличии в Гальдере запасов бекона и хлеба на всю армию на восемнадцать дней, ходатайствовал об оказании содействия в скорейшей доставке провианта на передовые позиции [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 7. Л. 21]. Этим же письмом он официально обращается с просьбой известить его о дальнейших планах командующего [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 7. Л. 21об.].

3 (14) октября герцог Йоркский отдал приказ об отправке в Англию всех, кто не был задействован в сражениях, включая раненых и больных. Это

решение было продиктовано необходимостью сократить расход припасов, не допуская при этом снижения боеспособности армии.

Фактически подготовка к этому началась несколько раньше, и ещё 30 сентября Эссен пишет полковнику Сербину в Гальдер, предписывая отправлять в Англию как раненых офицеров, так и нижних чинов [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 25об.].

В то же время переговоры о капитуляции союзных войск должны были начаться 3 (14) октября, когда через посты полковника Тимофеева в английский штаб проследовали два французских высокопоставленных офицера [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 45об.], но реально они состоялись только 4 (15) октября, поскольку герцог Йоркский и адмирал Митчел в ночь с 3 (14) на 4 (15) октября лихорадочно пытались разработать хоть какой-то более или менее реальный план посадки войск на корабли. При этом эвакуация русских войск, по крайней мере, одновременно с английскими, тогда не рассматривалась [Gachot 1906: 302].

В тот же день на военном совете английской армии была рассмотрена сложившаяся ситуация, имевшая три варианта дальнейшего развития. В том числе войска могли: обороняться на линии Зейпе до весны, рассчитывая, что флот наладит снабжение войск; перенести войну в другую часть Голландии, ещё не затронутую военными действиями; или эвакуироваться. Военный совет решил прекратить сопротивление, так как к 3 (14) октября у войск оставалось продовольствия всего на одиннадцать дней, значительная часть провианта по нерадивости интендантской службы оставалась на кораблях, а закупленная на Эльбе мука для армии вообще находилась неизвестно где.

Наконец, британские генералы прямо опасались, что ещё одно поражение или трудности дальнейшей кампании приведут к разложению британской армии [Colenbrander 1908: 428–429]. В Англию с разъяснением ситуации и получением разрешения на эвакуацию был отправлен военный секретарь герцога, подполковник сэр Р. Браунригг. Решение о капитуляции было принято за спиной русского командующего: его не только не позвали на

совет, но и не уведомили о сути принятых мер. Переговорный процесс проходил в условиях строгой секретности, поэтому известие о подписании перемирия с французской стороной, пришедшее в штаб русского корпуса 7 (18) октября в 20:00, стало для генералов полной неожиданностью [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 2869. Ч. 1. Л. 6]. Текст был следующего содержания: «Его Королевское Высочество Главнокомандующий поручил мне сообщить, что между двумя армиями достигнуто соглашение о перемирии. В связи с этим боевые действия должны быть прекращены, все полевые укрепления приостановлены, а меры, которые могли бы потребоваться для обороны и которые наносят ущерб стране, теперь не должны предприниматься. Занимаемые позиции должны быть сохранены; никакого сообщения с противником не допускается, и Вы несёте ответственность за поддержание прежней бдительности в отношении исполнения долга» (цит. по: [Van Uythoven 2018: 341]). Всё это было прямым нарушением условий, отражённых в Конвенции от 11 (22) июня 1799 г.

В своём рапорте императору от 15 (26) октября Эссен уточнял: «Переговоры с французскими генералами велись без моего участия, и я был проинформирован о них только Его Королевским Высочеством герцогом Йоркским после заключения перемирия, копию которого имею честь представить здесь. Условия кажутся мне несколько невыгодными для нас; тем не менее, по моему мнению, если осмелюсь беспокоить Ваше Величество, невозможно было бы организовать здесь зимние квартиры» (цит. по: [Милютин 1853: 365]). В итоге отношения между союзниками расстроились совершенно. Генерал Банбери вспоминал: «Русские были сердиты, угрюмы и едва ли могли считаться союзниками» (цит. по: [Bunbury 1854: 33]).

При этом некоторые указания о том, как будет проходить эвакуация, поступали в адрес Эссена уже 13 (26) или 16 (27) октября. В частности, генерал пишет полковнику Сербину, старшему русскому военному начальнику в Гальдере, что, по известиям от капитана Попхэма, под экипажи, обозы и прочие «тяжести» русского корпуса будет выделен специальный корабль

[РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 47об.]. Герцог покинул свою армию 31 октября, оставив генерал-лейтенанта А. Поултни руководить эвакуацией войск.

Русские войска стали выступать в Гальдер для погрузки на корабли, за которую отвечал капитан Попхэм, 13 (25) октября 1799 г., причём на тот момент, место расположения русских войск на «зимние квартиры» было видимо неизвестно [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 47об.].

Генерал Эссен в своих приказах пишет, например, что, по прибытии в Англию полковнику Румянцеву (командир гренадерского полка Жеребцова — А.В.) вместе с генерал-майором Седморацким надлежит по вопросу размещения войск обратиться к графу Воронцову [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 47об.]. О том, что острова Джерси и Гернси будут установлены в качестве мест расквартирования русских войск, в корпусе станет известно 19 (30) или 20 (31) октября 1799 г. [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 50].

Интересна инструкция, которую дал генерал-лейтенант Эссен генерал-майору Арбеневу, который будет отвечать за посадку на корабли примерно половины русского корпуса [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 48–49об.]: тесно взаимодействовать с генерал-лейтенантом Поултни, вся батальонная артиллерия должна грузиться вместе с батальонами, в войсках необходимо поддерживать строгую дисциплину, а посты боевого охранения должны беспрепятственно пропускать французских и английских офицеров [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 48–49об.].

Вместе с этим эвакуация союзных войск больше всего напоминала бегство. Прежде всего кораблей отчаянно не хватало, а те, что прибыли, не могли вместить не только обозы и «тяжести», но даже людей. Английские войска либо бросали, либо распродавали по дешёвке лагерное и походное имущество, столь дефицитных лошадей, причём как казённых армейских, так и личных офицерских, в результате чего образовалась огромная ярмарка.

В итоге для русского корпуса никакого отдельного корабля для погрузки на него обоза и нестроевых солдат выделено не было. Долгое время не могли

найти даже корабль для переброски штаба и казны корпуса. 26 октября (6 ноября) Эссен писал английскому командующему: «Я имел честь получить Ваше письмо вчера, в котором Вы сообщаете, что отдали распоряжения о необходимых приготовлениях как для перевозки больных, так и для перевозки экипажей. Поскольку мы еще ничего не получили, осмеливаюсь повторить свою просьбу по этому поводу. Будьте добры, распорядитесь также подготовить судно для генерального штаба, где должны находиться военная касса и канцелярия» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 14. Л. 1]).

Погрузка полков постоянно задерживалась на несколько дней, о чём спустя некоторое время Эссен вновь докладывает генералу Поултни, в том числе указывая, что обращался и к английскому флотскому командованию по этой проблеме [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 14. Л. 2].

Так, например, батарейная рота полковника Дурново простояла на пляже ожидая своей очереди погрузки, пять дней, и в итоге её грузили по личной просьбе Эссена на корабли русской эскадры адмирала Брейера [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 52].

Собственно, задействование в операции русских кораблей началось только 13 (24) октября, когда на эскадру вице-адмирала Чичагова, находившуюся под командованием контр-адмирала Брейера, поступило распоряжение герцога Йоркского о посадке войск, которые следовало затем доставлять в Дил, где они будут пересаживаться на транспортные суда для отправки на зимние квартиры [Шишков 1800: 184]. При этом погода ухудшалась, и 14 (25) октября потерпел крушение английский корабль «Нассо» и много его пассажиров погибло. При этом русские корабли не могли вместить всех солдат корпуса. Действия флота по эвакуации войск выглядят следующим образом. 15 (26) октября в Ярмут с ранеными ушёл линейный корабль «Александр Невский». 19 (30) октября при выходе с рейда сел на мель русский фрегат «Венус», но сумел быстро сняться с неё и вместе с фрегатами «Константин» и «Николай» продолжил свой путь [Шишков 1800: 184–186]. 20

(31) октября русские корабли закончили погрузку войск и передали свои баркасы английской стороне для облегчения посадки союзников на английские корабли, за что 21 октября (1 ноября) удостоились благодарности со стороны герцога Йоркского [Шишков 1800: 186]. В этот период в Тексельской бухте находились русские линейные корабли «Януарий», «Михаил», «Европа», «Омгетен», «Ретвизан» и «Мстислав» [Милютин 1853: 367].

При этом с того же дня задули крепкие ветры, поднялись высокие волны — корабли никак не могли выйти с рейда в море. 25 октября (5 ноября) три английских корабля — фрегат, транспорт и тендер — сели на мель у Гальдера, а 26 октября (6 ноября) английский шлюп повредил снасти русскому транспорту «Нептун» [Шишков 1800: 188].

В результате посадка войск на английские корабли возобновилась только 26 октября (8 ноября). Однако далеко не всем русским войскам повезло попасть на корабли к соотечественникам. Часть войск, уже погруженных на английские корабли, приходилось сгружать на берег, поскольку загрузка кораблей была произведена неверно, и к уже имевшимся войскам приходилось «подсаживать» новые. Зачастую войска грузили на небольшие суда, чтобы уже в море пересадить на более крупные, но это далеко не всегда получалось, как в случае с кораблём «Европа». 27 октября (9 ноября) Эссен с возмущением писал адмиралу А. Диксону: «Однако, пробыв в море три дня и не достигнув его (корабля «Европа» — А.В.), они (русские войска — А.В.) вернулись, страдая от голода и холода. Капитаны этих судов, вероятно, не учли возможность трехдневного пребывания в море без достижения указанного корабля и не позаботились о провизии, что причинило солдатам большие страдания. Я также получил жалобы от различных офицеров относительно распределения продовольствия для солдат. У казачьих лошадей нет ни фуража, ни воды на корабле «Тексон»» (цит. по: [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 38. Ч. 14. Л. 9]). Всё это лишь увеличивало раздражение союзников друг другом.

Причём англичане торопили. Генерал Поултни в резких выражениях,

советовал Эссену ускорить погрузку войск, для чего последний поручил установить и соблюдать порядок посадки войск капитан-лейтенанту графу Милееву [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 63об.].

При этом желание англичан как можно скорее оставить Голландию привело к тому, что согласно рапорту Эссена от 10 (21) декабря 1799 г. на имя графа Воронцова, русский обоз, в большинстве своём, был уничтожен на полуострове Гальдере или выброшен союзниками за борт уже в море, в том числе и вместе с продовольствием, которого так не хватало войскам [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 3. Д. 42. Ч. 2. Л. 37].

Рапорты из русских полков только подтверждают эти утверждения. Так, в полку Завалишина свидетельствуют, что английские капитаны отказывались грузить русский обоз, в результате чего в названном полку было сожжено 5 зарядных ящиков [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 5. Д. 19. Ч. 1. Л. 5об.]. В полку Ферзена также была брошено часть имущества и снаряжения, поскольку войска очень быстро грузились, и много времени было потеряно с английским орудием, которое грузили на корабль перед этим, но оно в результате разбилось [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 5. Д. 19. Ч. 1. Л. 15об.].

Кроме того, было сожжено в Гальдере или в дальнейшем просто выброшено в море английской командой судна «Фортуна» 7 патронных ящиков [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 5. Д. 19. Ч. 1. Л. 15об.]. В мушкетерском полку Вязьмитинова английский капитан приказал обрубить оглобли аптекарского ящика полка, сделав его невозможным к использованию [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 5. Д. 19. Ч. 1. Л. 19об.].

В своих посланиях графу Воронцову и герцогу Йоркскому Эссен выражал серьезное недовольство тем, как британская сторона пренебрегала нуждами своих русских союзников. В частности, он указывал на длительные перебои с поставками продовольствия, произвол со стороны английского военного чиновничества, а также на ситуацию с брошенными запасами провианта, которые русским приходилось в спешном порядке эвакуировать на корабли эскадры [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 64].

29 октября (9 ноября) эскадра попыталась выйти в море, но изменившийся ветер не дал этого сделать, и в Англию ушёл только один линейный корабль «Иона». 1(12) ноября русский флот вновь отдаёт все свои баркасы и шлюпки под погрузку войск. 3 (14) ноября пятнадцать английских кораблей попытались выйти в море, но не смогли, а 4 (15) ноября очередной английский корабль садится на мель, но в море сумел выйти русский транспорт «Нептун» с артиллерией [Шишков 1800: 190]. Погода позволила союзной эскадре выйти в море только 5 (16) ноября [Шишков 1800: 190].

В конце концов 18 (29) ноября Эссен докладывал императору, что последние русские войска, а всего в корпусе числилось около 12000 человек, погрузились на корабли и отплыли из Голландии [РГВИА. Ф. 29. Оп. 153б. Св. 2. Д. 37. Л. 65].

Голландская экспедиция русских войск закончилась. Придя через два дня в Дил, адмирал Бреер получил распоряжение о движении всех русских кораблей в Портсмут, где сумел лишь доставить на берег раненых (около 600 человек — А.В.), но британские власти запретили сгружать на берег войска и отказали в немедленном ремонте русских кораблей, сославшись на то, что все места уже заняты английскими судами [Шишков 1800: 191].

В общей сложности русские войска проведут на кораблях шесть недель, прежде чем по частям они будут переправлены на острова Гернси и Джерси, где столкнутся с новыми трудностями и лишениями.

Впрочем, ещё 30 октября генерал-лейтенант И.Н. Эссен был приказом императора Павла I отставлен от должности и командование корпусом принял генерал от инфантерии граф С.Р. Воронцов.

По завершении кампании британская сторона практически официально обвинит русский корпус и его командующего в постигшей экспедицию неудаче. И в данном контексте весьма важна будет роль русского посланника в Лондоне — графа Воронцова, которая, без сомнения, выглядит весьма спорной. В то же время в российской исторической литературе какого-либо серьёзного исследования влияния графа на ход и результат кампании до

настоящего времени не проводилось. Между тем конфликт между графом Воронцовым и генералом Эссеном, вышедший далеко за рамки личностного противостояния, напрямую отразился на судьбе войск, причём таким образом, что ряд историков считают позицию графа по многим вопросам чрезмерно проанглийской [Орлов 1898: 63].

В предыдущем параграфе диссертант уже рассматривал сложившиеся в ходе похода межсоюзнические отношения, и конфликт Эссена и Воронцова в определённой степени явился зеркальным отражением этих процессов. Вызван он был, по всей видимости, как разными подходами к решению имевшегося перед русским корпусом комплекса военно-политических проблем, так и статусом генерала, принявшего командование в силу сложившейся военной ситуации, а не приказа императора.

Эссен, решительный военный профессионал, видел свой долг не только в проведении военных операций совместно с союзниками, но и в сохранении и сбережении вверенного ему воинского контингента, за который, в силу сложившихся обстоятельств, он нёс ответственность перед императором. Отношение Эссена к политическому союзу России с Британией неизвестно, но, видимо, оно укладывалось в рамки верноподданнического исполнения воли государя. Граф Воронцов, хотя и был ранее военным, закончил эту карьеру в 1775 г. и с тех пор двигался по линии дипломатической. Он был политиком и ярым сторонником англо-русского союза, да к тому же ещё и англоманом. Без сомнения, он дорожил наличием между странами политического союза, к заключению которого приложил немало усилий, и в его выгодности и необходимости для России не сомневался. Более всего он опасался, чтобы действия Эссена не сказались на самом союзе. Тем более он был уверен, что: «Наши соотечественники в этой экспедиции более удачливы, чем те, кто находится в Италии, где они получают лишь разочарование и неблагодарность от австрийцев. В то время как те, кто под командованием генерала Германа, имеют дело с честной, справедливой нацией, которая ценит заслуги и благодарна за оказанные ей услуги» (цит. по: [Архив князя 1880:

59]).

Обратим внимание, что русский посол даёт очень идеалистическую оценку британской политики. И подобные взгляды вызывали недоумение не только у историков, но и у современников. Например, граф Адам Чарторыйский писал, что Воронцов: «поистине пустил корни в Англии, он так превозносил её, как не мог бы это делать самый ярый «тори»… Он настолько восхищался господином Питтом, что не мог себе позволить не только критику, не только какое-либо замечание, но даже малейшее сомнение по поводу доктрин и действий этого министра. Для графа Воронцова подобное сомнение показалось бы неприемлемым нонсенсом, глупостью или моральным уродством... Эти чувства мешали ему смотреть беспристрастно на события и понимать интересы России...» (цит. по: [Соколов 2006: 49]).

Одновременно на положении дел сказалось и то, что генерал Эссен вступил в командование корпусом в момент, когда войска лишились не только назначенного императором генерал-лейтенанта Германа, но и генерал-лейтенанта Жеребцова, следующего по старшинству и должности офицера. При этом Эссен так и не был утверждён императором, что существенно понижало его статус.

Следующим официальным командующим корпусом стал генерал от инфантерии князь М.И. Голенищев Кутузов, о чём император сообщал в рескрипте Суворову 12 октября 1799 г. [Фукс 1826: 500]. Таким образом генерал Эссен формально, в соответствии с более ранним приказом императора оставался командиром дивизии.

Несколько улучшило ситуацию производство его в генерал-лейтенанты и то обстоятельство, что в войсках он пользовался бесспорным авторитетом, в силу чего достаточно быстро привёл корпус в боевое состояние после понесённого поражения. Однако официальное назначение императором дало бы ему формальное военное лидерство и, самое главное, в вопросах решения проблем коалиционной войны в Голландии Эссен становился бы официальным представителем императора, что предоставляло ему свободу

политического манёвра и определённую защиту от вмешательства в военные дела со стороны посла. Но таким статусом в данной ситуации обладал только граф Воронцов, который был не только официально назначенным послом, но и генералом от инфантерии. Для него Эссен выглядел как выскочка — командир дивизии, волею обстоятельств обретший права командующего. По всей видимости, примерно так же воспринимали Эссена и в британском штабе.

Петербург достаточно долго подбирал кандидатуру нового командующего и выбор был оптимален. Генерал от инфантерии Кутузов обладал бесспорными военными и дипломатическими талантами. В рассматриваемой ситуации Воронцов, считая русских армейских генералов некомпетентными в политике, фактически начал игнорировать их мнение, по всей видимости, определяя русский корпус как важный инструмент англо-русского союза и фактически стремясь свести его политическую роль к «части британской армии» с полным подчинением не только военного, но и политического статуса британскому командованию. Такая позиция лишала бы русские войска политической самостоятельности, которая должна быть у равноправных союзников и Эссен находил это неприемлемым. Вмешательство посла в военные вопросы вызвало раздражение у русских военных. Командующий корпуса с солдатской прямотой и честью в сношениях с союзниками отстаивал интересы русских войск. В частности, он писал императору: «Я откровенно объяснялся об этом (о различных военных ситуациях — А.В.) с английскими генералами; они, кажется, сердятся, когда я говорю правду. Однако это не останавливает меня, ибо, служа 27 лет с войсками В.В., я больше всего забочусь о их благах; я страдаю вместе с ними и радуюсь, когда им хорошо» (цит. по: [Милютин 1853: 375]). Однако именно эта прямота генерала вызывала раздражение как у британского военного и политического руководства, так и у Воронцова, который, искажая сведения о корпусе и кампании, целенаправленно добивался отстранения Эссена, вводя в заблуждение императора и двор.

На этот счёт генерал открыто писал, что получаемые графом донесения о состоянии и службе русских войск: «были составлены на тот конец, чтобы все неудачи сбросить на нас (русских — А.В.), яко единственный способ уйти от доставляемых порицаний своей нации, и сею хитростью закрыть все легкомысленства предприятия, неосновательные планы и неустойки в обещаниях» (цит. по: [Лапонов 2001: 69]).

Попытка графа свести все имевшиеся в Голландии межсоюзнические противоречия к «проблеме Эссена» могла бы удаться, если бы герцог Йоркский был успешным полководцем. Оба союзных командующих стратегами не были, но Эссен обладал железной волей и решительностью военного профессионала и потому смотрелся куда более серьёзно, нежели его английский начальник. Для профессиональных военных правота многих эссеновских замечаний и предложений была вполне очевидна.

Наконец, по мере ухудшения ситуации на театре военных действий, становилось понятным, что провал операции по вине английского правительства и военных осложнит англо-русские отношения, возможно поставив под удар союз самих держав. И в качестве предотвращения этого сделать виновным в поражении в Голландии неуступчивого «мерзкого» Эссена смотрелось вполне адекватным выходом из ситуации. Кстати, Эссен о чём-то подобном в конце кампании писал императору: «Английские генералы, похоже, стараются изо всех сил найти оправдания своим неудачным действиям в этой кампании, опасаясь ответственности по возвращении в Англию; однако маловероятно, что они захотят использовать для этого войска Его Императорского Величества» (цит. по: [Милютин 1853: 377]).

Однако граф Воронцов действительно верил именно британской информации о состоянии дел в русском корпусе, так как даже в письмах в Петербург не стеснялся называть русских солдат «бандитами», «трусами», «ворами», которыми командует некомпетентный командир и «отвратительные офицеры» [Архив князя 1880: 60, 65, 71].

Граф аргументирует свою позицию ссылками на упадок

дисциплинарных норм в русском корпусе, что, согласно его наблюдениям, приводило к актам агрессии и грабежам со стороны военнослужащих по отношению к местному населению. Однако достоверность подобных британских свидетельств, акцентирующих внимание на неорганизованности русских частей, их склонности к преступлениям и неспособности командного состава контролировать ситуацию, представляется спорной. Эти обвинения во многом базировались на результатах несчастной первой битвы при Бергене.

Несмотря на внушения командования о недопустимости нарушения воинской дисциплины и посягательства на собственность мирных жителей [Дубянский 1824г: 205], западные историки утверждают, что русские офицеры не смогли восстановить порядок, а русские солдаты после боя занялись грабежом [Anonym 1861: 31], используя даже церковь Бергена как склад для трофеев [Watkins 1827: 350]. Слухи о грабежах быстро подорвали доверие к русским со стороны английских войск, прямо связывавших поражение русских с грабежами [Wace 1919: 134]. Со своей стороны, командование корпуса признавало отдельные случаи грабежа брошенных домов отставшими солдатами, объясняя это голодом, а не желанием разрушать чужую собственность.

При этом ни конфиденциальные письма герцога Йоркского о сражении, ни отчёт капитана Тейлора, свидетеля атаки русского корпуса, о грабежах и насилии со стороны русских не упоминают. Исследование голландского историка ван Конингсбрюгге показывает, что негативный образ русских был основан на неподтверждённых слухах, распространившихся после битвы при Бергене [Koningsbrugge 1996: 77]. Первые обвинения исходили от французского генерала Брюна [Bourgoine 1840: 394], а голландская пресса активно их раздувала. Однако, как показало в дальнейшем расследование Батавской директории, масштабы британских преступлений были больше, а обвинения против русских часто не имели подтверждения. Согласно отчетности властей Бергена, несмотря на зафиксированные случаи мародерства в ряде домов, фактов насилия со стороны российских

военнослужащих по отношению к местному населению выявлено не было [Koningsbrugge 1996: 77]. Данный факт свидетельствует о том, что в отношении русской армии велась целенаправленная пропагандистская кампания, призванная закрепить за солдатами репутацию «жестоких варваров с Севера».

Таким образом, русские войска стали жертвой политизированной пропаганды, направленной на создание образа «диких северных варваров». При этом голландцы столкнулись с многочисленными случаями мародёрства со стороны английских военных [Чичагов 2002: 665–666]. Полковник Дубянский свидетельствовал, что англичане, хватавшие всё, что могли, вызывали недоброжелательность голландцев [Дубянский 1824г: 206]. Французы даже передали союзникам группу английских «мародёрок» — жён и подруг солдат, которые грабили сельские дома. Эти «фуражирки» были нагружены провиантом и щедро продавали добычу русским союзникам [Дубянский 1824г: 209].

Обвинения в пьянстве русских войск во время битвы при Бергене не подтверждаются. Солдатам раздавали ром перед боем из-за плохой погоды, но неопровержимых данных о злоупотреблении им войсками во время боя нет. Единственное упоминание об алкоголе в битве при Бергене связано с бочками, якобы оставленными французами. Русским солдатам приказали разбить их из-за опасения отравления [Дубянский 1824г: 209]. Однако этот случай упоминается только одним русским источником и не подтверждается французскими данными. При этом даже разграбление французского армейского продовольственного склада в Бергене, где были коньяк и вино, о чём пишет Гашо, не привело к массовому употреблению алкоголя русскими солдатами, хотя некоторые и успели его отведать [Gachot 1906: 256]. Утверждения же генерала Мура о «пьяных» солдатах в деревне Схорл можно объяснить прежде всего крайней физической усталостью войск, находившихся в сражении уже девять часов, а не алкогольным опьянением.

Возвращаясь к отношениям между Эссеном и Воронцовым и их

влиянию на ход кампании, важно отметить, что граф, будучи профессиональным политиком, не смог или не захотел донести до генерала Эссена всю сложность политической ситуации. Он не смог объяснить, почему русскому корпусу необходимо проводить именно ту политику, которую он от него требовал, по отношению к тем, кто, с точки зрения русских солдат и офицеров, фактически игнорировал их нужды, и почему русский посол оказывался на стороне именно этих людей. Вместе с этим к числу немногих положительных моментов англо-русского взаимодействия стоит отнести отношение британцев к раненым русским солдатам и офицерам. Без сомнения, имелись отдельные случаи воровства у раненых и иные эксцессы, но в целом британские врачи действительно делали всё возможное, чтобы вылечить как можно больше русских солдат. Тем более что на их плечи легла практически вся медицинская часть корпуса, поскольку его изначальная неукомплектованность врачами, санитарами и медикаментами особенно медикаментами была совершенно неудовлетворительной. Во многом в этом был виноват капитан Попхэм, оставивший в Ревеле весь медицинский обоз.

Оценивая военно-политические последствия Голландской экспедиции, что с точки зрения заявленных целей в рамках ведения коалиционной войны кампания закончилась совершеннейшей неудачей союзных сил. Британия не получила устойчивого европейского плацдарма для решения своих европейских политических задач. Захват же Батавского флота, хоть и был важным событием, но цель эта в реальности была сильно второстепенной, а угроза со стороны кораблей адмирала Стори — сильно преувеличена. Однако в связи с внутриполитической ситуацией операция была представлена правительством Питта в парламенте как часть британской амфибийной стратегии, при которой, как правило, достигались конкретные близкие цели подобных операций — в данном случае был захвачен голландский флот [Назаренко 2013а: 57].

Именно эти особенности реализуемой стратегии позволили британскому руководству впоследствии доказывать, что «основная цель

экспедиции» была достигнута, а неудача сухопутной армии уже была вторична, тем более что и восстание местного населения поднять не удалось [Назаренко 2013б: 203]. Да и потери армии были не особо велики — порядка 4644 человек [Милютин 1853: 84], но, с другой стороны, у Британии появилась армия, пусть новонабранная, но уже получившая боевой опыт и оказавшаяся вполне боеспособной, по крайней мере для амфибийных операций. С русской стороны оценка событий производилась с точки зрения достижения основных целей кампании (а захват флота к ним явно не относился), а также хода самой сухопутной операции [Милютин 1853: 204], в которой было потеряно 4 652 человека [Милютин 1853: 84], что составило почти треть корпуса и примерно столько, сколько стоила вся победная Итальянская кампания. Наконец, не произошло разгрома вражеских войск; более того, русские войска сами капитулировали перед неприятелем, что с точки зрения русского патриотизма и восприятия результатов кампании было совершенно неприемлемо [Назаренко 2013б: 204].

Однако, как мы уже могли убедиться, русский корпус не был разбит и, хотя понёс существенные потери и нуждался в отдыхе и пополнении, его боевой дух был высок. Обсуждения капитуляции, вполне укладывающейся в логику британской амфибийной стратегии и понятной для неё [Назаренко 2013б: 203], считавшейся победным исходом, происходили без участия русских, позиция которых в данном вопросе противоречила бы британской. Более того, всё это, вкупе с британской информационной политикой, надолго отобразило русскую армию в Голландии в негативном свете, прежде всего в самой России.

Конечно, поражение экспедиции имело для англо-русских отношений негативные последствия, которые, однако, проявились не сразу.

Прежде всего Британия была озабочена перспективами продолжения войны против Франции. Если ещё в октябре Питт, Гренвилл и Дандас считали Российскую империю, в отличии от Австрии, единственным надёжным союзником на континенте [Лапонов 2001: 77], то в дальнейшем ситуация

изменилась. Дело в том, что сразу после провала экспедиции перед британским военно-политическим руководством остро встал вопрос о выборе дальнейшей стратегии ведения конфликта. Дандас выступал за уход с континента и возвращения к амфибийной стратегии и колониальным экспедициям [Schroeder 1987: 279]. Уиндхем в свою очередь настаивал на осуществлении операций по поддержке протестных движений внутри Франции путём высадки десантов на вражеское побережье, а Питт и Гренвилл предлагали вновь пытаться организовать вторжение на территорию Франции со стороны Швейцарии [Schroeder 1987: 279]. Однако, в дальнейшем политическое руководство Британии стало склоняться к мнению, что Россия не может быть единственным военным союзником в Европе. Эти сомнения базировались в том числе и на возобладавшей в британских правящих кругах негативной оценке профессиональных качеств русской армии, которая воспринималась, по итогам Голландской и Швейцарской кампаний как недостаточно компетентная и неспособная воевать без широкой австрийской поддержки [Schroeder 1987: 279]. Особенно активно подогревал проавстрийские настроения находившийся в Швейцарии начальник британской шпионской сети У. Уикхам [Егоров 2017: 275]. В октябре – ноябре 1799 г. в своих донесениях он характеризовал суворовские войска как банду грабителей и даже призывал отказаться от сотрудничества с русскими, как с самостоятельной военной силой [Лапонов 2001: 78]. Политик уверял, что только австрийские войска способны воевать с французами, а русские не годятся даже для гарнизонной службы [Schroeder 1987: 279]. Предвзятость данных заявлений очевидна, но в сложившейся ситуации такие оценки, без сомнения известные широкому кругу британских политиков, совпали с заверениями герцога Йоркского, публично заявлявшего, что неудача экспедиции во многом связана с низкими боевыми качествами его русских союзников. Британские правительственные структуры не проверяли данные ни Уикхема, ни герцога. Даже попытки оппозиционного депутатов Р. Шеридана и Тиерни в Палате общин и лорда Холланда в Палате лордов во

время дебатов по итогам экспедиции в феврале 1800 г. инициировать расследование относительно действий русского корпуса и всех тех обвинений в адрес английских войск, выдвигавшихся со стороны генерала Эссена, не нашли поддержки.

При этом действия британской армии английскими парламентариями оценивались в целом положительными, а их союзников — «неправильными» [Лапонов 2001: 76], что в целом, как казалось, подтверждало оценки Йорка и Уикхама. В итоге политическое руководство королевства дало себя убедить в их истинности. И хотя конечное стремление Англии связать судьбу коалиции с Австрией имеет множество причин, уверенность британских политиков в превосходстве австрийской армии над русской и как следствие необходимости сохранения Австрии в составе коалиции как более мощной военной державы стало, в том числе, и следствием неоправданных оценок качества русских войск по итогам кампании в Голландии.

Как уже указывалось, неудача экспедиции не означали окончания решимости императора Павла I воевать с революционной Францией. И переговоры о дальнейшем использовании русских войск, эвакуированных из Голландии, начались уже в декабре 1799 г., хотя изначально Павел I приказывал Кутузову эвакуировать войска в Англию, а весной возвратить их в Россию [Кутузов 1950: 494].

Собственно, по всей видимости в Лондоне всё-таки возобладала идея использовать российские войска в амфибийной войне в интересах британской короны. В числе объектов для атаки указывались французский порт Брест [Егоров: 269], а также о. Валхерн у голландского побережья [Лапонов 2001: 86], Попхем предлагал перебросить корпус в Средиземноморье для поддержки русских войск в Италии [Куницын 2020: 164]. Примечательно, что, согласно действовавшей Конвенции, русские войска, выведенные из Голландии, могли быть задействованы только для обороны территории Британии, участие их в каких-либо иных операциях предусмотрено не было. Для чего в Петербург должен был отправиться капитан Попхэм с задачей заключения нового

договора.

Однако военные результаты экспедиции, наряду с иными военными и политическими событиями, привели к пересмотру подхода Российской империи к участию в коалиционной войне. Прежде всего в Петербурге доводы генерала Эссена всё-таки были, по всей видимости, услышаны, поскольку уже в октябре 1799 г., во время разрыва австро-русских отношений, при дворе укрепилось мнение, что русскими войсками в Голландии «дурно управляли» и им нужен именно русский начальник всё более укреплялось [Лапонов 2001: 68]. Партия противников англо-русского альянса, ярким представителем которой был тот же Ростопчин, получила «вернейшие доказательства» ненужности и опасности подобного союза для России. При этом то, что именно военные неудачи стали в дальнейшем одной из важнейших причин разрыва России и Англии, будет писать в своих воспоминаниях такой же англоман, как и Воронцов, адмирал Чичагов: «Неудачи, претерпенные (так в тексте — А.В.) герцогом Йорк, усилили дурное настроение духа в Павле. Лицам, старавшимся поссорить его с Англией, удалось его уверить, что англичане пожертвовали русскими войсками, подвергая их опасностям более, нежели себя самих. Постыдная клевета, в нелепости которой я имел возможность лично убедиться во время пребывания моего в лагере герцога Йорк!» (цит. по: [Чичагов 2002: 669–670]). Одновременно с этим в Петербурге в декабре 1799 г. отклонили все британские десантные проекты, о чём в Лондоне станет известно только в марте 1800 г. [Егоров 2017: 274]. Отметим, что горячим противником всех этих десантов был в том числе и Суворов [Егоров 2017: 269].

В то же время план кампании 1800 г., предложенный Павлом I, представлял собой комбинированную операцию против Франции полевых австрийских и русских войск, наступавших из Италии и из-за Рейна, с высадкой на западном побережье Франции двух десантов — русского и английского — где-то между устьями рек Луары и Гаронны с целью поднятия народного восстания против Республики. Но непременными условиями

являлось то, что оба этих корпуса будут действовать в связи, но отдельно друг от друга, иметь собственных командиров и собственные военно-политические задачи, и цели [Милютин 1853: 173]. Также Петербург требовал, чтобы герцог Йоркский в предстоящей кампании не участвовал [Лапонов 2001: 83]. Все перевозки войск должен был осуществлять только русский флот.

Такое решение императора Павла I в отношении Англии, было прямым следствием неудачи Голландской экспедиции. Россия отказывалась от практики формирования объединённых группировок войск с иностранным участием, тем более под иностранным командованием, в пользу свободы осуществления собственных операций с использованием исключительно национальных вооружённых сил. Это касалось не только армии, но и флота. Без сомнения, такое неожиданное радикальное решение, стало неприятным сюрпризом для английского правительства. При этом император не отказывался взаимодействовать ни с Англией, ни с Австрией — он менял правила и приоритеты сотрудничества. В этой связи генералу Ш. де Виоменилю, французскому эмигранту на русской службе и новому командующему корпуса, было поручено начать определение мест, где высадка русских войск могла бы спровоцировать народные восстания против Республики [Куницын 2020: 164]. Интересно, что император специально указал, что русские войска должны воевать в одиночку, дабы «как показывает наш опыт, чтобы добиться успеха в этом деле, мы должны действовать в одиночку, чтобы не быть обременёнными злобой или ревностью союзников» (цит. по: [Милютин 1863: 434]).

Вместе с этим видится необходимым хотя бы кратко постараться понять стратегическое значение подобных операций. Собственно, о сложности их практического исполнения говорили и в английском правительстве, и граф Воронцов, и в данном случае с ним придётся согласиться. Действительно, русский флот и армия в данном регионе не имели собственной базы, а значит, вновь поднимались вопросы размещения, снабжения и координации военных усилий российских войск, которые вновь попадали в зависимость от Британии.

С другой стороны, самостоятельные военные операции отряда в 12 000 человек должны были иметь единую и чёткую военно-политическую цель. Ничего подобного в обозримом будущем сложившаяся стратегическая ситуация предоставить на западном французском побережье не могла. А потому в конце концов всё вернулось бы к задействованию русских сил в английской стратегии морских десантных операций, что было неприемлемо в связи с новыми взглядами на использование русских вооружённых сил в коалиционной войне.

Одновременно с этим к началу 1800 г. в Петербурге окончательно убедились, что многое из того, о чём докладывал Эссен, оказалось правдой [Милютин 1863: 194]. Тем более что даже расположение войск на необустроенных для этого островах Джерси и Гернси имело для Англии важное стратегическое значение, так как находившиеся на них русские части опосредованно прикрывали британский юго-восток с наиболее крупными портами Плимут и Портсмут [Гребенщикова 2020а: 37]. При этом «на зимних квартирах» русские переносили существенные трудности с размещением, и, хотя местные власти делали всё, чтобы улучшить ситуацию, само положение войск на крохотных островах и, в особенности, условия их пребывания были расценены в Петербурге как пренебрежение к российским войскам [Милютин 1853: 196].

В целом же с февраля 1800 г. начинается англо-русский кризис, связанный в том числе и с попыткой британского казначейства уменьшить ранее оговоренные субсидии за Голландскую экспедицию, поскольку часть русского контингента погибла. Это было резко негативно воспринято императором Павлом I, и, отправив в Британию счёт на почти полмиллиона фунтов, он приказал прекратить переговоры [Куницын 2020: 169], а лорду Гренвиллу было объявлено, что русский император «подаёт помощь союзникам своим, а не торгует наёмными войсками и не продаёт своих услуг» [Милютин 1853: 484]. 12 февраля в Лондон ушло требование: Уитворт должен покинуть Россию [Ragsdale 1983: 100], а в мае из Лондона был отозван посол

Воронцов. Отправившийся в Петербург с миссией добиться новых войск капитан Попхэм так и не получил аудиенции у императора, хотя и прождал несколько месяцев. Выдворенный английский посол прямо докладывал, что первостепенными причинами недовольства Павла I английской стороной являются неудача Голландской экспедиции и поддержка Англией Австрии в её конфликте с Россией [Куницын 2020: 170]. Добавил напряжения между странами и неожиданный запрет короля Георга III носить русские ордена, пожалованные его офицерам Павлом I за Голландскую экспедицию. Оскорблённый таким поступком император через Воронцова затребовал вернуть ордена, что и было выполнено [Лапонов 2001: 77]. Не менее неприглядной оказалась и история с русскими пленными, которых английский командующий даже не упомянул в контексте обмена с генералом Брюном.

И первый обмен, в котором освобождались русские пленные, состоялся 10 (23) октября 1799 г. по инициативе французской стороны, когда 25 французских и батавских пленных офицеров было обменено на 23 английских и 2 русских [Gachot 1906: 308].

В итоге большинству пленных солдат и офицеров приходилось выбираться из плена поодиночке, без средств к существованию, и без особого содействия со стороны англичан, что вызвало гнев императора. В апреле рескриптом императора графу Воронцову было официально запрещено обсуждать какое-либо военное сотрудничество с Британией: «дав уже решительное повеление о возвращении российских войск из Голландской экспедиции бывших, е.и.в. не изволит входить ни в какие подробности на счёт будущих военных действий, но ожидает только строго и непременного исполнения своих приказаний» (цит. по: [Александренко 1897: 276]).

Также были отвергнуты и предложения де Вионемиля об усилении войск до 35 000 человек [Милютин 1853: 198]. Собственно, приказ о возвращении войск в Россию достиг Лондона ещё в феврале 1800 г., но в силу различных причин, например, затянувшегося ремонта военных кораблей, русские войска отплыли домой в Россию только в июне 1800 г.

Заключение

К концу XVIII в. Российская империя из крупного, но слабо развитого государства европейской окраины превратилась в ведущую военную и политическую силу континента, имевшую опыт войны с различными противниками. К концу столетия сложилась военно-политическая практика союза Австрии и России. Это дало русской армии обширный и преимущественно положительный опыт участия в коалиционных войнах. Он включал в себя как в передачу или принятии союзнических войск в оперативное подчинение, так и в согласовании тактических и стратегических планов, характера ведения кампании, взаимодействия войск непосредственно на поле боя.

Русская стратегия и тактика стали более решительными и наступательными. Это стало возможным благодаря нескольким факторам: однородному национальному составу армии, самобытной военно-педагогической школе и созданию гибкой тактической системы, эффективной как против регулярных, так и против иррегулярных войск. В стратегии произошел переход к новой модели: теперь военные и политические цели были неразрывно связаны, а основные усилия концентрировались на разгроме армии противника в одном или серии решающих сражений. Этот подход стал результатом накопленного опыта и практического применения теорий, которые в Европе тогда считали утопичными. Творческий подход к передовым идеям военного искусства, подобный деяниям Петра Великого, способствовал сохранению и развитию русского самобытного военного искусства, являвшегося важной частью европейской военной научно-практической системы.

При этом к концу XVIII в. в армии накопилось значительное количество проблем, в том числе: разность в боевой и строевой подготовке войск, существенный некомплект личного состава, казнокрадство и воровство на всех уровнях армейской иерархии, злоупотребления в офицерском

чинопроизводстве, большая, слабо контролируемая власть командующих всех рангов на местах, что подтачивало силы армии изнутри. Военные реформы императора Павла I были, с одной стороны, реакцией на общее состояние армии, а с другой — укладывались в общую логику военных преобразований XVIII в., имевших целью улучшение состояния вооружённых сил. В результате реформ армейская структура и сочетание родов войск были приближены к европейским аналогам, существенно улучшена артиллерия, а введённые уставы и система контроля за их исполнением выполнили главную задачу — упорядочили эволюции и экзерциции в войсках. В области чинопроизводства Павлу I удалось сломать многолетнюю практику продвижения офицеров по карьерной лестнице за счёт «милостливости» начальников всех уровней, что резко улучшило ситуацию в офицерской среде, выдвинув в качестве основания для повышения выслугу, знания и заслуги, а не угодничество или происхождение. Отметим и повсеместную борьбу с коррупцией и всяческими злоупотреблениями в армейской среде, улучшение положения солдат, в том числе в области упорядочения несения службы, вещевого довольствия, выдачи положенных денежных выплат, защиты от произвола офицеров.

В целом, несмотря на имевшиеся недостатки, военные реформы Павла I были полезны для русской армии и сумели изменить ситуацию в ней в лучшую сторону, что было особенно важно, поскольку в Европе уже полыхал новый большой конфликт — война монархической Европы с революционной Францией. С одной стороны, эти войны явились конфликтом совершенно нового характера, пронизанным непримиримостью идеологического противостояния, с другой — продолжением уже имевшихся противоречий и территориальных споров.

И хотя Российская империя не приняла военного участия в Первой антифранцузской коалиции, общая логика развития европейской военно-политической обстановки в 1797–1798 гг. говорила о неминуемости вовлечения России в идущее противостояние. При этом причины вступления России во Вторую антифранцузскую коалицию связаны прежде всего с

активизацией французской экспансионистской политики в Восточном Средиземноморье и на Балканах, что угрожало безопасности южных рубежей империи. Без сомнения, сюда же стоит отнести и резкое неприятие императором Павлом I революционных идей и осознание им необходимости ограничения их распространения в Европе. «Мальтийский вопрос», столь часто рассматриваемый в качестве основной причины вступления России в коалицию можно оценить, как один из поводов, но не причину участия в конфликте. В тоже время внешняя политика императора — военный союз с Австрией, Англией и даже с Турцией, отправка воинских контингентов в Европу и флота в Средиземноморье — является логическим продолжением предыдущей имперской политики минимизации возможных рисков и угроз для государства.

При этом формы ведения коалиционной войны — интеграция русских и союзных им войск в состав объединённых оперативно-стратегических группировок — не были чем-то новым, но особенным было то, что впервые армия не имела собственного театра боевых действий и не выступала как самостоятельная боевая сила. Конечно, подобное положение отличалось от планов кампании, разрабатывавшихся в 1796 г., но в данном случае такая форма вооружённого участия в войне являлась следствием тогдашней объективной реальности и имевшихся между союзными дворами договорённостей. К участию в конфликте Российская империя подготовила вторую по численности армию — до 186 000 человек, из которых 82 000 были отправлены в Европу, а остальные развёрнуты на западных границах. Отметим, что по мере нарастания разногласий между союзниками идея концентрации русских войск под русским командованием на отдельном театре военных действий будет приобретать всё более заметные черты к осуществлению подобного проекта.

В то же время участники Второй антифранцузской коалиции повторяли все ошибки предыдущей войны: не была разработана единая стратегия, не выбран единый командующий, и фактически Англия, Россия и Австрия вели

автономные военные кампании. Всё это во многом нивелировало факторы превосходства союзников — численный перевес и наличие самого одарённого полководца столетия. В конце концов приоритет собственнически-захватнических целей над общекоалиционными в австрийской политике разрушил всякое взаимодействие между главными ударными силами коалиции — Россией и Австрией.

В то же время Голландия, несмотря на свою удалённость от основных театров ведения боевых действий, являлась стратегически важной территорией, что прекрасно осознавалось и Францией, и её противниками.

Хотя Британия имела первостепенные интересы в регионе, она была ограничена в сухопутных силах. Тем не менее, Лондон рассматривал территорию Голландии как критически важную стратегическую точку. Отсюда и настойчивое желание британцев отбить Голландию и объединить её с Австрийскими Нидерландами под властью штатгальтера Вильгельма Оранского, чтобы превратить её в плацдарм для восстановления британского влияния на континенте и создания барьера против французской экспансии. Такая конфигурация не только решала задачу сдерживания Франции, но и не позволяла усилиться в данном регионе другим державам — прежде всего Пруссии и Австрии. Не будем отрицать и важность захвата остатков Батавского флота как устранения даже гипотетической угрозы высадки французского десанта на берегах Туманного Альбиона.

Однако самостоятельно осуществить такую операцию Британия не могла, а потому были предприняты многочисленные усилия, чтобы втянуть в неё Россию, в которой ещё в 1798 г. осознавали, что Голландию нужно отбивать. Ранее Петербург уже пытался использовать Голландию в качестве территориального вознаграждения за вступление Пруссии в коалицию. И всё же участие России в Голландской кампании стоит рассматривать прежде всего в парадигме логики коалиционной войны — как с позиций осуществления текущей стратегии конфликта, так и операции, имевшей целью возможное изменение характера участия русской армии в данной войне. На фоне

растущих противоречий с Австрией усилия Англии относительно Голландии казались чётким сигналом о ценности для неё союзнических отношений с Россией и стремлении продолжать войну с Францией. При этом территориальные устремления Британии не были секретом для императора Павла I, но в случае успеха операции русская армия получала устойчивый плацдарм для вторжения во Францию с северо-западного направления, через Франш-Конте и далее на Париж. Это позволяло России открыть самостоятельный фронт и занять доминирующее военно-политическое положение в коалиции. Кроме того, перенос войны на французскую территорию мог бы подтолкнуть Пруссию к присоединению к антифранцузской коалиции. Наконец, прямая угроза важнейшему сателлиту Французской республики привела бы к переброске на новый фронт французских войск с других участков, что могло облегчить положение союзных войск в Швейцарии и Италии.

При этом Россия уже несла достаточно тяжёлое бремя коалиционной войны, и условием участия в походе стало выделение Британией соответствующих субсидий и привлечение к походу собственно британских войск, чего изначально не предполагалось. Отметим, что с самого начала подготовка к походу происходила в условиях острой нехватки времени. Это было связано как с развитием военной и политической ситуации в Италии и Швейцарии, так и с наступлением весьма короткого сезона, в который можно проводить такие операции. Первоначальное обсуждение проекта нападения на Голландию началось в феврале-марте, конвенция между Россией и Англией была заключена 11 июня, а первая дивизия русских войск отправилась в поход уже 2 августа 1799 г. Несмотря на объективные сложности и ограниченные сроки, российская сторона успешно отправила морем 17-тысячный корпус, укомплектованный элитными, хорошо обученными и высокомотивированными воинскими частями. На этапе подготовки деятельность британского военного представителя капитана первого ранга Попхэма, отвечавшего за отправку корпуса, можно оценить как резко

отрицательную. Его усилиями русские войска уходили в поход практически без обоза и лагерных принадлежностей, которые, по уверениям английского офицера, должны были быть предоставлены им в Голландии за счёт Англии в полном объёме, что так и не было выполнено. Так же повели себя британские власти и при обсуждении с русской стороной вопроса планирования операции. С Петербургом обсуждали проекты, стратегические планы, которые даже не собирались реализовываться, что являлось прямым обманом Британией своего союзника. При этом англичане скрывали от своих русских союзников, что вообще не имели никаких разработанных планов предстоящей кампании. В результате имевшиеся на руках у русских командующих «секретные» планы никак к реальности не относились.

Более того, британская сторона ошибалась практически по всем вопросам, являвшимся жизненно важными для успеха операции. Так, в Лондоне существенно преувеличили влияние партии оранжистов в Голландии и готовность населения восстать против французов. Несмотря на разветвлённую шпионскую сеть, англичане точно не знали ни численности голландских и французских войск, ни их боевых качеств, ни готовности оказывать сопротивление союзному десанту. Фактически один стратегический просчёт накладывался на другой, порождая существенное искажение реальности. Силы и средства, необходимые для похода, рассчитывались на основе совершенно неверных данных и представлений о несложности операции.

Характеризуя короткую, но весьма насыщенную событиями сухопутную часть операции, следует отметить, что стратегию союзников можно охарактеризовать как совершенно бездарную и шаблонную. Однако русское влияние на выработку стратегических планов сухопутной кампании было минимальным и в лучшем случае мнение российских военных учитывалось при рассмотрении каких-то незначительных вопросов. При этом командующий операцией, герцог Йоркский, военными талантами не блистал, и Петербург даже высказывался, в своё время, против его кандидатуры.

В целом вся кампания отличается нерешительностью командующих союзных войск, будь то генерал-лейтенант Аберкромби или сам герцог Йоркский. Имея численное превосходство, вся стратегия союзного десанта свелась к серии повторяющихся фронтальных наступлений на позиции противника, которые либо отражались, либо французы отходили на новые, более выгодные рубежи. При этом, как ни странно, стратегическая инициатива в целом принадлежала французам, поскольку ожидалось прибытие к ним подкреплений, что вынуждало союзников постоянно атаковать неприятеля на чрезвычайно сложной для этого местности, которую к тому же республиканцы ещё сами и выбирали. Герцог даже не задействовал своё абсолютное превосходство во флоте для проведения хоть какой-нибудь операции против, например Антверпена, чтобы отвлечь часть франко-батавских сил. От соответствующих предложений адмирала Митчелла герцог просто отмахнулся. Предлагаемые командующим планы баталий были, по мнению самих британских генералов, сложны в исполнении и плохо продуманы.

В то же время русские войска, воюя на незнакомой местности с незнакомым противником, демонстрировали вполне уверенную способность к боевым действиям в подобных условиях, применяя современную тактику и даже дважды — в сражениях при Бергене и Кастрикуме — своим натиском и отвагой ставили противника на грань поражения. При этом в корпусе ощущалась нехватка продовольствия, боеприпасов, лагерного имущества и лошадей даже для артиллерии и обоза. Кроме того, к концу кампании окончательно стало понятно, что в сражении русские войска могли рассчитывать только на свои силы, так как во всех трёх крупных сражениях сентября – октября 1799 г. английские союзники либо не оказывали им поддержку, а в ряде случаев и просто бросали своих боевых товарищей, либо помощь приходила с большим запозданием.

Специфика успешной коалиционной операции заключается в наличии доверия и действенного взаимодействия между её участниками. Поражение в битве при Бергене 8 (19) сентября 1799 г., произошедшее во многом по вине

английской стороны, породило множество взаимных упрёков, которые стали причиной резкого охлаждения межсоюзнических отношений. Обвинения русских войск в мародерстве и насилии зачастую оказывались необоснованными или не находили документального подтверждения. Напротив, отказ британской стороны в военной помощи во время битвы был очевидным фактом, что и стало предметом прямых претензий. И в дальнейшем этот разлад только нарастал, поскольку англичане не смогли выполнить свои обязательства в отношении снабжения русских войск, а сам герцог Йоркский относился к своим союзникам с явным недоброжелательством и пренебрежением, что быстро распространилось и по остальной армии. При этом союзники, опять же по вине Йорка и его штаба, не смогли выстроить эффективную систему военно-оперативного сотрудничества и рационально использовать уже имеющиеся ресурсы. Наконец, существенным препятствием стало и отсутствие взаимопонимания между герцогом Йоркским и русским генерал-лейтенантом Эссеном. Исполняя свой долг по сохранению жизней своих солдат и обеспечению их всем необходимым, он столкнулся с недовольством и конфронтацией со стороны британцев. Его объективные доклады, отражавшие реальное положение дел, были восприняты британской стороной как «подлые интриги», что послужило поводом для развязывания весьма грязной информационной кампании против русских войск и их командира. Свою отрицательную роль сыграла и проанглийская оценка ситуации со стороны русского посланника графа С.Р. Воронцова.

Однако, несмотря на все эти сложности, русские солдаты и офицеры до самого конца честно исполняли свой воинский и союзнический долг. К концу кампании русский корпус, несмотря на понесённые потери, не только не был разбит, но и сохранил высокий боевой дух и боеспособность. Это свидетельствует о стойкости и профессионализме русских войск прежде всего в таких сложных условиях. Нежелание же англичан строить отношения на признании равноправия коалиционных партнёров, объединённых единым желанием достижения победы, многочисленные политические, военные и

организационные просчёты в конце концов стоили им не только победы, но и союзника. Неутешительные военные результаты кампании, большие потери среди русских войск, подтверждение негативного отношения британцев к своим союзникам во время кампании привели к тому, что по завершении операции русской стороной были сделаны достаточно серьёзные выводы.

Прежде всего была пересмотрена военная политика в отношении Британии: прекращено создание оперативно-тактических объединений армии и флота союзников и их действия в интересах Британии. На стратегическом уровне вновь рассматривается возможность самостоятельных боевых действий русских войск. Наконец, именно военные неудачи голландской экспедиции, в совокупности с политическими факторами и событиями, в конце концов привели к разрыву между Британией и Россией.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные источники:

Государственный мемориальный музей А.В. Суворова (ГММС) Фонд "Рукописи и документы"

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН). Ф. 36 (Воронцовы).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Разряд XXX (Новые дела (коллекция) Государственного архива Российской империи). Ф. 30.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 42 (Ламб Иван Варфоломеевич).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 26 (Военно-походная канцелярия е.и.в.). Оп. 1/152 (Материалы об организации армии в мирное и военное время. 1797–1814 гг.).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 29 (Канцелярия военного министерства). Оп. 153 б (Дела дежурства Экспедиционного корпуса в Голландии и Экспедиционного корпуса ген.-лейт. Германа).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489 (Формулярные списки и другие материалы о службе личного состава русской армии (коллекция)).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846 (Военно-учёный архив).

Опубликованные источники:

Адмирал Ушаков 1952 — Адмирал Ушаков: в 3 т. Т. 2: Материалы для истории русского флота. Русские флотоводцы / под ред. Р.Н. Мордвинова. М.: Военно-морское издательство Военно-морского министерства Союза ССР, 1952. 606 с.

Архив князя 1880 — Архив князя Воронцова: в 40 тт. Т. 10 / под ред. П.И. Бартенева. М.: Тип. Грачева и К°, 1876–1880. 505 с.

Вести из России 1876 — Вести из России в Англию в царствование императора Павла Петровича (Переписка графа Ф.В. Ростопчина с графом С.Р. Воронцовым) // Русский архив. 1876. Вып. 9. С. 65–104.

Воинский устав 1797 — Воинский устав государя императора Павла Перваго о полевой пехотной службе. СПб.: Типография Морского шляхетного кадетского корпуса, 1797. 357 с.

Всевысочайшие приказы 1799 — Всевысочайшие приказы, отданные в присутствии Его Императорского Величества Государя Императора, 1799 года. СПб: [б. и.], 1799. 386 с.

Дубянский 1824а — *Дубянский А.Я.* Записки военнопленного российского штаб-офицера во время Голландской экспедиции 1799 г. // Сын Отечества. 1824. Ч. 92. № 9. С. 49–63.

Дубянский 1824б — *Дубянский А.Я.* Записки военнопленного российского штаб-офицера во время Голландской экспедиции 1799 г. // Сын Отечества. 1824. Ч. 92. № 10. С. 97–114.

Дубянский 1824в — *Дубянский А.Я.* Записки военнопленного российского штаб-офицера во время Голландской экспедиции 1799 г. // Сын Отечества. 1824. Ч. 92. № 11. С. 149–166.

Дубянский 1824г — *Дубянский А.Я.* Записки военнопленного российского штаб-офицера во время Голландской экспедиции 1799 г. // Сын Отечества. 1824. Ч. 92. № 12. С. 197–216.

Дубянский 1824д — *Дубянский А.Я.* Записки военнопленного российского штаб-офицера во время Голландской экспедиции 1799 г. // Сын Отечества. 1824. Ч. 92. № 13. С. 245–262.

Дубянский 1824е — *Дубянский А.Я.* Записки военнопленного российского штаб-офицера во время Голландской экспедиции 1799 г. // Сын Отечества. 1824. Ч. 92. № 14. С. 293–305.

Кутузов 1950 — М.И. Кутузов: документы: в 5 т. Т. 1 / под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Военное издательство, 1950. 793 с.

Материалы для жизнеописания 1891 — Материалы для жизнеописания графа Н.П. Панина: в 7 тт. Том 4 / под ред. А.Г. Брикнера. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1891. 408 с.

Фукс 1826 — *Фукс Е.Б.* История российско-австрийской кампании 1799 г. под предводительством генералиссимуса, князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. Ч. 3: Подлинные акты и официальные бумаги. — СПб.: Военная типография Главного штаба, 1826. 667 с.

Материалы по истории 2009 — Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801: сборник документов: в 2 т. / сост., вступ. ст., коммент., оформление К.В. Татарникова. М.: Русская панорама, 2009. Т. 1. 446 с.

Санкт-Петербургские 1799а — Санкт-Петербургские ведомости. 1799. № 80. С. 1938–1939, 1992–1994.

Санкт-Петербургские 1799б — Санкт-Петербургские ведомости. 1799. № 82. С. 2048–2051, 2053.

Санкт-Петербургские 1799в — Санкт-Петербургские ведомости. 1799. № 83 С. 2079–2080.

Сведения о Гатчинских 1835 — Сведения о Гатчинских войсках: Состав и устройство. Походы. Учеб. занятия. СПб.: Военная типография, 1835. 109 с.

Собрание трактатов 1892 — Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Том IX (X). Трактаты с Англией / сост. Ф.Ф. Мартенс. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения (А. Бенке), 1892. 563 с.

Строевые уставы, инструкции и наставления — Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века: сборник материалов: в 2 т. / сост., вступ. ст., коммент., оформ. К.В. Татарникова. М.: Русская панорама, 2010. Т. 1. 455 с.

Суворов 1952 — А.В. Суворов. Документы / под ред. Г.П. Мещерякова. Т. 3: 1791–1798 гг. М.: Воениздат, 1952. 674 с.

Суворов 2017 — *Суворов А.В.* Наука побеждать. М.: Издательство АСТ, 2017. 320 с.

Чичагов 2002 — *Чичагов П.В.* Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова первого по времени морского министра. М.: Российский фонд культуры, Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, «Российский Архив», 2002. 800 с.

Шишков 1800 — *Шишков А.С.* Собрание морских журналов, или ежедневных записок: содержащих в себе плавания флотов, эскадр и судов российских, начиная с 1797 года, то есть со времени вступления на престол его императорскаго величества государя императора Павла Петровича. Ч. 2. СПб.: Тип. Морского шляхетнаго кадетского корпуса, 1800. 277 с.

Энгельгардт 1868 — *Энгельгардт Л.Н.* Записки Льва Николаевича Энгельгардта, 1766–1836: (с примеч. М.Н. Лонгинова и Н.В. Путяты и указателем). М.: Изд. «Русский архив», 1868. 240 с.

Anonym 1800 — *Anonym*. Mémoires historiques sur la campagne du général Brune en Batavie, du 5 fructidor an 7, au 9 frimaire an 8 : redigés par un officier de son état-major. Paris: Favre, 1800. 115 p.

Anonym 1861 — *Anonym.* The campaign in Holland, 1799, by a Subaltern. London: W. Mitchell, Military Publisher, 1861. 90 p.

Bunbury 1854 — *Bunbury H.E*. Narratives of Some Passages in the Great War with France, from 1799–1810. London: Richard Bentley, 1854. 471 p.

Casse 1870 — *Casse A.Du.* Le Général Vandamme et sa Correspondance. Tome Second. Paris: Didier, 1870. 606 p.

The Diary 1904 —The Diary of Sir John Moore / ed. by J.F. Maurice. Vol. 1. London: Edward Arnold, 1904. 402 p.

Fortescue 1905 — *Fortescue J.B.* Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue Esq., preserved at Dropmore. Vol. 5. London: HMSO, 1905. 556 p.

Guibert 1775 — *Guibert J.A.H.* de. Essai général de tactique, précédé d'un discours sur l'état actuel de la politique & de la science militaire en Europe : Avec le plan

d'un ouvrage intitulé: la France politique et militaire. T. 1. Liège: Plomteux, 1775. 417 p.

Journal Kept 2014 — Journal Kept by Lieutenant and Adjutant Hunt, of the 7th (Or Queen's Own) Light Dragoons, During the Regiment's Absence on the Expedition to North Holland in the Year 1799 // Royal United Services Institution. Journal. 2014. Vol. 59, Iss. 437. P. 155–184.

Krayenhoff 1832 — *Krayenhoff C.R.T.* Geschiedkundige Beschouwing van den Oorlog op het Grondgebied der Bataafsche Republiek in 1799. Nijmegen: Vieweg en Zoon, 1832. 508 p.

Letters and Journals 1881 — Letters and Journals of Field-Marshal Sir William Maynard Gomm, From 1799 to Waterloo 1815 / ed. by F.C. Carr-Gomm. London: John Murray, 1881. 378 p.

Maule 1816 — *Maule F.* Memoirs of the principal events in the campaigns of North Holland and Egypt, together with a brief description of islands of Crete, Rhodes, Syracuse, Minorca and the voyage in the Mediterranean. London: F.C. and L. Rivington, 1816. 313 p.

Private Papers 1913 — Private Papers of George, Second Earl Spencer, First Lord of the Admiralty, 1794–1801 / ed. by G.J.S. Spencer, J.S. Corbett, H.W. Richmond. Vol. 3 (Navy Records Society, Vol. 48). London: Navy Records Society, 1913. 401 p.

Surtees 1833 — *Surtees W.* Twenty-Five Years in the Rifle Brigade. London: T. Cadall, 1833. 435 p.

Tupper 1847 — The Life and Correspondence of Major-General Sir Isaac Brock / ed. by F.B. Tupper. London: Simpkin, Marshal, 1847. 492 p.

Vivian 1897 — *Vivian R.H.* First Baron Vivian: a memoir. London: Isbister and Co. Limited, 1897. 342 p.

Walsh 1800 — *Walsh E.A*. Narrative of the Expedition to Holland in the autumn of the year 1799: illustrated with a map of North Holland and Seven Views. London: G.G. and J. Robinson, Paternoster, S. Hanson, 1800. 164 p.

Wace 1919 — *Wace A.* «A British Officer on Active Service, 1799»: The Annual of the British School at Athens, Vol.23, 1919. P.126–138.

Weil 1923 — *Weil M.-H.* Le General De Stamford, D'Apres sa Correspondence Inedite 1793–1806. Paris: Payot & Co, 1923. 828 p.

Литература:

Агуреев, Скотников 2024 — *Агуреев С.А., Скотников Д.Е.* Мальтийский проект Павла I — отражение российской внешней политики // Обозреватель — Observer. 2024. № 2. С. 90–101.

Александренко 1897 — *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке: в 2 т. Т. 2. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1897. 414 с.

Андагорский 1914 — *Андагорский А.И.* Павел I Петрович. Император Всероссийский // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 17. Петроград: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. С. 247–254.

Баиов 1910 — *Баиов А.К.* Курс истории русского военного искусства. Вып. VI: Эпоха императора Павла. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910. 176 с.

Бескровный 1951 — *Бескровный Л.Г.* Стратегия и тактика Суворова // Суворовский сборник: статьи и исследования. М.: Академия наук СССР, 1951. С. 30–61.

Бескровный 1957 — *Бескровный Л.Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 454 с.

Бескровный 1958 — *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М.: Военное изд-во, 1958. 622 с.

Бескровный 1962 — *Бескровный Л.Г.* Очерки военной историографии России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 317 с.

Валишевский 1914 — *Валишевский К.Ф.* Сын Великой Екатерины: Император Павел I, его жизнь, царствование и смерть, 1754–1801: по новым, большей

частью неизданным документам. СПб.: Изд. Т-ва А. С. Суворина – «Новое время», 1914. 662 с.

Виноградов 2001 — *Виноградов В.Н.* Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 109–136.

Военный энциклопедический 1837 — Военный энциклопедический лексикон: издаваемый Обществом военных и литераторов; посвящённый его императорскому высочеству наследнику цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу. В 14 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1837. 728 с.

Военный энциклопедический 1838 — Военный энциклопедический лексикон: издаваемый Обществом военных и литераторов; посвящённый его императорскому высочеству наследнику цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу. В 14 ч. Ч. 2. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1838. 643 с.

Военный энциклопедический 1843 — Военный энциклопедический лексикон: издаваемый Обществом военных и литераторов; посвящённый его императорскому высочеству наследнику цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу. В 14 ч. Ч. 7. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1843. 657 с.

Военный энциклопедический 1850 — Военный энциклопедический лексикон: издаваемый Обществом военных и литераторов; посвящённый его императорскому высочеству наследнику цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу. В 14 ч. Ч. 14. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1850. 415 с.

Волков 2021а — *Волков А.Л.* Битва, решившая всё // Рейтар. 2021. № 93 (3/2021). С. 37–67.

Волков А.Л. 2021б — *Волков А.Л.* Русско-английская экспедиция в Голландию 1799 г.: «красные мундиры» и «русские медведи»» // Перекрёстки истории, актуальные проблемы исторической науки: Материалы XVII Всероссийской научной конференции / отв. ред. и сост. Е.Г.

Тимофеева, А.О. Тюрин. Астрахань: Астраханский университет, 2021. С. 70–74.

Волков 2022а — *Волков А.Л.* «О бедном Германе замолвите слово» // Рейтар. 2022. № 97 (3/2022). С. 44–70.

Волков 2022б — *Волков А.Л.* Во всём виноваты русские? Действия русского корпуса генерал-лейтенанта И.И. Германа в сражении у Бергена 8 сентября 1799 г. // Астраханские Петровские чтения: материалы VI Международной научной конференции «Петр Первый и имперские практики фронтирного пространства» (г. Астрахань, 24 ноября 2021 г.) / отв. ред. и сост. Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2022. С. 61–70.

Волков 2022в — *Волков А.Л.* «Отчёт о действиях правой колонны русских под командованием генерал-лейтенанта Германа во время атаки 19 сентября 1799 года» капитана Герберта Тейлора, адъютанта герцога Йоркского // Учёные записки АГУ им. В.Н. Татищева. История. «Каспийский регион в имперском пространстве. К 350-летию со дня рождения Петра I Великого»: материалы VII Международной научной конференции «Астраханские Петровские чтения» (г. Астрахань, 6–7 октября 2022 г.) / отв. ред. и сост.: Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин, Р.Т. Алиев. Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2022. С. 176–186.

Волков 2023а — *Волков А.Л.* Несколько замечаний о «пруссачине» императора Павла Первого и воинском уставе «О полевой пехотной службе» 1796 г. // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XVIII Всероссийской научной конференции / отв. ред. и сост. Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин, Р.Т. Алиев. Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2023. С. 290–298.

Волков 2023б — *Волков А.Л.* Русские мотивы «прусского» устава императора Павла I // Вестник исторических наук. 2023. Т. 1. № 1. С. 13–22.

Волков 2024 — *Волков А.Л.* «Репрессии» в отношении офицеров русской армии в период правления императора Павла Первого // Астраханские Петровские чтения: материалы VIII Международной научной конференции «Военный дискурс в исторической науке современной России» (г. Астрахань, 10–11 ноября 2023 г.) / отв. ред. и сост. Е.Г. Тимофеева, И.В. Торопицын, А.В. Олейников, А.О. Тюрин. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2024. С. 16–29.

Волков 2024а — *Волков А.Л.* Русский вспомогательный корпус в Голландии в сентябре-ноябре 1799 г. // Военная история России XVII–XX вв. Материалы II Международной научной конференции / Государственная публичная историческая библиотека России. – Москва, 2024. – С. 36-47.

Волков 2025а — *Волков А.Л.* Несколько замечаний к «Журналу Военным действиям Голландской экспедиции, бывшей в 1799-м году» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 2. С. 140–156.

Волков 2025б — *Волков А.Л.* В тени недоверия: к вопросу о взаимодействии русских и английских войск в Голландии (август–ноябрь 1799 г.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 102–119.

Волков 2025в — *Волков А.Л.* Организация и состав русского вспомогательного корпуса генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена в 1799 г // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. С. 139–155.

Волков 2025г — *Волков А.Л.* Боевая и строевая подготовка русской армии эпохи правления императора Павла I // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Двенадцатой Международной научно-практической конференции, Санкт Петербург, 14–16 мая 2025 г. / под ред. С.В. Ефимова: в 4 ч. Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, СПбГУПТД, 2025. С. 258–274.

Волков 2025д — *Волков А.Л.* Русские знаменные трофеи и потери в ходе боевых действий в Голландии в августе – ноябре 1799 г. // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XIX Всероссийской научной конференции «Историческая память и уроки

Великой Победы»: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (г. Астрахань, 22 мая 2025 г.) / отв. ред. и сост. Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин. Астрахань: Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 2025. С. 102–113.

Волков 2025е — *Волков А.Л.* «Я сделал всё, чтобы сберечь войска Вашего Величества. Генерал И. Н. Эссен в Голландии в сентябре – октябре 1799 г.» // Астраханские Петровские чтения: материалы IX Международной научной конференции «Держава науки и образования: уроки петровской эпохи и современные вызовы. К 300-летию Российской академии наук» (г. Астрахань, 22 ноября 2024 г.) / отв. ред. и сост. Е. Г. Тимофеева, Г. В. Палаткина, А. О. Тюрин, О. И. Оськина, А. В. Григорьев. – Астрахань : Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2025. – С. 183-201

Волков 2026а — *Волков А.Л.* «Дивизия под начальством Вашим назначена против северной части Голландии...». Союзная англо-русская экспедиция в Голландию: цели, задачи и планирование операции // Genesis: исторические исследования. 2026. № 2. С. 140–159.

Волков 2026б — *Волков А.Л.* Русская артиллерия в Голландской экспедиции 1799 г. // Материалы IV Международной научной конференции Военная история России XVII-XX вв. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2026. С. 216–226.

Воронов 1890 — *Воронов П.* История лейб-гвардии Павловского полка 1790–1890 / сост. ч. 1. П. Вороновым и В. Бутовским; ч. 2 И. Вальбергом и Н. Кареповым. СПб., 1890. 519 с.

Воронцов 1976 — *Воронцов Г.Ф.* Военные коалиции и коалиционные войны. М.: Воениздат, 1976. 333 с.

Голицын 1874 — *Голицын Н.С.* Всеобщая военная история новых времен: войны второй половины XVIII века в Западной Европе. 1740–1791. Войны Фридриха Великого / издана под ред. кн. Н. С. Голицына, Ген. штаба ген.-лейт. Ч. 3. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1874. 450 с.

Голицын 1875 — *Голицын Н.С.* Всеобщая военная история новейших времен: Ч. 1–2: Войны 1-й Французской революции и республики, 1792–1801. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1875. 898 с.

Горощук, Саржан 2002 — *Горощук Б.С., Саржан А.А.* Позиции России в связи с революционными событиями во Франции // Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII Международной научной конференции. Т. 7: Исторические и политологические науки. Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. С. 159–162.

Гоувальт 1852 — *Гоувальт.* История Лейб-гвардии Павловского полка / составлена лейб-гвардии Павловскаго полка штабс-капитаном Гоувальтом. СПб.: тип. Эдуарда Веймара, 1852. 263 с.

Гребенщикова 2015 — *Гребенщикова Г.А.* Секретные экспедиции Балтийского флота // Клио. 2015. № 5. С. 130–143.

Гребенщикова 2020а — *Гребенщикова Г.А.* Россия и Англия в конце XVIII – начале XIX века: от союза к войне // Военно-исторический журнал. 2020. № 9. С. 27–39.

Гребенщикова 2020б — *Гребенщикова Г.А.* Россия и Турция при императоре Павле: военно-политическая аномалия // Вопросы истории. 2020. № 10(1). С. 3–27.

Дегоев 2001 — *Дегоев В.В.* Внешняя политика Павла I: патология или преемственность // Старый Кирибей [Шабельский-Борк П.Н.]. Павловский гобелен. 200-летию со дня смерти Павла I посвящается. М.: Рус панорама, 2001. С. 52-65.

Дельбрюк 1997 — *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4: Новое время. СПб.: Наука. 1997. 356 с.

Драгомиров 1881 — *Драгомиров М.* О науке побеждать Суворова // Сборник оригинальных и переводных статей [Соч.] М. Драгомирова. Т. 2. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1881. С. 222–243.

Егоров 1996 — *Егоров А.А.* Конфуз союзного войска: Секретная экспедиция русских к голландским берегам // Родина. 1996. № 6. С. 37–42.

Егоров 2017 — *Егоров А.А.* Уильям Питт Младший. 1784–1806: решающие годы. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. 444 с.

Егоров 2023 — *Егоров А.А.* Англо-русское военное сотрудничество в 1799 году: по материалам «Журнала Экспедиции Голландской» Ивана Федорова // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4 (64). С. 248–255.

Жмодиков 2016 — *Жмодиков А.Л.* Наука побеждать. Тактика русской армии в эпоху наполеоновских войн. СПб.: Евразия; М.: Klio, 2016. 859 с.

Захаров 2006 — *Захаров В.А.* История Мальтийского ордена в России. М.: Вече, 2006. 520 с.

Захарчук 2008 — *Захарчук О.Н.* Наполеон Бонапарт в борьбе с антифранцузскими коалициями: стратегия и тактика в политике императора французов (1799 - 1814 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.borodino.ru/wp-content/uploads/2017/08/11_Zaharchuk.pdf?ysclid=mgs9p1tk7622602171 (дата обращения: 10.10.2025). С. 1–17.

Зверев 2022 — *Зверев С.Э.* Наука жить и побеждать: актуальные уроки суворовского наследия: историко-педагогическое исследование. СПб.: Алетейя, 2022. 320 с.

Золотарёв, Межевич, Скородумов 1984 — *Золотарёв В.А.*, *Межевич М.Н.*, *Скородумов Д.Е.* Во славу Отечества Российского: развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII века. М.: Мысль, 1984. 355 с.

Зотов 2017 — *Зотов А.В.* Гатчинские гренадеры на Британских островах // Интернет-журнал «Гатчина сквозь столетия». [Электронный ресурс] Режим доступа: http://history-gatchina.ru (дата обращения: 11.05.2025).

Иминов 2006 — *Иминов В.Т.* Военные теоретики – известные и забытые // Военно-исторический журнал. 2006. № 10. С. 3–9.

История внешней политики 1998 — История внешней политики России. XVIII век : от Северной войны до войн России против Наполеона / Ж. Ананян, А. П. Бажова, Г. В. Мелихов [и др.] ; отв. ред. Г. А. Санин. — Москва : Международные отношения, 1998. 304 с.

История внешней политики 2018 — История внешней политики России: В 5 т. Т. 2. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона). М.: Академический проект; Парадигма, 2018. 293 с.

История военной стратегии 2000 — История военной стратегии России: монография / В.О. Дайнес, А.А. Данилевич, В.А. Пронько и др.; под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. 588 с.

История дипломатии 1941 — История дипломатии: в 3 т. Т. 1 / под ред. В.П. Потемкина; сост.: С.В. Бахрушин, А.Ф. Ефимов, Е.А. Косминский и др. М.: Соцэкгиз, 1941. 568 с.

История Балкан 2004 — История Балкан. Век восемнадцатый / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 2004. 514 с.

История 46-го 1893 — История 46-го Днепровского полка: составлена 1-го апреля 1890 года. Киев: тип. Штаба Киевского воен. округа, 1893. 112 с.

Кабеко 1887 — *Кабеко Д.Ф.* Цесаревич Павел Петрович (1754–1796): историческое исследование Дмитрия Кобеко. 3-е изд., доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. 475 с.

Керсновский 2006 — *Керсновский А.А.* История Русской армии. Т. 1. М.: Эксмо, 2006. 768 с.

Кибовский, Леонов 2008 — *Кибовский А.В., Леонов О.Г.* 300 лет российской морской пехоте. Т. I (1705–1855). М.: Фонд «Русские витязи», 2008. 384 с.

Клаузевиц 1934 — *Клаузевиц К.* О войне / Пер. с нем. А.К. Рачинского. — 2-е изд. — М.: Гос. воен. изд-во, 1934. 692 с.

Клаузевиц 1938 — *Клаузевиц К.* 1799 год. Ч. 1 / Пер. с нем. — М.: Гос. воен. изд. Наркомата обороны СССР, 1938. 300 с.

Клаузевиц 1939 — *Клаузевиц К.* 1799 год. Ч. 2: Швейцарский поход Суворова 1799 г. / Пер. с нем. — М.: Гос. воен. изд. Наркомата обороны СССР, 1939. 260 с.

Ковалёва 2023 — *Ковалёва О.А.* Вторая антифранцузская коалиция 1799 года: взгляд из Санкт-Петербурга // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 1. С. 16–19.

Коршунова 2018 — *Коршунова Н.В.* Крах политической доктрины императора Павла I, или как нельзя управлять страной. М.: Центрполиграф, 2018. 223 с.

Куницын 2017 — *Куницын А.А*. Подготовка Англии к экспедиции в Голландию в 1799 году // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: материалы II Международной научно-практической конференции, 20–21 апреля 2017 г. / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2017. С. 38–42.

Куницын 2019 — *Куницын А.А.* «Ну, хорошо, раз вы этого хотите, но я не вполне с этим согласен». Миссии английского капитана Х.Р. Попхэма в Россию в 1799–1800 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 1. С. 52–67.

Куницын 2020 — *Куницын А.А.* Политическая и военная роль Англии в деятельности второй антифранцузской коалиции: 1798–1802 гг.. Дис. ... канд. ист. наук. М.: МПГУ, 2020. 235 с.

Куницын 2024 — *Куницын А.А.* «…В каком бедственном положении я нахожусь из-за отсутствия медицинского персонала». Медицинское обеспечение российского экспедиционного корпуса в Британии в 1799–1800 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15, № 2. С. 132–146.

Лапонов 2001 — *Лапонов А.В.* Англо-русские отношения в связи с французской экспансией: 1798–1805 годы. Дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2001. 220 с.

Лебедев 1877 — *Лебедев П.С.* Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича. 1796–1801 гг. // Русская старина. 1877. Т. XVIII. Вып. 1–4. С. 227–260, 577–608.

Леонов, Ульянов 1995 — *Леонов О.Г., Ульянов И.Э.* Регулярная пехота 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М.: АСТ, 1995. 296 с.

Леонов 2004 — *Леонов О.Г.* Роль и место индивидуального штыкового боя в тактике русской пехоты в сражениях наполеоновской эпохи // Наполеоновские войны: Люди, события, идеи: Материалы VII-й Всероссийской научной конференции (Москва, 23–24 апреля 2004 г.). М.: СОРЕК-полиграфия, 2004. С. 58–75.

Макнаб 2011 — *Макнаб К.* Наполеон и его эпоха. 1796–1815. Армии, униформа, вооружение, организация, тактика**:** [пер. с англ. А. Колиина]. М.: Эксмо, 2011. 432 с.

Мартынов 1898 — *Мартынов Н.* Исторический очерк столетия Лейб-Гвардии Уральской казачей сотни. СПб.: паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1898. 110 с.

Масловский 1888 — *Масловский Д.Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 2: Поход графа Фермора в восточныя области Пруссии (1757–1759 гг.). М.: Тип. Окружнаго штаба, 1888. 248 с.

Мезенцев 2020 — *Мезенцев Е.В.* Российская армия в наполеоновскую эпоху (1799–1815 гг.): организация, комплектование, тактика: монография. М.: Директ-Медиа, 2020. 360 с.

Мержейовский 1894 — *Мержейовский Э.М.* История 13-го Пехотного Белозерского генерал-фельдмаршала графа Ласси полка (1708–1893 г.): С прил. крат. биогр. ген. фельд. гр. Ласси. Варшава: Варшавская типография и литография, 1894. 590 с.

Милютин 1852 — *Милютин Д.А.* История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году: в 5 т. Т. 3. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1852. 671 с.

Милютин 1853 — *Милютин Д.А.* История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году: в 5 т. Т. 5. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1853. 512 с.

Михайловский-Данилевский, Милютин 1852 — *Михайловский-Данилевский А.И., Милютин Д.А.* История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году: Т. 1. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1852. 615 с.

Михалёв 2003 — *Михалёв С.Н.* Военная стратегия: подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М.; Жуковский: Кучково поле, 2003. 480 с.

Михневич 1898 — *Михневич Н.П.* Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб.: Типография Штаба Отдельного Корпуса Пограничной Стражи, 1898. 177 с.

Морозов 1909 — *Морозов Н.А.* Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений: ист. очерк из жизни рус. армии эпохи наполеон. войн и времен плацпарада. Вильна: электро-тип. «Русский почин», 1909. 128 с.

Назаренко 2013а — *Назаренко К.Б.* Англо-русская Голландская экспедиция 1799 г. в ряду английских десантных экспедиций эпохи революционных и наполеоновских войн // Военная история России XIX–XX веков: Материалы VI Международной военно-исторической конференции. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, 2013. С. 50–57.

Назаренко 2013б — *Назаренко К.Б.* Взгляд на русско-английскую военную экспедицию в Голландию в 1799 году с точки зрения русского и британского патриотизма // «Патриотизм — феномен российской истории»: материалы Международной научно-практической

конференции. СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2013. С. 200–205.

Назаренко 2014а — *Назаренко К.Б.* Голландская экспедиция русской армии 1799 г. В контексте коалиционных войн конца XVIII начала XIX в.: Источниковедческий аспект. Предварительные итоги исследования, источников // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 17. С. 161–175.

Назаренко, Смирнова 2014 — *Назаренко К.Б. Смирнова М.А.* Большая политика и мировая торговля (Голландская экспедиция 1799 г.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сборник материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24–26 сентября 2013 г.). Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2015. Т. 1: XVI–XVIII вв. С. 329–335.

Настенко, Яшнев 2005 — *Настенко И.А., Яшнев Ю.В.* История мальтийского ордена: в 2 кн. Книга II. Мальтийский орден и Россия. Иоанниты в новое и новейшее время. XVIII–XX вв. М.: Русская панорама, 2005. 832 с.

Огородников 1902 — *Огородников Ф.Е.* Военные средства Англии в революционные и наполеоновские войны. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1902. 462 с.

Окунь 1947 — *Окунь С.Б.* История СССР. Т. 1. 1796–1825: Курс лекций. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1947. 492 с.

Орлов 1881 — *Орлов Ф.Ф.* История С.-Петербургского гренадерского короля Фридриха Вильгельма III полка. (1726–1890) Сост. Ф. Орлов. — Санкт-Петербург : тип. Второго Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1881. 180 с.

Орлов 1892а — *Орлов Н.А.* Суворов: Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 г. / сост. Ген. штаба полк. Н.А. Орлов. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1892. 362 с.

Орлов 1892б — *Орлов Ф.Ф.* История С.-Петербургского гренадерского короля Фридриха Вильгельма III полка. (1726–1890): издание для солдат. СПб.: тип. В. Г. Авсеенко, 1892. 180 с.

Орлов 1898 — *Орлов Н.А*. Поход Суворова в 1799 г.: По запискам Грязева / сост. орд. проф. воен. искусства Ген. штаба полк. Н.А. Орлов. СПб.: Столич. скоропеч., 1898. 211 с.

Пенской 2001 — *Пенской В.В.* Армия Российской империи в XIII в.: выбор модели развития // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 119–136.

Петрушевский 1884а — Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов: в 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. 488 с.

Петрушевский 1884б — Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов: в 3 т. Т. 3. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. 458 с.

Приходько 2018 — *Приходько Д.С.* Позиция Франции в «восточном вопросе» (1798–1812 гг.) // Архонт. 2018. № 5 (8). С. 74–78.

Рогулин 2005а — *Рогулин Н.Г.* «Полковое учреждение» А.В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 276 с.

Рогулин 2005б — *Рогулин Н.Г.* Военное законодательство как источник по истории воспитания и обучения рекрутов в русской армии в XVIII – первой половине XIX в. // Историография и источниковедение отечественной истории: сборник научных статей и сообщений. Вып. 4. СПб.: Скифия-принт, 2005. С. 86–98.

Рогулин 2008 — *Рогулин Н.Г.* К вопросу о факторах, влиявших на эволюцию русского мундира в XVIII в. // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII–XX веках: материалы международной научной конференции. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2008. С. 22–28.

Рогулин 2012 — Рогулин Н.Г. Голландская экспедиция 1799 г. в судьбе участников Отечественной войны 1812 г. // Состояние и перспективы социально-экономического развития Северо-Запада России: тезисы

докладов 13-й научной международной межвузовской конференции преподавателей, аспирантов и студентов (22–23 мая 2012 г.). Выборг: СЗАГС, 2012. С. 13–26.

Рогулин 2013 — *Рогулин Н.Г.* Голландская экспедиция 1799 г. в изобразительных источниках // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. № 4. С. 34–43.

Рогулин 2014а — *Рогулин Н.Г.* Англо-русская экспедиция в Голландию 1799 г. в произведениях изобразительного искусства. СПб.: «Лема», 2014. 272 с.

Рогулин 2014б — *Рогулин Н.Г.* Русские войска в Голландии в 1799 г. Обзор иконографии // Современные вопросы источниковедения и историографии истории России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 17). С. 108–138.

Россия в коалиционных войнах 2019 — Россия в коалиционных войнах. XVIII в. / В.Ю. Грибовский, В.И. Мусаев, С.Н. Ковалев и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 384 с.

Рюстов 1876 — *Рюстов Ф.В*. История пехоты: Т. 2. СПб.: Типография И.П. Попова, 1876. 395 с.

Смирнова 2012 — *Смирнова М.А*. Воспоминания А.Я. Дубянского о Голландской экспедиции 1799 г. // Состояние и перспективы социально-экономического развития Северо-Запада России: Тезисы докладов 13-й научной международной межвузовской конференции преподавателей, аспирантов и студентов (22–23 мая 2012 г.). Выборг: СЗАГС, 2012. С. 81–90.

Смирнова 2013 — *Смирнова М.А*. Мемуары о голландской экспедиции 1799 г.: источниковедческий обзор // Вестник СПбГУ. Сер. 2, История. 2013. № 3. С. 20–29.

Смирнова 2014 — *Смирнова М.А*. Британские военные о Голландской экспедиции 1799 г.: обзор мемуарных источников // Современные вопросы источниковедения и историографии истории России: труды

Института истории СПбГУ. СПб.: СПб.: Ин-т истории Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2014. С. 134–155.

Соколов 2006 — *Соколов О.В.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799—1805 гг. М.: Русский культурный фонд «Империя Истории», 2006. 305 с.

Соколов 2012 — *Соколов О.В.* Армия Наполеона. СПб.: Издательский дом «Империя», 1999. 585 с.

Сорель 1906 — *Сорель А.* Европа и Французская революция. Т. 5: Бонапарт и Директория, 1795–1799. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1906. 450 с.

Станиславская 1962 — *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: Изд-во АН СССР, 1962. 503 с.

Стратегия в трудах 2003 — Стратегия в трудах военных классиков. М.: Издательский дом «Финансовый контроль», 2003. 598 с.

Татарников 2012 — *Татарников К.В.* Русская армия времен Екатерины Великой: взгляд изнутри // Эспонтон.рф. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://esponton.ru/uploads/1708363491.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

Татищев 1912 — *Татищев С.С.* Император Павел I и война 1799 г. // Русский архив. 1912. № 2. С. 465–474.

Тучков 1818а — *Тучков С.А.* Военный словарь: Заключающий наименования или термины, в российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принодлежит, из какого языка взяты, как могут быть переведены на российской, какое оных употребление и к чему служат // Сочинения г[енерал-]м[айора] С. Тучкова. Ч. 1: От А до О. М.: тип. Селивановскаго, 1818. 269 с.

Тучков 1818б — *Тучков С.А.* Военный словарь: Заключающий наименования или термины, в российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принодлежит, из какого языка взяты, как могут быть переведены на российской, какое оных употребление и к

чему служат // Сочинения г[енерал-]м[айора] С. Тучкова. Ч. 2: От О до Я. М.: тип. Селивановскаго, 1818. 251 с.

Урбан 1890 — *Урбан И.Э.* Краткая история 6-го Гренадерского Таврического полка. Тула: тип. Губ. правл., 1890. 80 с.

Федин 2003 — *Федин А.В.* Великая французская революция и системная трансформация англо-русских отношений в конце XVIII в. // Чичеринские чтения. Российская внешняя политика и международные отношения в XIX-XX вв. / отв. ред. А.Г. Айрапетов. Тамбов: издательство ТГУ, 2003. С. 113-117.

Фукс 1825 — *Фукс Е.Б.* История российско-австрийской кампании 1799 г. под предводительством генералиссимуса, князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. Ч. 1: Описание войны, извлеченное из подлинных актов и официальных бумаг. — СПб.: Военная типография Главного штаба, 1825. 413 с.

Хабибуллина 2012 — *Хабибуллина А.Р.* Обзор ресурсов сети Интернет о Голландской экспедиции 1799 г. // Состояние и перспективы социально-экономического раз вития Северо-Запада России: Тезисы докладов 13-й научной международной межвузовской конференции преподавателей, аспирантов и студентов (22–23 мая 2012 г.). Выборг: СЗАГС, 2012. С. 90–95.

Хрещатицкий 1913 — *Хрещатицкий Б.Р.* История Лейб-гвардии казачьего его величества полка. (1775–1813–1875–1913). СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1913. Ч. 1. 407 с.

Чандлер 1999 — *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. М.: Центрполиграф, 1999. 492 с.

Чернышев 2012 — *Чернышев А.А*. Русский флот в войнах с наполеоновской Францией. М.: Вече, 2012. 320 с.

Шавров 1890 — *Шавров К.Р.* Краткая история 11-го гренадерского Фанагорийского генералиссимуса князя Суворова полка (1790–1890) /

сост. для гренадер-суворовцев кап. Шавров; описание кампании 1877 г. сост. поручиком Федоровым. М.: тип. Т. И. Гаген, 1890. 152 с.

Шевяков 2002 — *Шевяков Т.М.* Итальянский и Швейцарский походы Суворова 1799. М.: АСТ; Астрель, 2002. 47 с.

Шиканов 2012 — *Шиканов В.Н.* Наполеоновская армия. М.: Книга, 2012. 103 с.

Шимонова 2011 — *Шимонова Н.В.* К вопросу о подготовке голландской экспедиции 1799 г. союзных войск Великобритании и России // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2011. № 3. С. 36–46.

Эволюция военного искусства 1987 — Эволюция военного искусства: этапы, тенденции, принципы / под общ. ред. Ф.Ф. Гайворонского. М.: Воениздат, 1987. 246 с.

Юркевич 2024 — *Юркевич Е.И.* Военные реформы Павла I // XI Волконские чтения, посвященные 260-летию Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации: Материалы Международной научной конференции. СПб.: ГАЛАРТ, 2024. С. 31–58.

Van der Aa — *Van der Aa C.* Geschiedenis van den jongst-geëindigden oorlog, tot op het sluiten van den vrede te Amiëns; bijzonder met betrekking tot de Bataafsche republiek. Deel VIII. Amsterdam: J. Allart, 1806. 529 p.

Anonym 1884 — *Anonym.* British Minor Expeditions. 1746 to 1814 / compiled in the Intelligence Branch of the Quartermaster-General's Department. London: Harrison and Sons, 1884. 91 p.

Atkinson 1958 — *Atkinson C.T.* The Expedition to Holland in 1799, From the Journal of Lord Dalhousie // Journal of the Society for Army Historical Research. 1958. Vol. XXXVI, No 147. P. 97–108.

Ball 2017 — *Ball P.A.* Waste of Blood and Treasure: The 1799 Anglo-Russian Invasion of the Netherlands. Barnsley: Sword & Pen, 2017. 192 p.

Bartlett 1983 — *Bartlett M.* Assault from the Sea: Essays on the History of Amphibious Warfare. Annapolis: Naval Institute Press, 1983. 480 p.

Bourgoin 1840 — *Bourgoin L.* Esquisse historique sur le maréchal Brune, publiée d'après sa correspondance et les manuscrits originaux conservés dans sa famille. Tome Premier. Paris: Rousseau, 1840. 394 p.

Callister 2017 — *Callister G.* War, Public Opinion and Policy in Britain, France and the Netherlands, 1785–1815. London: Palgrave Macmillan, 2017. 348 p.

Callister 2021 — *Callister G.* Britain's Not-so-Grand Strategy: The Projected Expedition Against the Texel, 1796 // Academia Letters. 2021. Article 3049. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://doi.org/10.20935/AL3049 (дата обращения: 28.12.2025).

Colenbrander 1908 — *Colenbrander H.T.* De Bataafsche Republiek. Amsterdam: Meulenhoff, 1908. 286 p.

Dawnay 1968 — Dawnay N. P. The expedition to the Halder, 1799 // Journal of the Society for Army Historical Research. – 1968. – Vol. 46, No. 188. P. 191–193.

Dunfermline 1861 — *Dunfermline J.* Lieutenant-General Sir Ralph Abercromby, K.B., 1793–1801: A memoir of his son James lord Dunfermline. Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1861. 328 p.

Dumas 1817 — *Dumas M.* Précis des événemens militaires, ou essais historiques sur les campagnes de 1799 à 1814, avec cartes et plans. Tome premier: Campagne de 1799 / par M. le Comte Mathieu Dumas, lieutenant-général des armées du roi. Paris: Treuttel et Würtz; Strasbourg; Londres: même Maison de Commerce; Hambourg: Perthès et Besser, 1817. 525 p.

Elliot 1955 — *Elliot D.C.* The Grenville Mission to Berlin, 1799 // Huntington Library Quarterly. 1955. Vol. 18. № 2. P. 129–146.

Fortescue 1906 — *Fortescue J.W.* A History of the British Army: Vol. 4, Part II. London: Macmillan, 1906. 598 p.

Gachot 1906 — *Gachot E.* Les Campagnes de 1799, Jourdan en Allemagne et Brune en Hollande. Paris: Perrin et Cie, 1906. 410 p.

Graham 1862 — *Graham S.* Memoir of General Graham: with notices of the campaigns in which he was engaged from 1779 to 1801 / Ed. by Col. J. J. Graham. Edinburgh: Priv. print. by R. & R. Clark, 1862. 361 p.

Hanger 1795 — *Hanger G.* Military Reflections on the Attack and Defence of the City of London. London: J. Debrett, 1795. 134 p.

Hüffer 1902 — *Hüffer H.* Der Feldzug der Engländer und Russen in Holland im Herbst 1799 und die Stellung Preussens // Historische Vierteljahrschrift. Leipzig: B.G. Teubner, 1902. S. 161–195, 347–386, 523–527.

Hüffer 1905 — *Hüffer H.* Der Krieg des Jahres 1799 und die zweite Koalition. Zweiter Band. Gotha: Friedrich Andreas Perthes Aktiengesellschaft, 1905. 384 s.

Jomini 1822 — Jomini A.H. de. Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution. Nouvelle édition, rédigée sur de nouveaux documents, et augmentée d'un grand nombre de cartes et de plans. T. 12 : Campagne de 1799. Paris : chez Anselin et Pochard, 1822. 470 p.

Koningsbrugge 1996 — *van Koningsbrugge J.S.A.M.* De grenzen van het beeld. Het Nederlandse beeld van de Russische soldaten tijdens de Engels-Russische Invasie in Noord-Holland in 1799: doctoraalscriptie. Groningen: Rijks Universiteit Groningen, 1996. 83 p.

Laws 1956 — *Laws M.E.S.* Mission to Russia, 1799 // Royal United Services Institution. 1956. Vol. 101, № 11. P. 576–579.

Limm 2014 — *Limm A.R.* «Fairly out-Generalled and disgracefully beaten»: the British Army in the Low Countries, 1793–1814. Birmingham: University of Birmingham, 2014. 295 p.

Lipscombe 2015 — *Lipscombe N.* Napoleon’s Obsession — the Invasion of England // British Journal for Military History. 2015. Vol. 1, No. 3. P. 115–133.

Lukacs 1954 — *Lukacs John A*. Russian armies in western Europe: 1799, 1814, 1917 // American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 13, № 3. P. 319–337.

Mac-Carthy 1818 — *Mac-Carthy M.* Histoire de la campagne faite en 1799 en Hollande. Paris: Plancher, 1818. 351 p.

Mackesy 1978 — *Mackesy P.* Problems of an Amphibious Power: Britain Against France, 1793-1815 // Naval War College Review. 1978. Vol. 30, No. 4. P. 16–25.

Moore 1833 — *Moore J.C.* The Life of Lieutenant-General Sir John Moore, K.B. Vol. 1. London: John Murray, 1833. 339 p.

Nichols 2019 — *Nichols A.* Officers and Organisation of the Dutch Brigade 1802 [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.napoleon-series.org/military-info/organization/Britain/Foreign/BritishDutchBrigade1802.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

Piechowiak 1962 — *Piechowiak A.B.* The Anglo-Russian Expedition to Holland in 1799 // The Slavonic and East European Review. 1962. Vol. 41. № 96. P. 182–195.

Popham 1991 — *Popham H.* A Damned Cunning Fellow: The Eventful Life of Rear Admiral Sir Home Popham, KCB, KCH, KM, FRS, 1762–1820. Cornwell: Old Ferry Press, 1991. 280 p.

Ragsdale 1983 — *Ragsdale H*. Russia, Prussia, and Europe in the Policy of Paul I // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1983. Bd. 31. H. 1. P. 81–118.

Rodger 1964 — *Rodger A.B.* The war of the second coalition 1798–1801. A strategic commentary. Oxford: The Clarendon Press, 1964. 312 p.

Schroeder 1987 — *Schroeder P.W.* The Collapse of the Second Coalition // The Journal of Modern History. 1987. Vol. 59. № 2. P. 244–290.

Van Sypesteijn 1853 — *Van Sypesteijn J.W.* Krijgskundige Beschouwingen over den Veldtogt van 1799 in Noord Holland // De Nieuwe Spectator, Krijgs- en Geschiedkundig Tijdschrift voor Neerlands land- en Zeemacht. Nijmegen: J.F. Thieme, 1853. P. 311–316, 399–425.

Van Sypesteijn 1854 — *Van Sypesteijn J.W.* Krijgskundige Beschouwingen over den Veldtogt van 1799 in Noord Holland // De Nieuwe Spectator, Krijgs- en Geschiedkundig Tijdschrift voor Neerlands land- en Zeemacht. Nijmegen: J.F. Thieme, 1854. P. 24–36, 65–85, 137–173, 201–222, 409–417, 473–501.

Van Sypesteijn 1855 — *Van Sypesteijn Jhr. J.W.* Iets over den Veldtogt in Noord-Holland, in het jaar 1799 // De Militaire Spectator. Breda: Broese & Comp., 1855. P. 193–220, 405–408.

Van Sypesteijn 1856 — *Van Sypesteijn J.W.* Lets over de maatregelen welke na het jaar 1799 zijn genomen. Om eenen vijand het doen eener landing op de Noord-Hollandse kust te beletten enz // De Militaire Spectator. Breda: Broese & Comp., 1856. P. 256–267, 319–326, 383–392.

Tannenberg 1804 — *Tannenberg G. von* Leben Pauls des Ersten Kaisers und Selbstherrschers aller Reußen. Nebst einer authentischen Geschichte der Feldzüge der Russen in Italien, in der Helvetischen und Batavischen Republik gegen die Franzosen, und vieler bisher unbekannt gebliebener Anecdoten und Züge aus dem Leben dieses merkwürdigen Monarchen / von einem russischen Offizier [pseud. G. von Tannenberg]. — Frankfurt am Main : Johann Daniel Simon, 1804. 414 s.

Van Uythoven 1999 — *Van Uythoven G.* Voorwaarts, Bataven! De Engels-Russische Invasie van 1799. Zaltbommel: Europese Bibliotheek, 1999. 209 p.

Van Uythoven 2018 — *Van Uythoven G.* The Secret Expedition: the Anglo–Russian Invasion of North Holland, 1799. Warwick: Helion and Company, 2018. 448 p.

Victoires, conquêtes, désastres 1818 — Victoires, conquêtes, désastres, revers et guerres civiles des Français, de 1792 à 1815 // Par une société de militaires et de gens de lettres. Ch. Th. Beauvais de Préau e. a. Tome 6. Paris: Imprimerie C.-L.-F. Panckoucke, 1818. 334 p.

Watkins 1827 — *Watkins J.* A biographical memoir of his late royal highness Frederick, duke of York and Albany, commander-in-chief of the forces of Great Britain. London: H. Fisher, 1827. 600 p.

Wheeler 1907 — *Wheeler H.F.B.* Napoleon and the Invasion of England: The Story of the Great Terror. Vol. 1. London: J. Lane, 1907. 316 p.

Приложения

Приложение 1

Состав и численность русского корпуса по состоянию на 3 августа 1799 г.

Командующий: генерал-лейтенант И.И. Герман фон Ферзен

Начальник артиллерии: генерал-майор П.М. Капцевич (2 роты полевой артиллерии)

Дивизия генерал-лейтенанта М.А. Жеребцова (11 бат., 1 эск.)

Лейб-гусарский эскадрон (полк. Гладков)…….76

Лейб-казаков донских……..35

Лейб-казаков Уральской сотни……62

Пионерная рота кап. Дрейера.……...125

Бригада генерал-майора И.Ф. Эмме (6 бат.)

Сводно-гренадерский батальон Митюшина……..651

Сводно-гренадерский батальон Эриксона...……..622

Гренадерский полк Жеребцова …….……1551

Гренадерский полк Эмме ……..……1516

Артиллерии полковой……...177

Артиллерии полевой..……...305

Маршевый «батальон» для пополнения убыли нижних чинов……300

Всего в бригаде……5122 человека

Бригада генерал-майора И.Е. Сутгофа (5 бат.)

Гренадерский полк Бенкендорфа ……..……1516

Мушкетерский полк Ферзена ……..……..……1542

Егерский полк Сутгофа (1 бат.)……...376

Артиллерии полковой……...144

Артиллерии полевой..……...101

Всего в бригаде……...3679 человек

Всего в дивизии……..8789 человек

Дивизия генерал-майора И.Н. Эссена 1-го (9 бат. 1 эск.)

Лейб-гусарский эскадрон (полк. Гладков)……45

Лейб-казаков донских…….....25

Пионерная рота кап. Дрейера…….....54

Бригада генерал-майора И.И. Арбенева (5 бат.)

Сводно-гренадерский батальон Штрика……627

Сводно-гренадерский батальон Огарёва……648

Мушкетерский полк Арбенева ……..…….……..……1546

Егерский полк Сутгофа (1 бат.)……368

Артиллерии полковой……..……142

Артиллерии полевой..…….....222

Всего в бригаде……...……3553 человека

Бригада генерал-майора А.К. Седморацкого (4 бат.)

Сводно-гренадерский батальон Тимофеева……633

Сводно-гренадерский батальон Осипова……643

Мушкетерский полк Седморацкого …….……....1576

Артиллерии полковой……..…….....123

Всего в бригаде……...……2975 человек

Всего в дивизии……6653 человек

Всего в корпусе: 20 батальонов, 2 эск., 60 орудий……15 751 человек

Приложение 2

Количество обозных экипажей для полков и батальонов корпуса генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена, утверждённое приказом императора Павла I от 10 июля 1799 г.

В гренадерских и мушкетерских полках:

- ящиков патронных – 10;
- ящиков палаточных для двух рот – 1;
- церковная фура;
- ящик с казною и письменными принадлежностями – 1;
- карет госпитальных -4;
- полуфурки экипажные – 30.

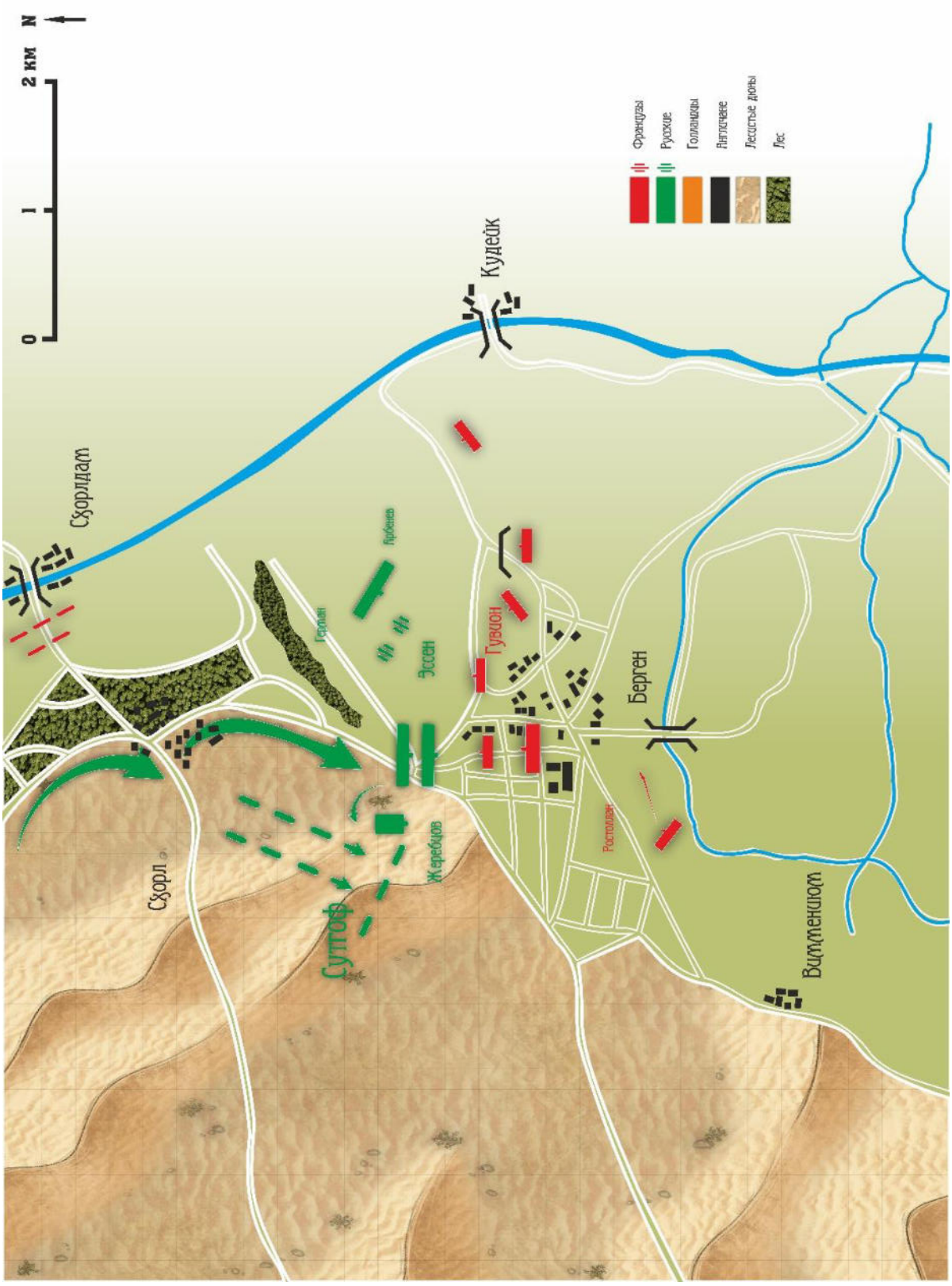
В егерском полку:

- ящиков патронных – 6;
- церковная фура;
- ящик с казною и письменными принадлежностями – 1;
- карет госпитальных -2;
- полуфурки экипажные – 6.

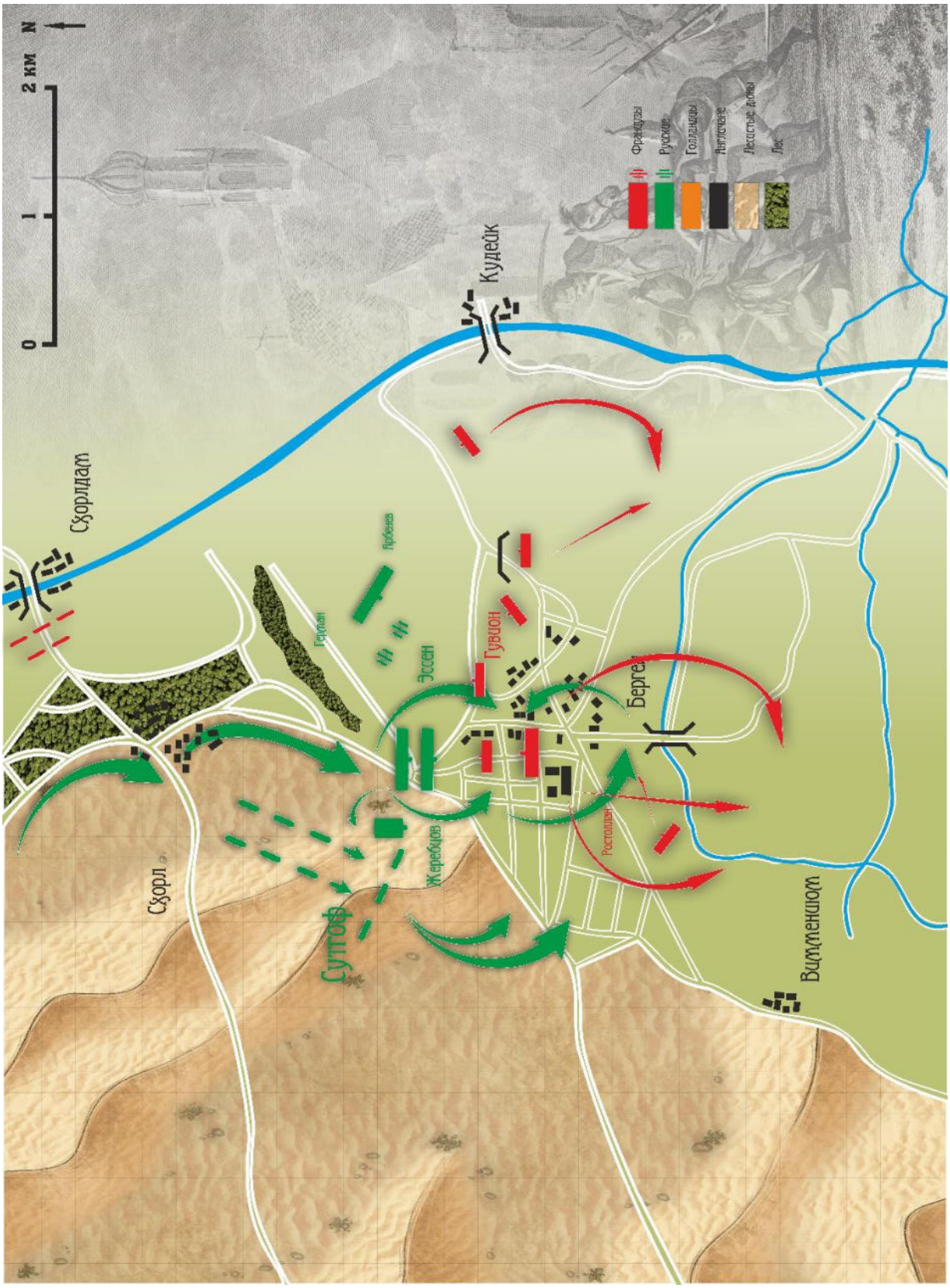
В сводно-гренадерском батальоне:

- ящиков патронных – 4;
- ящиков палаточных для двух рот – 2;
- церковная фура;
- полуфурки экипажные – 12.

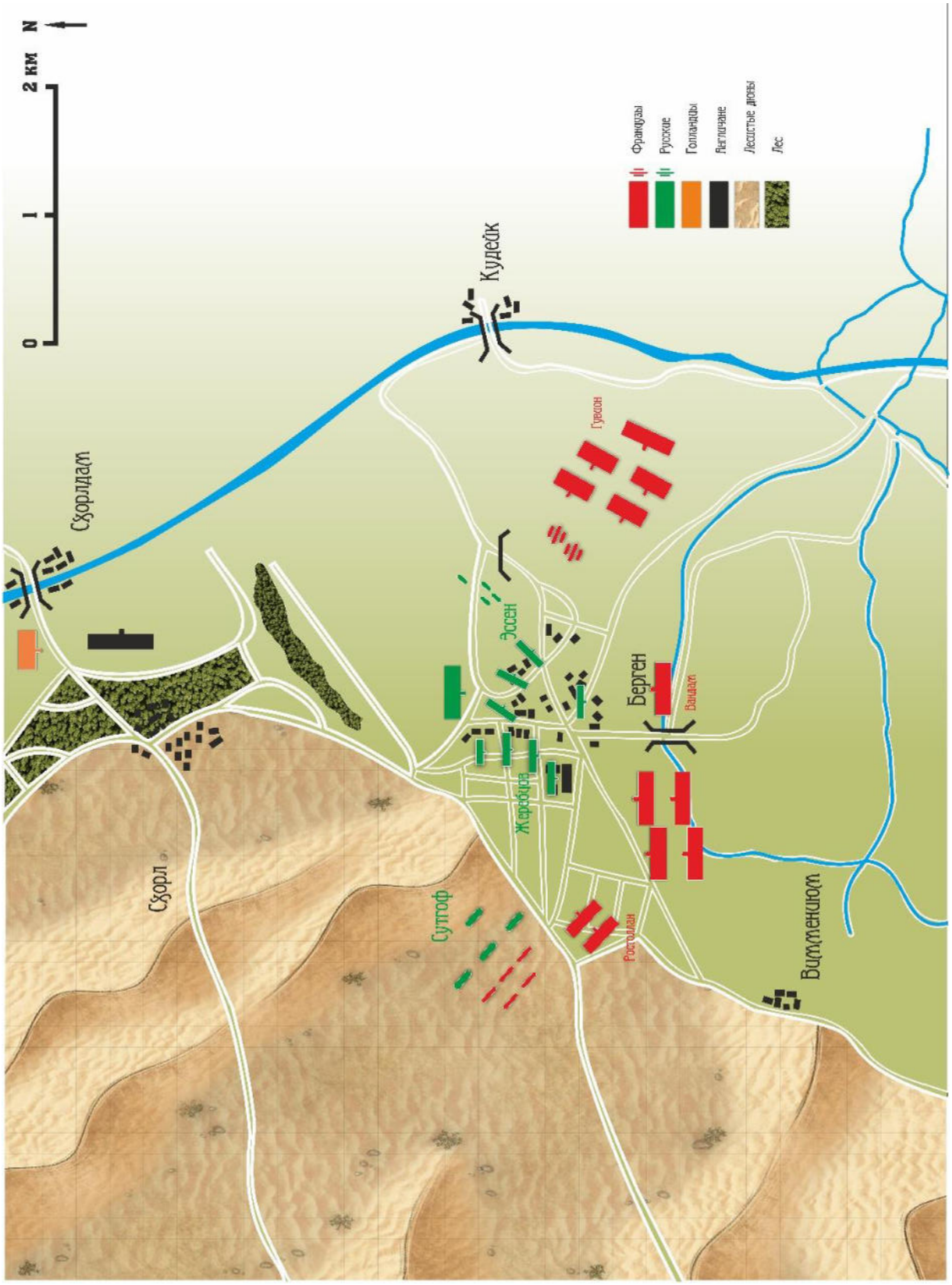
Карта 1. Русские войска готовятся к штурму Бергена, 07.30 утра
(сост. карты А.Л. Волков)



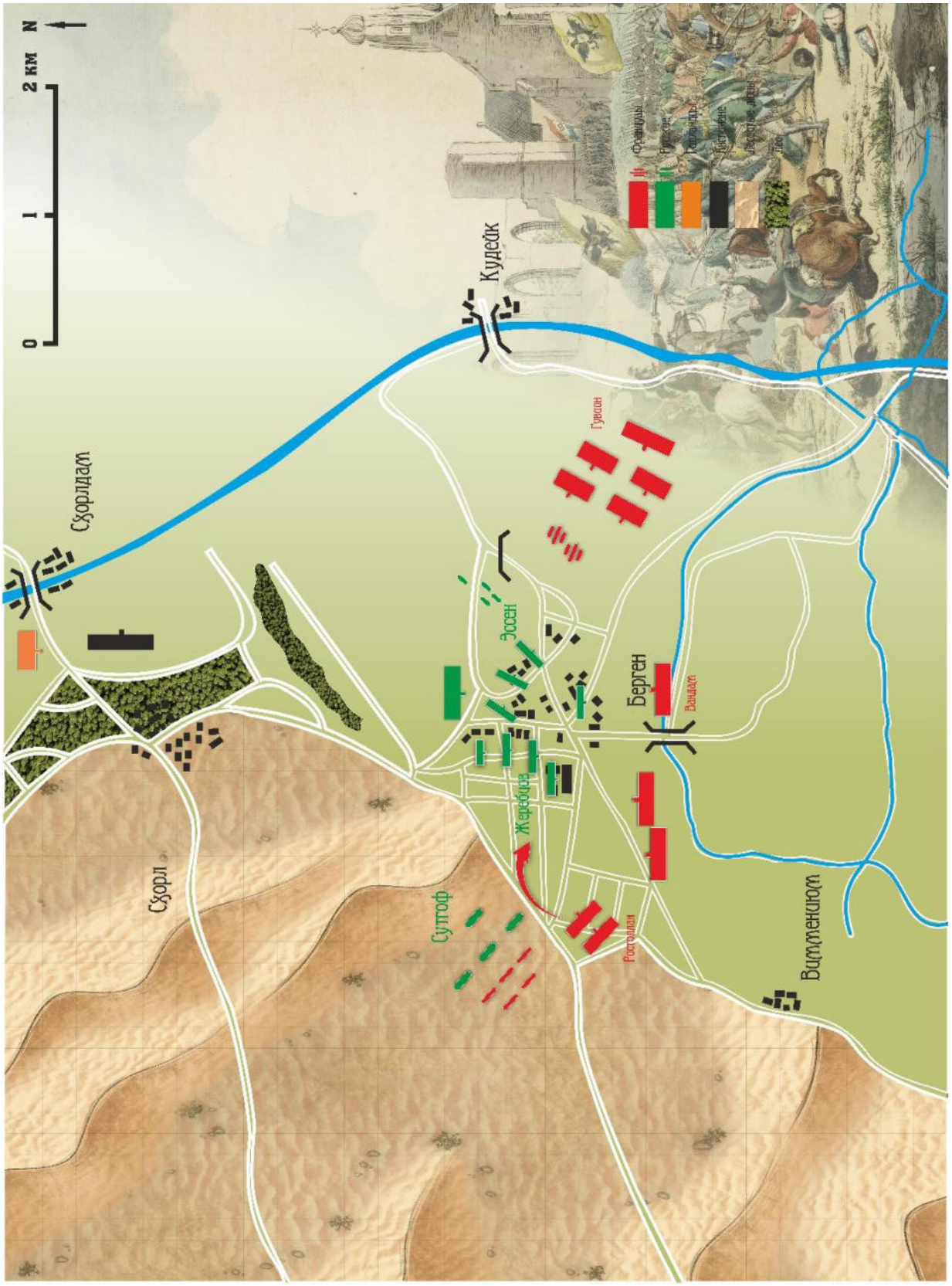
Карта 2. Взятие русскими войсками Бергена, 08.00 – 08.10 утра
(сост. карты А.Л. Волков)



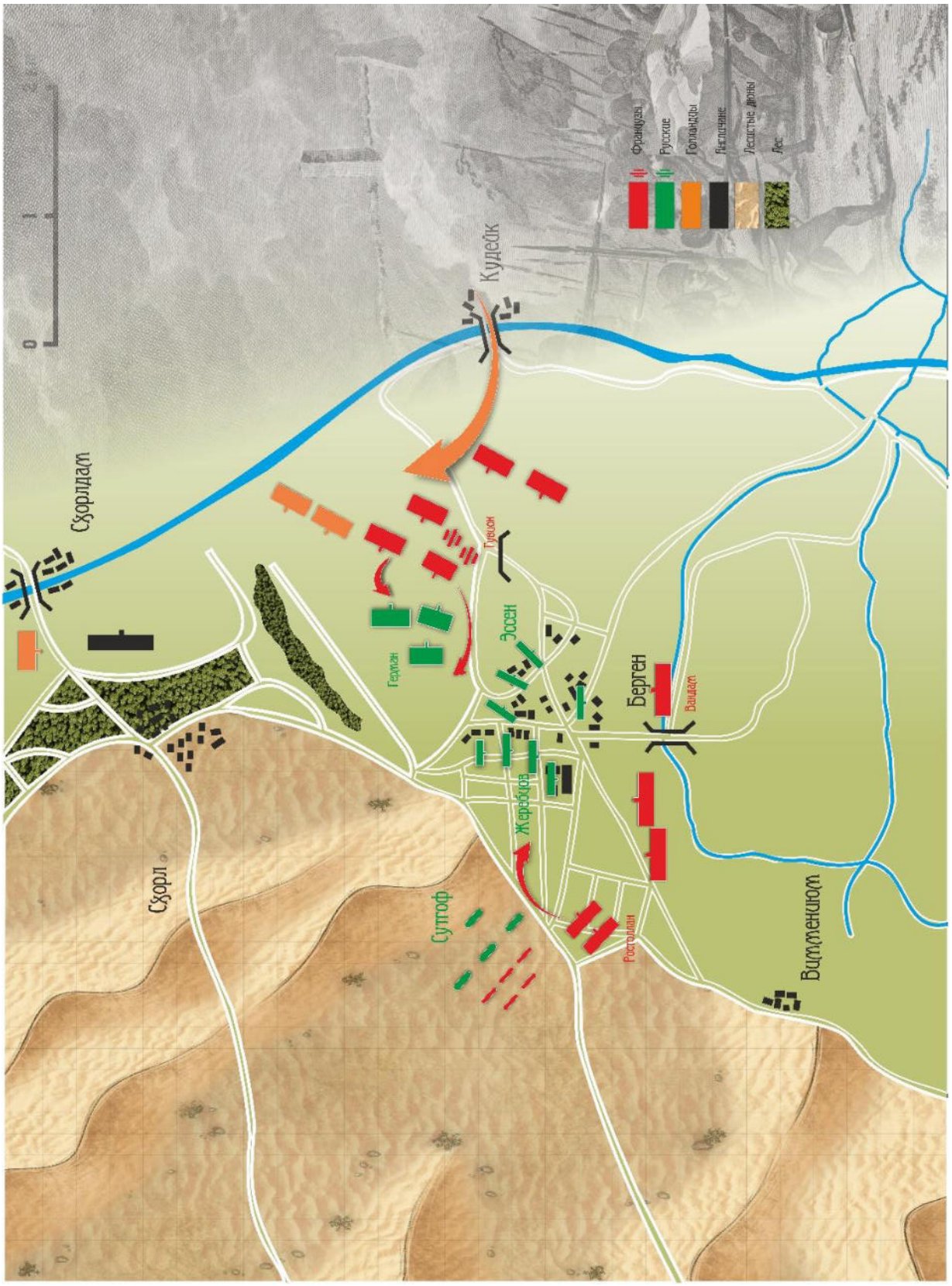
Карта 3. Положение сторон к началу французской контратаки, 08.30 – 08.40 утра (сост. карты А.Л. Волков)



Карта 4. Первые атаки войск Вандама, 09.00 утра
(сост. карты А.Л. Волков)



Карта 5. Общая атака французов и взятие города частями генерала Гувиона и полковника Ростоллана, 09.30 утра (сост. карты А.Л. Волков)



Карта 6. Прорыв русских войск из города Берген, 09.40 – 10.00 утра
(сост. карты А.Л. Волков)

Приложение 4

Состав Первой колонны под командованием генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена в битве при Бергене 19 сентября 1799 года

Командующий — генерал-лейтенант И.И. Герман фон Ферзен

Авангард (ком. — генерал-майор И.Е. Сутгоф)
Егеря (майор Мухин)……..…….……300 чел.
Казаки……..25 чел.
Сводно-гренадерский батальон Осипова…….1 бат.
4 орудия английской конной артиллерии

1-я линия (ком. — генерал-майор И.Н. Эссен)
Гренадерский полк Жеребцова …….……...2 бат.
Гренадерский полк Бенкендорфа ……...……..2 бат.
4 орудия

2-я линия (ком. — генерал-майор И.И. Арбенев)
Мушкетерский полк Арбенева ……2 бат.
Сводно-гренадерский батальон Штрика……..1 бат.
Сводно-гренадерский батальон Тимофеева…….1 бат.
4 орудия

Колонна полковника Баклановского
Рота егерей (капитан Муравьёв)…..……1 рота
Мушкетерский полк Ферзена ……..…….2 бат.
4 орудия

Всего: 12 батальонов

Лейб-казаки, Лейб-гусары……..1 эск.

Резерв
Английская бригада генерал-майора Маннерса
9-й пехотный полк……2 бат.
56-й пехотный полк……1 бат.
7-й полк лёгких драгун ……4 эск.
Конная артиллерия (брит.)……10 орудий

Приложение 5

Потери русских войск в сражениях при Бергене, Алкмаре и Кастрикуме

Воинская часть	Убито и пропало без вести	Ранено
Гренадерский полк Бенкендорфа	331	539
Гренадерский полк Жеребцова	225	195
Гренадерский полк Эмме	13	68
Мушкетерский полк Ферзена	232	115
Мушкетерский полк Арбенева	361	92
Мушкетерский полк Седморацкого	139	229
Егерский полк Сутгофа	97	150
Сводно-гренадерский батальон Тимофеева	102	153
Сводно-гренадерский батальон Штрика	271	145
Сводно-гренадерский батальон Осипова	149	185
Сводно-гренадерский батальон Эриксона	82	152
Сводно-гренадерский батальон Матюшина	75	137
Пионерская рота	2	3
Артиллеристы	87	71
Лейб-Казаки	2	3
Лейб-гусары	1	
Всего	2254	2398
		Итого: 4652

Потеряно 20 орудий